Р3 2/15
Р3
2
15

Забайкальский Отдел Государственного Географического О-ва
Читинский Государственный Областной Музей им. Кузнецова

К столетию восстания
14-го декабря 1825 г.

Декабристы в Забайкалье

НЕИЗДАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Под редакцией
А. В. Харчевникова

Г. ЧИТА
Типография Акцион. О-ва „Печатное Дело“
1925

Р3 9/15

Забайкальский Отдел Государственного Географического О-ва
Читинский Государственный Областной Музей им. Кузнецова

К столетию восстания
14-го декабря 1825 г.

Р3 2/15
34/46

Декабристы в Забайкалье

НЕИЗДАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Под редакцией
А. В. Харчевникова

Г. ЧИТА
Типография Акцион. О-ва „Печатное Дело“
1925

Государственная
Историческая
библиотека РСФСР
48089

ГОСУД. Р-СО ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 48089
2-III-1926
БИБЛИОТЕКА

Забгублит № 916. Тираж 1000. Зак. 1265

1825—1925.

„Из искры возгорится пламя...“

(Из стих. декабр. А. И. ОДОЕВСКОГО, написанного в Чите в 1827-ом году).

ОТ РЕДАКЦИИ.

Чувствуя в дни столетнего юбилея особенную близость к участникам декабрьского восстания 1825-го года, проведшим многие годы в тюрьме и ссылке в нашем суровом краю, Забайкальский Отдел Государственного Географического Общества и Читинский Государственный Областной Музей имени Кузнецова предприняли издание настоящего сборника.

Редакция сборника, не считая себя в силах дать какое либо новое, капитальное исследование по истории декабризма, поставила себе задачу гораздо скромнее—сделать достоянием исследователей и широкого круга массовых читателей хотя бы часть тех неизданных, относящихся к декабристам, материалов, которые находятся у нас в Забайкалье.

Стесненные материальные условия не позволили редакции поместить в сборник многое из того, что уже подготовлено к печати. Так, в сборник не вошла ценная работа проф. М. К. Азадовского: „Письма Д. И. Завалишина из каземата к А. С. и Ф. О. Смольяниновым".

Редакция надеется, что в скором времени будет найдена возможность издать этот труд и, может быть, даже отдельным выпуском.

Несмотря на скромные размеры издаваемого сборника, редакция все же считает, что и тот материал, который здесь напечатан, заставит многих оглянуться на инициаторов вооруженной революционной борьбы с царизмом и, отправляясь от них к современности глубже понять и оценить революционный путь, который пройден за сто лет, отделяющих нас от времени восстания на Сенатской площади.

Техническое состояние типографии, где печаталось издание, не позволило редакции напечатать приводимые материалы по старой орфографии, как того бы требовала самая цельность впечатления. Но, за исключением этих изменений, вызванных правилами новой орфографии, редакция в остальном держалась буквальной передачи подлинников.

Все напечатанное курсивом принадлежит редакции.

Забайкальский Отдел Государственного Географического Общества и Читинский Государственный Областной Музей имени Кузнецова должны отметить энергичную деятельность по изысканию средств на издание: председателя Отдела Г. П. Рогачева и членов финансовой комиссии—управляющего Читинской конторой Дальбанка Е. Г. Левензона, управляющего Читинской конторой Дальгосторга Ю. Г. Грюнберга и д-ра А. Л. Цейтлина, благодаря которым только и удалось выпустить настоящий сборник.

Кроме них горячее участие в выпуске сборника приняли: доктор В. И. Ишерский, руководивший во Владивостоке всей работой по изготовлению клише и П. Р. Безруких, давший ряд ценных указаний относительно технической стороны издания.

А. Харчевников.

Чита. Ноябрь, 1925.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Век проходит со дня восстания декабристов. За сто лет царская Романово-аракчеевская Россия пришла к России Советов. Путь исключительно тяжелый, обильно политый кровью лучших людей нашей страны. Несмотря на это, путь, начатый немногими, начатый единицами—привлек сейчас к себе десятки и сотни миллионов.

„Русские революционеры—не Иваны, не помнящие родства". Память декабристов—нам дорога, несмотря ни на ограниченность их задач, несмотря ни на ошибки и недочеты участников этого движения.

Ценность сборника, издаваемого Забайкальским Отделом Географического Общества и Читинским музеем в том, что сборник показывает нам декабристов, как они были. Декабристы поняли на десятки лет раньше многих необходимость государственного переустройства, но, тем не менее, они были и остались людьми первой четверти XIX века.

Узнать декабристов, понять условия, в каких выработалось их движение, уяснить обстановку, в какой оно протекало, значит установить теснейшую преемственную связь развития революционного движения, найти его истоки.

Сохранившиеся архивы дают для этого материал. Материал скудный в части освещения объективных причин движения: для царского правительства декабристы—только „государственные преступники", только личности. Глухого массового недовольства, народных корней движения царизм не мог учесть тогда, не научился этому и позже, видя в революционерах—только „бунтарей", только отдельных „злоумышленников".

Поэтому требуется кропотливая упорная работа по тщательному изучению публикуемых материалов, которая представляет собой единственный путь для достижения подобной цели.

Сборник надо не просто читать, а серьезно и вдумчиво поработать над ним.

В движении 1825-го года участвовали войска, были и крестьянские волнения. Массовые аресты, массовые наказания обрушились на

участников движения. Но истории этих „декабристов", декабристов-массовиков, мы еще не имеем.

Установка исторических исследований на руководителей восстания, разумеется, правильна. Но задача освещения роли других участников движения, в первую очередь звеновых связей между вождями и массами,—стоит перед нами.

Недостатки у сборника, конечно, есть. Но эти недостатки вполне окупаются самым фактом выявления собираемых воедино материалов, о декабристах в Забайкалье.

В практической работе наших дней—в первую очередь, в школьной работе—издание принесет несомненную и значительную пользу.

Г. Грешенин.

А. Эпов.

Декабристы в Забайкалье.

Краткий очерк.

Сто лет исполнилось с того момента, когда над русским самодержавием впервые была поднята дерзкая рука гражданина-мстителя. Декабристы сделали первую организованную попытку вооруженного захвата власти, показали первые волевые усилия к освобождению народа. В блестящих гостиных, в кабинетах барских чертогов свила себе гнездо революционная мысль. Лучшие представители военной молодежи оказались подавленными тем аракчеевским ярмом, которое тяготело над Россией. Контраст наших порядков, наших допотопных крепостных учреждений с новыми установившимися политическими формами в Западной Европе был так резок, что наиболее пылкая молодежь была захвачена мечтами о новом строе и у нас в России. Наша действительность была так безрадостна, так неприглядна, что всякий, имеющий критическое чутье, должен был проникнуться оппозицией, негодующим настроением, которое можно характеризовать словами первого страдальца-революционера в русской обстановке Радищева: „Я взглянул окрест меня (на крепостные деревни)—душа моя, страданиями человечества уязвленна стала. Уже ли, вещал я сам себе, природа толико скупа была к своим чадам, что от блудящего невинно сокрыла истинну навеки? Уже ли сия грозная мачиха произвела нас для того, чтоб чувствовали мы бедствия, а блаженства николи?“[1])

В условиях деспотизма, отблески протестующего настроения должны были разгораться то здесь, то там, пока не оформились и не вылились в организованный тайный заговор, вспыхнувший красными зорями 14-го декабря 1825 года на Сенатской площади и заключившийся терновым венцом декабристов в пределах нашей Сибири, в частности нашего Забайкалья.

Места нашего Забайкалья—Нерчинские рудники, Чита, Петровский завод, Селенгинск и др.—стали местами, где декабристы, закованные „в железа“—технический термин Николаевской эпохи—на протяжении десятилетий являлись искупительными жертвами революционной попытки, а властная рука победителя – самодержца глумилась над их страданиями.

---

[1]) А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. Москва. 1906. Стр. 1.

Это глумление началось с первых шагов разгрома декабристов, продолжалось в пути и завершилось под сводами каторги. Образчиками тех тяжелых переживаний, с которыми связана была переброска декабристов в Сибирь, могут служить следующие эпизоды, рассказанные М. Бестужевым и А. Розеном.

В половине сентября 1827-го года два брата Бестужевых—Михаил и Николай, Барятинский и Горбачевский, закованные в ножные кандалы, сопровождаемые фельдъегерем, стремительно препровождались в нашу Сибирь. Бешеная скачка, сопутствуемая избиением оторопевших ямщиков, загнанием на смерть лошадей, чуть было не завершилась катастрофой. „Мы—пишет Михаил Бестужев в своих „Воспоминаниях"—прискакали в Тобольск в 12 й день, грязные, разбитые и едва не убитые на Суксунском спуске в Томской губернии. Наш фельдъегерь, по обычаю, саблею наголо до того избил ефесом ямщика, что когда лошади подскакали к спуску в $1^1/_2$ слишком версты, и он, в ужасе ухватившись за ямщика, закричал: „держи!", ямщик, бросив ему возжи, ответил: „Ну, барин, ваше благородие, теперь держи сам!" [1]) Разъяренные лошади неслись под гору, произвели невообразимую сумятицу: одни возки набежали на другие, некоторые повозки опрокинулись и катастрофа закончилась, значительными ушибами, повреждениями рук и ног пассажиров. Один из двух проводников—жандармов перебил крестец и умер.

Барон Розен в своих „Записках декабриста" рассказывает, что на последней станции перед Читой, на десятой версте от станции, при спуске с горы, вдруг лопнула шлея, и не удивительно, так как сбруя коней была веревочная. Лошади понесли. Переломился деревянный шкворень и, в один миг, пассажиры (Глебов и Розен) были выброшены из повозки. Глебов через правую пристяжную скатился на землю, ямщик выбросился в сторону, Розен запутался своими кандалами в тяж, повис правою ногою на оглобле, левою на постромке и на шлее левой пристяжной и обеими руками ухватился за гриву коренной. Так протащились две версты и были освобождены другими декабристами, ехавшими впереди [2]).

Общего плана размещения декабристов в Забайкалье первоначально не было.

Первая партия декабристов в числе 8-ми человек, а именно: Волконский, Трубецкой, Оболенский, Артамон Муравьев, Давыдов, Якубович и два брата Борисовых—была отправлена в Нерчинский завод, Благодатский рудник, где реял дух начальника Нерчинских заводов Бурнашева, истого заплечного мастера.

---

[1]) Воспоминания братьев Бестужевых. Петроград. Изд. „Огни" 1917. Стр. 188.
[2]) А. Розен. Записки декабриста. Москва. 1900. Стр. 111.

Для характеристики положения декабристов в Нерчинских рудниках может служить письмо князя Оболенского: „Прибыв туда (в Нерчинск), пишет он, послали нас в острог или, лучше сказать, в тюрьму, в которой поделаны были для каждого клетка в два аршина длины и в полтора ширины.—Нас выпускали из клеток, как зверей, на работу, на обед и ужин и опять запирали. Работа была под землею на 70 и более сажен..... каково нам было в тюрьме, если работа в горе была для нас временем приятнейшим, нежели заключение домашнее. Дни праздничные были для нас точно днями наказания:— в душной клетке, где едва можно повернуться, миллион клопов и разной гадины, осыпали тебя с головы до ног и не давали покоя. Присоедини к тому грубое обращение начальства, которое, привыкши обращаться с каторжными, поставляло себе обязательностью нас осыпать ругательствами, называя нас всеми ругательными именами“[1]).

Положение узников сделалось еще невыносимей, когда надзор за тюрьмой был передан горному офицеру Рику, который из экономии перестал давать им свечи. Находиться же зимой с 3-х часов вечера до 7-ми утра без света в какой-то клетке, где можно было задохнуться представляло настоящую пытку. Кроме того Рик запретил всякие разговоры из одного отделения в другое. Декабристы объявили голодовку. Начальству пришлось уступить. Что касается Рика, то он вскоре был сменен.

Сюда в Нерчинский завод прибыли, последовавшие за своими мужьями, несмотря на всевозможные запугивания и препятствия властей, отказавшиеся от всех своих классовых дворянских преимуществ и имущественных прав, жены декабристов княгини Волконская и Трубецкая. Их близкое и деятельное участие сыграло огромную роль в жизни декабристов: оно внесло живую струю бодрости и стоицизма в беспросветную жизнь каторжан.

Следующие партии декабристов, прибывшие в Забайкалье в январе, марте и апреле 1827-го года, были поселены в Чите. Вскоре к ним присоединили и первых восемь, томившихся в Нерчинских рудниках.

Причиной заключения всех осужденных в один Читинский острог был случайный каприз Николая I-го, опасавшегося как бы под влиянием декабристов не возникло общего бунта всей Восточной Сибири.

Как раз по окончании суда над ними государь спросил, бывшего тогда в Петербурге, генерал-губернатора Восточной Сибири Лавинского ручается ли он за безопасность края, когда декабристов разместят по заводам.

---

[1]) М. Головинский. Декабрист князь Е. П. Оболенский. Историч. Вестник. 1890, январь, стр. 120.

Лавинский отвечал, что лучше их всех соединить вместе, тогда за ними можно иметь лучше надзор.

Этот разговор предопределил осуществление благоприятного положения для декабристов—сбора их в одно место—и „каземат, говорит Мих. Бестужев, дал нам опору друг в друге, дал нам охоту жить, дал нам политическое существование за пределами политической смерти“[1]).

Прибывая в Читу, декабристы с первых же шагов, как и в Нерчинских рудниках, сталкивались с грубым и жестоким обращением тюремной администрации.

Барон Розен, говоря о своих первых впечатлениях в Чите, передает историю с капитаном Ивановым, заметившим на его пальце золотое кольцо.

— „Это что у тебя еще на пальце?“

— „Обручальное кольцо“.

— „Долой его!“

Розен возразил на это распоряжение, что это обручальное кольцо не снимали с него ни в Зимнем дворце, ни в каземате.

— „Долой его! тебе говорю!“ Тут Розен рассердился и ответил: „Возьмите его вместе с пальцем“; сложил руки накрест на груди, прислонился к печке и ожидал развязки.

Такая решительность Розена заставила вмешаться в это дело присутствовавшего здесь плац-адъютанта Куломзина и капитану Иванову пришлось отказаться от своего требования[2]).

Сначала декабристы жили в Чите в отдельных острогах и домиках, работая над сооружением новой тюрьмы, в которую они все были переведены осенью 1827-го года.

Декабристы М. Бестужев, бар. Розен и др. многое рассказывают о жизни их в Чите.

„Наше отделение было самое маленькое, говорит в своих записках Бестужев, а в нем все-таки затискались 8 человек: я с братом, Юшневский, Трубецкой, Якубович, двое Борисовых и Давыдов. Но как,—боже ты мой,—как прочие могли разместиться? Я теперь, припоминая прошедшее, часто думаю, что это был какой то бестолковый сон, кошмар...

Читать или чем бы то ни было заниматься не было никакой возможности, особенно нам с братом или тем, кто провел годину в гробовом безмолвии богоугодных заведений: постоянный грохот цепей, топот снующих взад и вперед существ, споры, прения, рассказы о заключении, о допросах, обвинения и объяснения,—одним словом, ки-

[1]) Воспоминания бр. Бестужевых. Стр. 195—6.
[2]) А. Розен. Там же, стр. 112.

пучий водоворот, клокочущий неумолчно и мечущий брызгами жизни"[1]). Барон Розен, в свою очередь, говорит в своих записках: „Нам было тесно, но не скучно: цепи наши не давали нам много ходить, но по мере того, как стали к ним привыкать и приучились лучше подвязывать их на ремне или вокруг пояса, или вокруг шеи на широкой тесьме, то могли ходить в них даже скоро, даже вальсировать. Между домиком и частоколом было пространство в две сажени шириною, по коему прохаживались несколько раз в день"[2]). Так как в Чите не было рудников, то ссыльным пришлось заниматься земляными работами: заваливанием оврагов, наприм. „Чертовой могилы", починкой и проводкой дорог и тому подобное. В часы отдыха занимались огородничеством. „Товарищ наш А. В. Поджио, говорит барон Розен, первый возрастил в огороде нашего острога огурцы на простых грядках, а арбузы, дыни, спаржу, цветную капусту и колораби—в парниках, прислоненных к южной стене острога. Жители с тех пор с удовольствием стали сажать огурцы и употреблять их в пищу"[3]).

Занимались заключенные также домашним хозяйством, сами стряпали, варили и убирали свои казематы. Через некоторое время им было разрешено получать газеты, журналы и некоторые книги, как русские, так и иностранные, из которых составилась хорошая библиотека. „Сверх того,—пишет барон Розен,—многие из моих товарищей получили классическое образование; беседа их была полезнее всякой книги; мы их упросили читать нам лекции, в продолжение долгих зимних вечеров: Никита Муравьев, имея собрание превосходных военных карт, читал нам из головы лекции стратегии и тактики; Вольф—о физике, химии и анатомии; Бобрищев-Пушкин 2-й—о высшей прикладной математике; Корнилович и Муханов—читали историю России; Одоевский—русскую словесность... Образованность умных товарищей имела влияние на тех из нас, которые прежде не имели ни времени, ни средств обогатиться познаниями. Некоторые из наших начали учиться иностранным языкам Из них, изумительные успехи сделал Завалишин 1-ый, который, кроме греческого и латинского, научился выражаться на тринадцати языках; для важнейших из них находил учителей между товарищами, а для прочих главным ключем и словарем служило для него евангелие. Многие из нас изучили не только язык книжный, но и разговорный"[4]).

Многие из декабристов изучили разнообразные ремесла: столярное, токарное, переплетное, портняжное и сапожное. Некоторые, например, Николай Бестужев и Торсон, занимались механикой, хотя об-

[1]) Воспоминания бр. Бестужевых. Стр. 200.
[2]) А. Розен. Там же, стр. 114.
[3]) А. Розен. Там же, стр. 116.
[4]) А. Розен. Там же, стр. 126—7.

ладали только самыми первобытными инструментами. Н. Бестужев, бывший моряк весь отдался делу упрощения хронометров, столь необходимых при мореплаваниях, что ему удалось, а затем занялся устройством часов, первый экземпляр которых был подарен им жене декабриста Александре Григорьевне Муравьевой. Его друг Торсон, с помощью таких же несложных инструментов, построил модели жатвенной и молотильной машины.

В Читу приехали, кроме Трубецкой и Волконской, жены декабристов: Муравьева, Нарышкина, Ентальцева, Фон-Визина, Давыдова и Анненкова, прибывшая невестой и обвенчавшаяся уже здесь.

Все они жили на одной улице, которая у жителей получила название „Дамской", теперешняя „Аянская".

Через них, главным образом, и удалось декабристам основать своего рода культурный уголок, заполненный богатым подбором книг газет и журналов как на русском, так и иностранных языках. Этот культурный уголок явился тем первым в нашем Забайкалье светильником, от которого искры культуры падали на служилые элементы и коренное население.

Число декабристов, заключенных в Читинском остроге, несколько изменялось: вначале их было 84; потом, по отъезде 6-го разряда на поселение, осталось 70 человек.

Декабристы пробыли в Чите около $3^1/_2$ лет. За это время была выстроена недалеко от Верхнеудинска, в Петровском железо-делательном заводе, специально для них огромная тюрьма, по образцу исправительных домов в Америке. К лету 1830-го года постройка новой тюрьмы была закончена и комендант декабристов генерал-майор Лепарский получил приказание переселить их туда.

Переход декабристов из Читы в Петровский завод совершился среди лета. Все декабристы были разбиты на две партии, из которых одна находилась под руководством коменданта Лепарского, лойяльно относившегося к ним, другая—под руководством его племянника тоже Лепарского, плац-майора подполковника. Путешествие по просторам Забайкалья, приблизительно верст 20—25 в день, продолжавшееся до 48 дней, по отзыву самих участников, не было тягостным: роскошь наших забайкальских видов ласкала взор каторжан. После острога, соприкосновение с природой вызывало приятные ощущения. Для автора многих строк, приводимых здесь,—Розена переход в Петровский завод был ознаменован приездом жены из России. Безумным счастьем веет от тех слов, которые оставил нам в наследство Розен, вспоминая в них эту встречу.

Только 22-го сентября, пройдя пешком слишком семьсот верст, добрались партии до места назначения. „Наконец, увидели мы, описы-

вает Петровско-заводскую тюрьму Розен, огромное строение, на высоком каменном фундаменте, о трех фасах; множество кирпичных труб, наружные стены—все без окон, только в средине переднего фаса было несколько окон у выдавшейся пристройки, где была караульная, гауптвахта и единственный вход. Когда мы вошли, то увидели окна внутренних стен, крыльца и высокий частокол, разделяющий все внутреннее пространство на восемь отдельных дворов; каждый двор имел свои особенные ворота; в каждом отделении поместили по 5—6 арестантов. Каждое крыльцо вело в светлый корридор, шириною в четыре аршина. В нем, на расстоянии двух сажен дверь от двери, были входы в отдельные кельи. Каждая келья имела семь аршин длины и шесть аршин ширины. Все они были почти темные от того, что свет получали из корридора через окно, прорубленное над дверью и забитое железною решеткой. Было так темно в этих комнатах, что днем нельзя было читать, нельзя было рассмотреть стрелки карманных часов. Днем позволяли отворять двери в корридор и в теплое время занимались в корридоре, но продолжительно ли бывает тепло?—в сентябре начинаются морозы и продолжаются до июня, и поэтому приходилось сидеть в потьмах, или круглый день со свечею"[1]). Местные власти не могли ничем помочь ссыльным, т. к. план тюрьмы был утвержден в Петербурге. Но „Наши дамы,—пишет М. Бестужев,—подняли в письмах такую тревогу в Петербурге, что, наконец, разрешено (было) прорубить окна на улицу в каждом нумере. Но какие это были окна! Многие из нас, в том числе и ваш покорнейший слуга, расстроили и чуть вовсе не потеряли зрение"[2]).

За отсутствием земляных работ, которыми декабристы занимались в Чите, для них была придумана новая работа, а именно, мельница с ручными жерновами, на которой, по словам М. Бестужева, „ежели нам было угодно, то мололи для моциона"[3]).

В Петровском заводе, где надзор за ссыльными был уже не такой строгий, как в первое время, гораздо лучше шло и их хозяйство. „Администрацию собственно нашего внутреннего управления,—пишет М. Бестужев,—составлял совет трех лиц, ежегодно выбираемых по всеобщему большинству голосов из среды живущих в каземате. Эти лица были: хозяин, закупщик и казначей. Первый заведывал всею хозяйственною частью нашего казематского семейства: на его обязанности лежала главная забота о продовольствии и столе; закупщик исполнял все поручения по закупу предметов по лавкам и вообще вне каземата; казначей выдавал деньги и вел валовой и частный счет каждого

[1]) А. Розен. Там же, стр. 140.
[2]) Воспоминания бр. Бестужевых. Стр. 204-5.
[3]) Там же. Стр. 209.

лица... Хозяин, если обстоятельства позволяли, делал экономию из годовой суммы, ассигнуемой на пищу и прочее, и из этих остатков уделяли довольно значительные пособия отправляющимся на поселение"[1]).

Так как для чтения в камерах было черезчур темно, то поневоле ссыльным приходилось заниматься чем нибудь другим. Преимущественно в это время декабристы и занимались различными ремеслами, которые были ими изучены. Вечерами продолжали устраиваться лекции, на которых присутствовали и жены декабристов, жившие, за небольшим исключением, с мужьями в остроге. В это время жизнь ссыльных была улучшена получением из России от родственников различных посылок, хотя большинство их и прибывало в разбитых ящиках, откуда почти половина содержимого переходила в руки иркутских чиновников, бесстыдно грабивших изгнанников.

„Так, пишет М. Бестужев, мы получили какое-то подобие часов вместо прекрасных золотых, посланных нам после смерти брата Александра. Так, например, Алек. Муравьев получил старую изношенную шапку вместо бобровой. Белье мы получали часто лазаретное; шляпки, головной и прочий дамский убор—или замененный, или страшно поношенный. Но что хуже и этого,—так это—отделение от посылок части, так что остальная, болтаясь и трясясь в опустелых ящиках. доходила до нас в верешках или хлопках. Участи этой постоянно подвергалась посуда Трубецких"[2]).

Праздная жизнь, которую волею-неволею должны были вести в тюрьме декабристы, не удовлетворяла сосланной молодежи, стремившейся к деятельности, полной сил и желаний.

„Долгих и многих трудов стоило нам, пишет М. Бестужев, уговорить старого коменданта – позволить учить детей, и таким образом, делая пользу, занять и себя, и употребляя благодетельно время нас тяготившее. Постоянное „не могу" было ответом. Наконец, дело уладилось: придумали законную лазейку, так чтоб и волки были сыты, и овцы целы. Он согласился на обучение детей церковному пению. Вследствие такого распоряжения, Свистунов и Крюков (Николай), отличные музыканты и певцы, составили прекрасный хор певчих, а как нельзя петь, не зная грамоты, то разрешено учить читать (только). Мы с братом взяли на себя обучение, и дело пошло так хорошо, что многие дети горных чиновников поступали первыми в высшие классы Горного института и других заведений"[3]).

О жизни декабристов в Петровском заводе Розен пишет: „Хотя в Петровской тюрьме каждый из нас имел свою особенную келью и

[1]) Воспоминания бр. Бестужевых. Стр. 207-8.
[2]) Там же. Стр. 208.
[3]) Там же. Стр. 209.

больше простора и покоя, чем в Чите, хотя артель и здесь была общая и попрежнему старались все обеспечивать нужды всех—однако, исчезла та идеальность, которая одушевляла всех в тесном общем Читинском остроге. Годы, здоровье, расстроенное продолжительностью заточения должны были тому содействовать. На работу выходили уже не с хоровыми песнями, реже собирались в общий круг, а составился десяток кружков по родству, по наклонности характера. Иной становился все задумчивее в одиночестве, чего в Чите случиться не могло. Самую деятельную жизнь из всех моих товарищей вели Вольф и Ар. З. Муравьев. Первый из них был ученый, доктор медицины, второй—практический хирург; они в сопровождении караульного вестового могли во всякое время выходить из тюрьмы, чтобы помогать больным.

Ар. З. Муравьев пускал кровь, выдергивал зубы, ставил банки, перевязывал раны. Быв командиром ахтырского гусарского полка, он наверно не думал сделаться фельдшером; находясь в отпуску за границей, он в университетах с жадностью слушал лекции хирургии и посещал клиники; на поселении он продолжал помогать больным, пока не имел несчастья переломить себе руку, после того он хворал и скончался в 1845 году близ Иркутска. Во всю бытность мою в Чите и Петровском заводе, в продолжение шести лет, мы не знали смерти в кругу наших товарищей в остроге и тюрьме; обстоятельство довольно примечательное, если сообразить, что по принятым рассчетам смертности, из 75-ти человек ежегодно умирают двое; нас было 82 человека и не все молодые люди, было нескольким и по 60-ти лет от роду. Вероятно, к этому способствовала жизнь однообразная, пища умеренная, несложная.

Я уже сказал, что в Петровском был казенный железный завод. Начальник завода, узнав от плац-адъютантов, что между нами есть ученые механики, просил коменданта, чтобы он позволил им осмотреть машины этого завода. Н. Бестужев и Торсон согласились. Каково же было удивление горных чиновников и мастеровых, когда через день, после некоторых поправок и перестановок, пильная машина стала действовать на славу! Н. Бестужев сработал отличные часы с горизонтальным маятником; тогда ему пришла мысль устроить часы с астрономическим маятником, которые вполне заменили бы хронометры и обошлись бы гораздо дешевле; мысль эту привел он в исполнение двадцать лет спустя, когда был уже поселен в Селенгинске. Когда скончалась всеми нами любимая Муравьева, то Н. Бестужев собственноручно сделал деревянный гроб, со всеми винтами и ручками и с внутреннею и внешнею обивкою; он же вылил гроб свинцовый для помещения в него деревянного гроба. Он же был хороший живописец. В нашей петровской столярной прилежно работали столы, стулья,

кресла, скамейки, комоды, шкафы; лучшими столярами были: Фролов, Бобрищев 2-й и Борисов 1-й.

Вдохновенными поэтами были у нас А. И. Одоевский, П. С. Бобрищев-Пушкин 2-й и В. П. Ивашев; первый—никогда не писал стихов на бумаге, а сочинял всегда на память и диктовал другим. Так сочинил он поэму „Князь Василько Ростиславич" и множество мелких стихотворений на разные случаи. Лира его всегда была настроена; часто по заданному вопросу – он отвечал экспромтом премилыми стихами. Он действительно имел большое дарование, но, как случается с истинным талантом, пренебрегал им. Попрежнему мы сами между собою запретили себе игру в карты, хотя легко было скрыть ее от стражи в отдельных кельях, за то мы позволяли себе, вопреки запрещению, иметь бумагу и чернила, писали и переводили целые сочинения"[1]).

Являясь передовыми культурными силами, декабристы оставили значительные следы в области краеведения. И. И. Борисов составил коллекцию рисунков забайкальской флоры и орнитологическую; братья Бестужевы снимали виды окружающей природы и быта, Фаленберг—производил топографические съемки и т. д.

Интересные сведения о самом Петровском заводе дает М. Бестужев: „Он (т. е. Петровский завод) нисколько не отличался от всех сибирских заводов, назначенных быть каторгою преступникам, и где приписные к заводу крестьяне обречены на участь, еще горшую каторжной. Не подумайте, чтоб я преувеличивал: нет, это истина. Каторжный, осужденный на известное число лет работы, ежели он вел себя добропорядочно, почти всегда имел возможность избежать работы, нанимаясь как мастеровой или даже как простой работник у заводских чиновников. По истечении срока каторжной работы, его приписывают, как поселенца, к волости, и по прошествии пяти лет безукоризненной жизни, он имеет право приписаться в город, как мещанин, и потом, получа гильдейский билет, торговать наравне со всеми купцами. А отверженное племя крестьян и горнозаводских служителей обречено с колыбели до совершенного истощения сил оставаться или угольщиком, или дровосеком, или кузнецом,—и участь его тем более горестна, чем он трудолюбивее и прилежнее на работе"[2]).

Страдая лично от ярма деспотизма, декабристы все таки являлись светлым лучом в этом темном царстве, брошенных в полную зависимость от местных сатрапов. В случаях разных злоупотреблений, они находили способы борьбы, и их вмешательство и защита часто были действительными. Зато загнанное и обиженное заводское трудовое население отвечало декабристам чистосердечною привязанностью,

[1]) А. Розен. Там же, стр. 144-5.
[2]) Воспоминания бр. Бестужевых. Стр. 215-6.

бескорыстной любовью. „Эти отверженцы общества, говорит М. Бестужев, были большею частью жертвы бесчеловечия помещиков или начальников, то отчаяния оскорбленного отца, мужа или жениха“[1]).

Полуголодные оборванные детишки — рассказывал мне один из них Савинский, бывший впоследствии отставным уездным начальником и проживавший в Нерчинском Заводе—постоянно увивались около декабристов, исполняя их различные поручения. Эти наши услуги, которые нам ничего не стоили, сопровождались для нас богатым подарками. Савинский от декабристов „пошел в люди“: выучился грамоте, получил общее развитие и резко выделился из темной серой массы, составив себе служебную карьеру.

В 1839-ом году кончился срок заключения декабристов в каземате Петровского завода. Очень многие из них, осужденные на меньшие сроки, оставляли Петровско-заводскую тюрьму значительно ранее.

Выходящие из тюрьмы, по окончании срока заключения декабристы отправлялись на поселение в различные места Сибири и получали там возможность входить в более близкое соприкосновение с местным населением.

Из декабристов жили на поселении в Забайкалье (мы имеем в виду и территорию теперешней Б.-М. А. С С. Р., т. е. Западное Забайкалье или Прибайкалье): Аврамов Пав. Вас.—в Акше; Завалишин Дм. Ир.—в Чите; Лунин Мих. Серг.—в Акатуе; братья Бестужевы Николай и Михаил Александровичи и Торсон Конст. Петр. в Селенгинске; Горбачевский Ив. Ив.—в Петровском заводе; Кюхельбекер Мих. Карл. и его брат Вильгельм (друг Пушкина, обучавшийся вместе с ним в Царскосельском лицее)—в Баргузине; Глебов Мих. Ник.—в Кабанске; братья Борисовы Петр Ив. и Андрей Ив.—в селе Подлопатках; Оболенский Евг. Петр. –в селе Турунтаевском; Шимков Ив. Фед.—в селе Батуринском; Муравьев Александр Ник. и Андреев Андрей Ник. – в Верхнеудинске.

Большая же часть декабристов была разбросана на поселение по деревням около двух центров—Иркутска и Тобольска.

Получивши, как поселенцы, назначенные им по закону 15 десятин земли, декабристы занялись сельским хозяйством. Но в зависимости от индивидуальных особенностей каждого из них и от местных условий жизнь декабристов на поселении сложилась далеко неодинаково.

Много работающий в области изучения истории Сибири, в частности Прибайкалья, Вл. Гирченко в своей брошюре „Прибайкалье“ дает нам следующие сведения о жизни поселившихся здесь декабристов: „Из декабристов, поселенных в Прибайкалье, особенно выделя-

[1]) Воспоминания бр. Бестужевых. Стр. 216-7.

лись своею хозяйственною деятельностью братья Бестужевы и Торсон.

Бестужевы и Торсон поселились в 5-ти верстах от города *(Селенгинска)* ниже по течению Селенги, на ее берегу, в сельской местности в соседстве с бурятами. Скоро они сблизились с селенгинским небольшим обществом, вошли в колею местной жизни, стали принимать участие во всех местных интересах, вопросах и развлечениях.

Бестужевы в широких размерах вели сельское хозяйство, занявшись между прочим совершенно новою для края отраслью животноводства—разведением тонкорунных овец (мериносов), доведя размеры стада до 600 голов.

Торсон знакомил местных жителей с улучшенными сельско-хозяйственными машинами, поставил мельницу и молотилку.

Михаил Бестужев изобрел особый вид экипажа, приспособленный для езды по горным дорогам Прибайкалья—„сидейку". Желая, чтобы это изобретение сделалось полезным для всего края, он организовал мастерскую для изготовления образцовых сидеек. Работавшие под его руководством около 30 человек из русской и бурятской молодежи обучились столярному, кузнечному и другим ремеслам.

Но особенной талантливостью почти во всех областях технической и умственной деятельности отличался Николай Бестужев, который был одинаково искусным механиком, портным, сапожником, литейщиком, художником и писателем. Он изобрел печь нового устройства, много работал по усовершенствованию хронометров (особый вид часов, отличающихся необыкновенной точностью), для проверки которых по звездам он устроил обсерваторию с телескопом собственной работы, вел образцовое огородничество, изучал местный край, исследовал между прочим Гусиное озеро и производил наблюдения над землетрясениями, которые так часто происходят в Прибайкалье.

Поселенные в Селенгинске декабристы занимались, кроме того, обучением детей селенгинских обывателей, благодаря чему тамошняя, а также и кяхтинская молодежь выросшая под влиянием декабристов, в течение многих лет носила на себе отпечаток этого благотворного влияния.

Вообще Бестужевы и Торсон много способствовали поднятию Селенгинска, маленького захолустного городка, в умственном и экономическом отношениях.

Поселенный в Петровском заводе И. И. Горбачевский был для Петровского завода тем, чем были для Селенгинска Бестужевы и Торсон. Высокие личные качества Горбачевского, его доброта и светлый ум сделали его центром немногочисленного местного общества и снискали ему любовь и уважение всего местного населения. В образовавшемся около Горбачевского кружке читались русские журналы и кни-

ги и заграничные издания. Горбачевский получал между прочим „Колокол" и „Полярную Звезду"—журналы, издававшиеся в Лондоне Герценом. Особенно много в образовательном отношении получила от Горбачевского жаждавшая просвещения местная молодежь. Горбачевский был источником света и знания и для самого юного поколения Петровского завода: он занимался с детьми своих знакомых и других обывателей, заводских служителей и канцеляристов. Гуманность Горбачевского выражалась и в его участливом отношении к ссыльно-поселенцам, которым он оказывал как моральную, так и материальную поддержку. Благодаря своему авторитету, Горбачевскому удалось остановить исполнением совсем уже было состоявшийся приговор волостного общества о выселении из завода евреев.

На заводе Горбачевский жил в собственном домике. У него была небольшая мельница, приносившая чут ли не убыток, так как в хозяйственные операции постоянно вмешивалась доброта и доверчивость Горбачевского. Купив зерно, он размалывал его и муку раздавал в долг жителям завода и окрестным крестьянам, при чем долги поступали туго, а то и вовсе пропадали. Поэтому в своем хозяйстве Горбачевский кое как сводил концы с концами. Будучи человеком небогатым, скорее даже бедным, Горбачевский не мог отказать в помощи бедняку, который у него просил. Случалось, у самого у него не было ни гроша, тогда он занимал у кого-либо из знакомых рубль, два, три пять и давал просившему. Когда в апреле 1861 г. была объявлена воля заводским рабочим, для Горбачевского открылось новое обширное поле деятельности. Он много и горячо хлопочет об устройстве нового быта вышедших на свободу рабочих. Покинутость предоставленных самим себе рабочих, развившееся вдруг между ними пьянство мучат и сердят его. Влияя на знакомых рабочих, он направляет решения волостного схода, посредничает между рабочими и заводским начальством.

Горбачевский является также одним из самых ранних кооператоров Прибайкалья, потратив много усилий на открытие в Петровском заводе потребительской лавки, первой в Прибайкалье. Его же стараниями на заводе было открыто училище. В 1864 г. Горбачевский был выбран в мировые посредники; это было официальным оформлением того положения, которое фактически он уже давно занимал в местной жизни.

Горбачевский и на поселении остался верным мятежному настроению своей юности и сохранил непримиримость и резкость ко всему, что было связано со старым порядком. Он никогда не считал дело декабристов ошибочным и всегда сожалел о его неуспехе.

Высоко гуманным характером отличалась также деятельность декабриста Мих. Карл. Кюхельбекера, поселенного в Баргузине. Он устроил в своем доме больницу и с успехом лечил всех обращавшихся к нему местных жителей. Эта бескорыстная и самоотверженная работа снискала ему огромную популярность, любовь и уважение со стороны населения баргузинского района, тем более, что в ту эпоху официально организованной медицинской помощи сибирскому населению совершенно не было.

Неудачно сложилась жизнь на поселении декабриста М. Н. Глебова. Водворенный в Кабанске, вдали от товарищей декабристов, Глебов, находившийся при том в тяжелых материальных условиях существования, скучал и жаждал освобождения. Дни его тянулись безотрадной черной полосой. Он умер в Кабанске в 1851 г. насильственною смертью, будучи отравлен с целью ограбления.

Пребывание на поселении в Прибайкалье прочих декабристов (братья Борисовы, Оболенский, Вильгельм Кюхельбекер, Шимков, Муравьев), которые были потом переведены частью в Иркутский район, частью в Западную Сибирь, было слишком кратковременным, чтобы оставить заметные следы в местной жизни[1]).

Дм. Ир. Завалишин, поселившийся в Чите, известен как сельский хозяин-землепашец, пытавшийся привить более культурные формы земледелия, и как публицист, писавший обличительные статьи, направленные против политики гр. Муравьева-Амурского. Среди местного общества Завалишин, человек научно образованный, пользовался весом и уважением, оказывая обуздывающее влияние на местных администраторов. Обличительная деятельность Завалишина не прошла ему даром: он был выслан из Читы в Казань, а оттуда переехал в Москву где и умер.

Мих. Серг. Лунин—первоначально поселенный в с. Урик Иркутской губ.—был человек исключительного склада ума и воли. „Мне нужна свобода мысли, свобода воли, свобода действий, вот это настоящая жизнь! Прочь обязательная служба! Я не хочу быть в зависимости от своего официального положения. Я буду приносить пользу людям тем способом, какой мне внушают разум и сердце. Гражданин вселенной—лучше этого титула нет на свете!“ Уже в этих словах Лунина ярко отображены исключительные его черты- отсутствие национальной закваски и широкий космополитизм, находящийся в резком противоречии с национальным складом других декабристов. С таким миросозерцанием Лунин никогда не мог придерживаться миролюбивой политики „Несмотря на мольбы сестры, говорит в его биогра-

[1]) Вл. Гирченко. Прибайкалье. Краткий исторический очерк. Изд. Объединен. Прибайк. Союза Кооперативов. г. Верхнеудинск. Стр. 12-13.

фии П. М. Головачев, Лунину доставляло какое то болезненное наслаждение раздражать местные власти—„белого медведя"—по выражению самого Лунина [1]). Как характерна для него фраза-шутка, которую он говаривал, будучи уже в преклонном возрасте: „У меня остался во рту только один зуб, да и тот против правительства". Зато правительство отплатило ему тем же: за работу „Разбор донесения следственной комиссии", написанную им для напечатания за границей, он был арестован и выслан в Акатуй. Испытывая ужасы томительного одиночества, Лунин, через несколько месяцев поселения в Акатуе, умер во время послеобеденного сна, оставив несколько научных сочинений. Могила его долгое время поддерживалась родными, посылавшими средства для ухода за ней.

Пав. Вас. Аврамов, бывший на поселении в Акше, там и скончавшийся в 1836-ом году, не оставил по себе таких следов, как другие декабристы. В его краткой биографии П. М. Головачев так характеризует его личность: „Аврамов был добрый, общительный, веселый человек, он помогал другим, заступался за невинных и пользовался общей любовью" [2]).

Кроме М. С. Лунина, скончавшегося в 1845-ом году в Акатуе и Аврамова в 1836-ом году в Акше, в Забайкалье умерли следующие декабристы: А. Н. Андреев (в 1831 г. в Верхнеудинске, сгорел при пожаре), А. С. Пестов (в 1833 г. в Петровско-заводском каземате), К. П. Торсон (в 1851 г. в Селенгинске), М. Н. Глебов (в 1851 г. в Кабанске), Н. А. Бестужев (в 1855 г. в Селенгинске), М. К. Кюхельбекер (в 1857 г. в Баргузине) и И. И. Горбачевский (в 1869 г. в Петровском заводе).

В Петровском же заводе скончались: жена декабриста Н. М. Муравьева—Александра Григорьевна, Анна Анненкова и младенец Фон-Визин; в Селенгинске скончались: сын М. А. Бестужева—Николай и Мария Николаевна Бестужева; в Чите—жена декабриста Д. И. Завалишина Апполинария Семеновна и младенец Софья Волконская.

Вот в кратких словах главное, что мы должны здесь сказать о пребывании и деятельности декабристов в Забайкалье.

Вл. Гирченко в цитированной уже брошюре так характеризует влияние декабристов на Сибирь: „Не пренебрегая никаким физическим трудом, никаким ремеслом, декабристы на этой трудовой основе строили рациональную хозяйственную деятельность, неизвестную ранее сибирскому населению, руководствуясь при этом указаниями современной им западно-европейской науки. Они стремились поднять уровень окружавшей их жизни и распространить свет знания на заброшенной далекой окрайне России. Войдя в горести и радости мест-

[1]) Декабристы 86 портретов. Изд. М. М. Зензинова. Москва. 1906. Стр. 135.
[2]) Там же. Стр 6.

ного населения, детально познакомившись с его нуждами и запросами, декабристы сделались лучшими практическими деятелями и знатоками местной жизни и вместе с тем выступили в роли защитников местного населения против злоупотреблений администрации, которая до этого не знала никаких сдерживающих границ своему произволу. Воспитывая в окружающих любовь к знанию, декабристы поддерживали в провинциальной сибирской глуши дух европейской культуры, старались приобщить возможно большее число людей к ее духовным и техническим приобретениям" [1]).

Вполне соглашаясь с этой характеристикой, склоним в дни столетнего юбилея свои головы пред памятью участников восстания 14 декабря 1825-го года.

---

[1]) Вл. Гирченко. Там же, стр. 13.

Портрет работы Н. А. Бестужева, найденный в бумагах Д. И. Завалишина.

С фот. А. В. Харчевникова. Июль, 1910.

Могилы Бестужевых и Торсона, близ г. Селенгинска.

Вл. Гирченко.

Из неизданной переписки декабристов.

В Читинском Государственном Областном Музее имени Кузнецова среди других архивных материалов, относящихся к истории пребывания декабристов в Забайкалье, имеется письмо декабриста А. В. Поджио к его товарищу по каторге декабристу А. Ф. Фролову[1]).

Но письмо это написано не самим А. В. Поджио: оно переписано с черновика Поджио—Марией Николаевной Волконской и дополнено ее письмом к тому-же адресату—А. Ф. Фролову. Кроме того, к письму, как видно из имеющейся в нем приписки, было приложено еще письмо М. К. Юшневской.

Это, так сказать, „сложное" письмо с внешней его стороны дает живое представление о том, с какими трудностями декабристам приходилось вести переписку с родными и знакомыми, и в то же время знакомит с самой техникой составления таких писем.

Письмо интересно также и со стороны его содержания, отражая некоторые черты жизни декабристов в Петровско-заводском каземате и на поселении в конце 30-х годов.

Письмо написано в Петровском заводе и датировано 30-м января 1837-го года. Оно относится таким образом к эпохе постепенного „разъезда" декабристов из Петровско-заводской тюрьмы в различные районы Сибири на поселение, когда часть декабристов уехавших и уже устроившихся на местах поселения, информировала оставшихся в Петровском заводе товарищей о новых условиях своей жизни, а эти оставшиеся, готовясь также к отъезду, из получаемых сведений узнавали, какая обстановка ожидает их на поселении в том или ином районе Сибири.

Предполагая дать небольшой комментарий к указанному письму в виде „послесловия" к нему, ограничусь в предисловии сообщением лишь кратких сведений о А. В. Поджио и его корреспонденте—А. Ф. Фролове.

Поджио, Александр Викторович, отставной полковник, родственник М. Н. Волконской, был членом Северного общества. Осужден по 1 разряду на бессрочную каторгу. В 30-х годах был поселен в селе Усть-Куде, а в 40-х переведен в Иркутск, где занимался педагогиче-

[1]) Письмо поступило в музей от дочери А. Ф. Фролова—Надежды Александровны (по мужу Мангапари), жившей некоторое время в Чите.

ской деятельностью. В 1859 г. вернулся в Россию, потом жил в Женеве. Умер в России в имении Волконских.

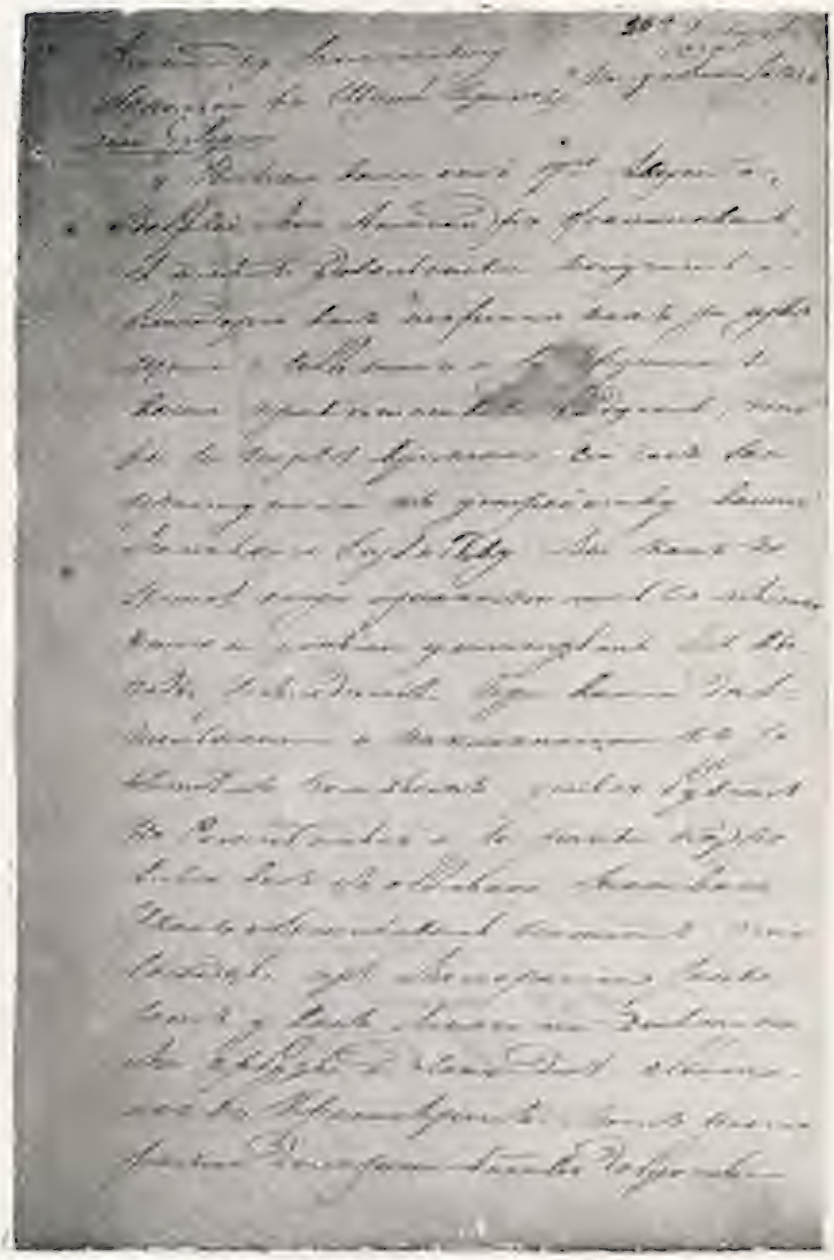
Фролов, Александр Филиппович, подпоручик Пензенского пех. полка. Был членом Южного общества. Осужден по 2-му разряду на 20 лет каторги и поселение. В 30-х годах, после отбытия срока каторги, водворен на поселение в с. Шуш. Минусинского округа. После амнистии поселился в Керчи. Умер в Москве.

Приводим полностью содержание письма.

Александру Филиповичу
Фролову в Шуше Красноярской губернии.

30-го Генваря
1837
Петровский завод

„Письмо ваше от 17-го августа, добрый мой Александр Филиповичь, я имел удовольствие получить и благодарю вас искренно как за извещение о себе так и за дружеские ваши приветствия. Радуюсь, что вы не теряя времени, сей час же приступили к устройству вашего маленького хозяйству. Вы как кажется скоро ознакомились с местностью и успели усмотреть все выгоды земледелия. При вашей деятельности и наклонности к занятиям полевым, успех будет не сомненный и за ранее поздравляю вас с обильной жатвою. Иван Васильевичь пишет, что выходцы из Малороссии засевают у вас многими десятинами арбузы и дыни для сбыта их в Красноярск. Вот неоспоримое доказательство доброты вашей почвы. Верите ли вы, что с трудностию допускаешь всю истину, так еще мы сильно и неосновательно предубеждены против всего возможного под широтой Сибирской. Я уверен, что можно бы сделать не одну удачную попытку в разведении многого неизвестного у вас; Кукуруза и Арноутка конечно бы при девственной вашей почвы могли бы быть с успехом разводимы Постараюсь последней через Матушку вам доставить для будущей весны. Теперь же я прошу М: Ник: переслать вам малый сбор семян здесь находящийся, вы усмотрите некоторый недостаток в них, который пополнится при первом получении. У нас все по старому, то есть одна и таже однообразность как в образе жизни так и в занятиях жизни. Все ваши Товарищи вас помнят а некоторые из них в особенности М: Матвеевич Ал: Ива: и Винивмин Николаевичь ожидают с нетерпением ожидают обещанного письма. Петр Ивановичь вам кланяется и вместе со мной просит вас извещать нас о себе почаще. Вы не должны сомневаться в нашем участии и дружбы к вам. Прошу вас передать почтенному Петру Ивановичу Фаленбергу, заверение моей дружеской об нем памяти. Простите любезнейший Александр Филиповичу будьте тверды, не скучайте, одиночеством уделом всех нас ожидающем, к которому невольно должны покориться.“—



Письмо М. Н. Волконской.

1-ая страница.

Добрый Александр Филиповичь я передала вам собственные слова Александра Викторовича. Теперь выслушайте меня. Вы Мишу оскорбили вашем сомнением о его памяти об вас. Сию же минуту спрашивая к кому я пишу он отозвался, что он очень помнит Фиялова. —Мы выезжаем в будущем месяце, пожелайте нам доброго окончания пути. Сближение с вами послужит вам, я надеюсь, поводом хотя изредка ко мне писать.

Скажите Петру Ивановичу тысячу дружеских приветствий от меня. Сергей Григорьевич его обнимает вместе с вами.

Прощайте добрый мой Александр Филиповичь я никогда не забуду ваша внимания к маим Детям благословляю вас и требую от вас чтобы вы ко мне писали в Урику.

Марья Волконская.

Сбоку 2-ой страницы.

При сем прилагаю вам письмо от Марии Казимировны, оно у меня залежалось по тому что посылка не была готова.

Сбоку 3-ей и 4-ой страниц.

Mon cher Falenberg j'ai lu avec le plus vif intéret votre derniere lettre à Madam Jüchnievsky, j'éspere qu'une fois aux Colonies je recevrais aussi de vous nouvelles. Portez avec bien et que Dieu soit avec vous[1]).

Посредничество жен декабристов в переписке узников с их родными и знакомыми началось с первых месяцев водворения декабристов в Читинской тюрьме и продолжалось, как видно из письма, до самого выезда их на поселение. „Нам воспрещено было писать самим к нашим родным"-пишет в своих воспоминаниях декабрист Н. В. Басаргин—„Приезд и пребывание дам много облегчили судьбу нашу. Им нельзя было воспретить писать, и они с удовольствием приняли на себя обязанность наших секретарей, то есть, писали от имени каждого из нас к родным и тем восстановили переписку и поддерживали родственные связи наши"[2]). Следует отметить, что М. Н. Волконская смотрела на эти посреднические обязанности как на свой долг. „Пока у меня останется хоть искра жизни", писала она еще в 1829 году в одном из своих читинских писем к матери, „я не могу отказать в услугах и помощи стольким несчастным родителям"[3]).

[1]) Мой дорогой Фаленберг я прочла с живейшим интересом ваше последнее письмо к мадам Юшневской, я надеюсь что когда-нибудь на поселении я также получу от вас известия. Будьте здоровы и да будет бог с вами.

[2]) Басаргин. Записки. Изд. 72 г. Стр. 77.

[3]) Записки М. Н. Волконской. Изд. «Прометей». Стр. 192.

Переходя к самому содержанию письма нельзя не заметить, что главной его темой является сельское хозяйство. Вопросы агрономии вообще занимали многих из декабристов во время их пребывания в Петровско-заводском каземате. Огород, устроенный при тюрьме, служил опытным полем для их агрономических опытов. „Многие занимались изучением агрономии по Тееру и другим писателям, пишет декабрист А. П. Беляев, а наши огородники приложили теорию к практике“ [1]).

Теорию агрономии особенно основательно изучил К. П. Торсон Одним из самых ревностных агрономов-практиков были А. В. Поджио и А. Ф. Фролов. Во время пребывания на каторге Поджио с особенным прилежанием занимался огородничеством—разводил арбузы, дыни, спаржу, цветную капусту.

Не отставал от Поджио и Фролов, который, по словам его биографии, „предавался огородничеству со всем пылом своей увлекающейся натуры и выращивал великолепные дыни и арбузы“ [2]).

Ближайшим поводом к обмену мыслями именно в области агрономии послужило то обстоятельство, что А. Ф. Фролов, будучи водворен на поселение в с. Шуш [3])—в Минусинском округе, отличающемся плодородием почвы, нашел здесь обширное поле для разносторонней сельско-хозяйственной деятельности: он занялся хлебопашеством, завел впоследствии табун лошадей, построил мельницу, устроил огромный огород, при чем хлебные и огородные семена выписывал из России и старался о распространении их среди местных крестьян, которым вообще помогал чем только мог [4]).

Характеризуя плодородие Минусинского округа, А. П. Беляев в своих записках указывает, что „В одном только Минусинском округе росли на бахчах арбузы, хотя и не крупные, но это за отсутствием всяких плодовых деревьев, кроме китайских яблоков-пигмеев, и это преимущество округа Минусинского делало его какою-то обетованною землею для сибиряков и поселенцев“. Кроме того в Минусинском округе существовали табачные плантации [5]).

Характерно выраженное в письме стремление оставшихся в Петровском заводе декабристов помочь хозяйственному устройству своего товарища посылкой ему сбора семян с Петровско-заводского тюремного огорода („сбор здесь находящийся“). Посредником при пересылке семян был декабрист Михаил Николаевич Глебов.—М. Н. Гле-

[1]) А. П. Беляев. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. П. 82. Стр. 232.

[2]) П. М. Головачев. Декабристы. 86 портретов. М. 06. Стр. 197, 254.

[3]) Это то самое село, в котором впоследствии жил в ссылке В. И. Ленин.

[4]) П. М. Головачев. Гамже, стр. 254.

[5]) А. П. Беляев. Там же, стр. 271-2.

бов принадлежал к Северному обществу, был приговорен к 10 годам каторги, по отбывании которой был в 1832 г. водворен на поселение в с. Кабанском, тогдашнего Верхнеудинского уезда. Пересылка семян была поручена Глебову, вероятно, потому, что он, проживая в селении, расположенном на Большом Московском тракте, имел более, чем другие декабристы, возможностей организовать пересылку семян в Минусинский округ. Кроме того можно предполагать, что Глебов и сам интересовался агрономическими вопросами: из имеющихся в Бурят-Монгольском Центрархиве донесений старост бывшей Ильинской волости видно, что Глебов в с. Кабанском занимался „хлебопашеством".

Из других сообщений письма следует отметить указание на продолжающуюся „однообразность как в образе жизни, так и в занятиях жизни".

Кроме Глебова в письме обозначены лишь именем и отчеством (без указания фамилий) следующие декабристы:

1) Иван Васильевич Киреев, прапорщик 8-й артиллерийской бригады, принадлежал к обществу Соединенных Славян, осужден на 20 лет каторги, по отбытии которой жил на поселении в г. Минусинске.

2) Михаил Матвеевич Спиридов, член общества Соединенных Славян, присужден к бессрочной каторге, сокращенной до 20 лет. В 1839 г. „обращен на поселение" в г. Красноярск.

3) Вениамин Николаевич Соловьев (барон), штабс-капитан Черниговского полка, принадлежал к обществу Соединенных Славян.

4) Петр Иванович Фаленберг—подполковник квартирмейстерской части, был членом Южного Общества, осужден на 15 лет каторги. В 1833 г. поселен в с. Шуш, Минусинского округа, где жил и А. Ф. Фролов.

Нельзя установить определенно, кто из декабристов разумеется под именем Александра Ивановича. Это или Мозалевский или Якубович.

А. И. Мозалевский, подпоручик Черниговского полка, член об-ва Соединенных Славян, присужден к бессрочной каторге.

А. И. Якубович, капитан Нижегородского драгунского полка, принадлежал к Северному обществу, осужден на бессрочную каторгу. В 40-х годах вышел на поселение в с. Малую Разводную.

Упоминаемый в письме М. Н. Волконской Миша—ее тогда пятилетний сын, впоследствии—товарищ министра народного просвещения при Александре III.

Обращает на себя внимание то, что, как видно из этого письма, Волконским заранее было известно место их будущего поселения (с. Урик). Объяснение этому находим в записках Волконской, где она пишет, что С. Г. Волконский „заранее просил", чтобы его поселили в с. Урике вместе с декабристом Ф. Б. Вольфом—доктором и старым

знакомым Волконского. Желала этого и М. Н. Волконская, чтобы „обеспечить своим детям советы этого прекрасного врача“[1]). В приложении к запискам напечатано ее письмо об этом (от 1 августа 1836 года) шефу жандармов Бенкендорфу. Ходатайство Волконских было удовлетворено.

В заключение необходимо отметить еще одну внешнюю особенность приводимого письма. Читатель легко заметит некоторые неправильности письма в отношении стилистики: „приступили к устройству Вашего маленького хозяйству“, .. „простите, любезнейший Александр Филиповичу“, „не скучайте одиночеством...., к которому невольно должны покориться“, “однообразность в образе жизни и в занятиях жизни“..

Возникает вопрос, кому принадлежат эти стилистические промахи и неудачные обороты речи: автору письма (А. В. Поджио) или переписчице (М. Н. Волконской)? Возможно, что подлинник письма Поджио был написан по-французски и переведен на русский Волконской. Во всяком случае эти недочеты находятся в связи с тем общеизвестным фактом, что начиная с 18-го века в верхах русского общества и среди части интеллигенции знание иностранных языков, в особенности французского, было гораздо основательнее, чем знакомство с русским языком.

Одним из ярких примеров этого положения по отношению к декабристам и их родственникам являются как раз „Записки“ М. Н. Волконской, написанные на французском языке.

Итак, письмо от 30 „генваря“ 1837 г. интересно как с его внутренней, так и с внешней стороны и является, правда, небольшой, но все же характерной страничкой из жизни декабристов на каторге и на поселении.

---

[1]) Записки Волконской. Стр. 99

Н. Томилин

К характеристике пребывания и поселения декабристов в Петровском заводе.

Печатаемый ниже материал о декабристах найден в архиве Петровского чугунно-литейного завода.

В Петровский завод декабристы, или, как они назывались, государственные преступники, прибыли в числе 71 человека в сентябре 1830-го года и были помещены в специально для них построенный каземат. Здесь они находились в ведении прибывшего вместе с ними коменданта при Нерчинских рудниках генерала Лепарского. У Лепарского была своя канцелярия, в его распоряжении находился свой командный состав и воинская часть. Естественно, что все дела о государственных преступниках поступали в канцелярию Лепарского и зависели от его разрешения. Поэтому дела коменданта при Нерчинских рудниках в истории ссылки декабристов имели бы весьма важное значение. Но этих дел в архиве завода нет, и их не было, как это видно из печатаемого ниже архивного материала, уже в сороковых годах прошлого столетия.

В архиве встречаются только случайные бумаги Лепарского на имя Управляющего заводом, и то их немного. Для примера некоторые из них приводятся ниже. Большею частью бумаги Лепарского или мало имеют отношения к декабристам, или это — бумаги хозяйственного характера и счета по содержанию государственных преступников. Есть также в делах архива контракты, заключенные между Лепарским и возчиками на перевозку из Читы имущества, принадлежавшего женам декабристов и самим декабристам. Согласно этим контрактам и расчетам по ним, было перевезено из Читы в Петровский завод до 1500 пудов имущества, принадлежавшего Лепарскому, женам декабристов и самим декабристам по цене 60 коп. за пуд.

Интерес представляют табели, ежегодно присылавшиеся комендантом при Нерчинских рудниках в контору завода, о количестве инвалидной команды, командного состава и государственных преступников, находившихся в его ведении.

На основании этих табелей можно сделать следующую сводку о содержавшихся в Петровском каземате государственных преступниках. их жёнах, детях и вольнонаемных слугах:

	1830	1831	1832	1833	1834	1835	1836	1837	1838
Государствен. преступников	71	68	66	50	49	49	32	30	30
Их жены	9	10	9	7	6	6	5	3	3
Их дети:									
а) мальчики	1	2	3	5	4	4	6	4	4
б) девочки	4	5	6	4	5	7	5	3	4
При женах слуги:									
а) мужчины	9	10	17	15	7	4	4	3	3
б) женщины	9	10	19	18	16	5	6	5	6
Итого	103	105	120	99	87	75	58	48	50

Из этих же табелей видно, что в 1834 году жены декабристов имели семь собственных деревянных домов, в 1836—четыре, в 1837—три, в 1838—три.

Как показывает приведенная выше таблица, число ссыльно-каторжных государственных преступников, заключенных в Петровском каземате, с каждым годом уменьшалось, по мере водворения их на поселение в разные места Сибири. В 1839 году их уже было меньше 30 человек. Вследствие этого, преемник Лепарского, умершего в 1837 году, нерчинский комендант полковник Ребиндер своим отношением от 25-го июля 1839 года уведомляет контору об упразднении, „по Высочайшей воле", вверенного ему управления и выбытии из Петровского завода всех воинских команд и государственных преступников и просит контору произвести окончательный расчет по содержанию государственных преступников и инвалидной команды.

Таким образом управление коменданта при Нерчинских рудниках просуществовало в Петровском заводе около десяти лет. В общем на основании имеющегося в архиве материала трудно сказать, как жилось декабристам в Петровском заводе. Нет даже указаний, какие они, как ссыльно-каторжные, исполняли работы. До некоторой степени можно судить только об их материальном положении. По крайней мере,—как это видно из имеющихся в архиве расписок коменданта в получении денег для передачи их государственным преступникам,—некоторые из декабристов были достаточно обеспечены. Особенно это можно сказать о женах декабристов, которые, как известно, получали от родственников из России значительные денежные пособия, заве-

ли в Петровском заводе собственные дома и имели по нескольку вольнонаемных слуг.

После упразднения управления при Нерчинских рудниках, из декабристов в Петровском заводе остался для отнесения каторжных работ, кажется, только один Завалишин Ипполит. Кроме того, оставлены были на поселении в Петровском же заводе Горбачевский Иван и Мозалевский Александр. По крайней мере, в делах архива, помимо этих трех декабристов, из других не упоминается никто.

Вся дальнейшая переписка о декабристах, оставшихся в Петровском заводе, встречается только в секретных делах архива. В этом отношении сказывается в полной мере Николаевское время.

Секретным образом получаются декабристами от кого бы то ни было письма и деньги. Всякое отправляемое государственными преступниками и их женами письмо должно было представляться управляющему заводом незапечатанным для просмотра. Управляющий заводом посылал его иркутскому гражданскому губернатору, а последний в „III-ье Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии", которая по нисходящим инстанциям посылала его по принадлежности. Точно также письма, получаемые декабристами от своих родственников и знакомых, попадали в III-ье Отделение, а оттуда по нисходящей линии доходили до адресата, которому вручали письма под расписку, последняя посылалась в III-ье Отделение. Требовалось, чтобы письма писались самым разборчивым почерком и хорошими чернилами; в противном случае их не доставляли по принадлежности.

Секретным образом местные власти делали по известной форме донесения гражданскому губернатору, а последний в III-ье Отделение о поведении и занятиях находившихся на поселении декабристов. За ними был постоянный надзор. Выезд декабристов из места их поселения куда бы то ни было был весьма затруднен; выехать можно было только с разрешения высшего начальства по особо уважительным причинам, и если государственный преступник получал разрешение на выезд, он до места своего назначения сопровождался конвоем. Последний сдавал его в распоряжение местного начальства, которое устанавливало за ним надзор.

Находясь на поселении, декабристы томились оттого, что им не всяким делом разрешалось заниматься. Ко всяким делам, обороты которых превышали положение обыкновенного крестьянина, они не допускались и могли заниматься извозом, домашним и сельским хозяйством и другими крестьянскими промыслами.

Наблюдение над государственными преступниками простиралось как в отношении их внешнего поведения, так и в отношении их убеж-

дений и мыслей. В своих ежемесячных донесениях о Горбачевском и Мозалевском управляющий заводом отмечает, что они „ведут себя хорошо“ и „в образе мыслей скромны“. Дошедшие до иркутского архиерея слухи, что Мозалевский и Горбачевский не бывают у исповеди и причастия и что Горбачевский произносил богохульные слова, вызвали по этому поводу со стороны высшей администрации целое расследование, и когда после этого Горбачевский просил, вследствие слабого здоровья, о прибавке ему пособия от казны, то генерал-губернатор Восточной Сибири отказал ему в пособии на том основании, что „он ведет себя не так, чтобы можно было сделать что-либо в его пользу“.

Ип. Завалишин от каторжных работ был освобожден в 1844 году. Как известно, это был самый безпокойный из декабристов человек. После инцидента с помощником управляющего заводом Дейхманом, материал о чем приводится ниже, генерал-губернатор распорядился, чтобы управляющий заводом о поведении Завалишина доносил особо каждый месяц. Завалишин выражал желание, чтобы, после окончания срока каторжных работ, если только ему не разрешат поселиться в Тобольской губернии, остаться в Петровском заводе, но его просьба не была уважена. Из Петровского завода он был отправлен на поселение в Верхнеудинск. В Петровском заводе он женился на дочери отставного служителя Луки Сутурина—Авдотье.

Ал. Мозалевский и Ив. Горбачевский в Петровском заводе, как видно из ежемесячных донесений, представляемых генерал-губернатору, занимались устройством собственного хозяйства, имели лошадей и занимались извозом. Горбачевский построил собственный дом, план которого имеется в делах архива. Мозалевский тоже представлял в контору завода план на постройку собственного дома.

В общем, как видно, жизнь Мозалевского и Горбачевского на поселении была тяжела. Материальная необеспеченность и нужда заставляла их обращаться к генерал-губернатору с просьбой о выдаче им пособия от казны ранее срока. Пособия эти, надо сказать, были незначительны—57 руб. 14½ коп. в год. Денежную помощь от своих родственников Горбачевский получал только в начале 40-ых годов, а Мозалевский совсем не получал.

Результатом долгого пребывания в каземате и материальной необеспеченности на поселении было то, что здоровье обоих декабристов было очень подорвано. Отличаясь слабым здоровьем, Горбачевский страдал геморроидальными припадками и ревматизмом. Мозалевский в 1840 году для излечения своей болезни ездил на Туркинские минеральные воды, а в 1849 году был в Верхнеудинске у врача.

И. И. Горбачевский.

С фотографии, находящейся в Петровском заводе у Колобовых.

После неоднократных просьб Мозалевский в 1850 году, наконец, был из Петровского завода переведен на поселение в Енисейскую губернию, Горбачевский остался в Петровском заводе до самой смерти, последовавшей в 1869 году. В 1856 году он получил разрешение вернуться на родину и ему было возвращено звание потомственного дворянина. Но этим разрешением он не воспользовался. После 1856 года в архиве никаких материалов о нем не встречается, несмотря на то что он был мировым посредником и вообще занимал исключительное положение среди населения Петровского завода.

КОМЕНДАНТА
при Нерчинских рудниках

Генер.-Майора и Кавалера
ЛЕПАРСКОГО

Сентября 17 дня 1830 г.
№ 741.

На походе. Село Мухоршибирь.

Управляющему Петровским железоделательным заводом Господину Гиттенфервалтеру Рику

Я относился к Вашему Благородию касательно г-жи Муравьевой, чтобы ей не препятствовать в том, если она пожелает выехать до Харауза для встречи своего мужа. Теперь уведомляю и о прочих женах, прося и им в том же не чинить препятствий.

Генерал-Майор Лепарский.

КОМЕНДАНТА
при Нерчинских рудниках

Генер.-Майора и Кавалера
ЛЕПАРСКОГО

Февраля 13 дня 1832 г.
№ 122.

Петровский завод.

Управляющему Петровским заводом Господину Гиттенфервалтеру Мелехину.

По случаю умножившихся в Петровском заводе торгующих разными товарами купцов, а равно временно приезжающих, я прошу Вашего Благородия, обовязать местных имеющих свои лавки, чтобы они от сего числа Государственным преступникам и их женам равно служителям сих последних не делали никакого кредита, а все товары продавали бы на наличные деньги. Еслиже допустятся кто из купцов или других лиц дать что-либо кому в долг, не представляли бы себе никакого права на иск за свои долги, а так же заносить куда-либо в

неуплате жалоб. При чем прошу не оставить и приезжих купцов о том же предварять.

Генерал-Майор Лепарский.

КОМЕНДАНТА
при Нерчинских рудниках
Генер.-Майора и Кавалера
ЛЕПАРСКОГО
Сентября 16 дня 1833 г.
№ 802.
Петровский завод.

Управляющему Петровским заводом
Господину Гиттенфервалтеру Мелехину.

Государственные преступники оставляют свой огород состоящей при казарме, который имеет прочную ограду из частокола, зделанную их кочтом. Находя что обращение того огорода есть выгодным для складки дров употребляемых для топлива кухни и комнат казармных, я прошу Вашего Благородия выдать в их общую артель за оную ограду семдесят рублей, стоющую им гораздо дороже, деньги же сии показать в расход по третным щетам подаваемым Вами Нерчинской Горной Экспедиции по содержанию Государственных преступников.

Генерал-Майор Лепарский.

Секретно.

Господину состоящему в должности Гражданского Губернатора.
Управляющего Петровским заводом Капитана Таскина.

РАПОРТ.

Оставленный по Высочайшему повелению в ведомстве сдешняго завода до окончания определенного ему срока Государственный преступник Ипполит Завалишин обратился ко мне сего числа с просьбою, объясняя, что Высочайшим Указом, данным на имя Господина Военного Министра 8 го ноября 1832 года—определен ему, Завалишину, пятнадцати летний срок, что срок сей кончается 12-го августа с. г., что если родственники ему не исходатайствуют ему назначения на поселение в Тобольскую губернию и не последует на это Всемилостивейшего соизволения Его Императорского Величества Государя Императора, то он, Завалишин, предпочтительно пред всяким другим местам жительства в Восточной Сибири, желает остаться на поселении, временно на несколько лет, в Петровском заводе; и что наконец, он просит представить все сие на благоусмотрение Господина Генерал-Губернатора Восточной Сибири.

. . . О таковой просьбе и желании Государственного преступника Ипполита Завалишина, им изъявленных—честь имею представить Вашему Превосходительству.

Марта 19 дня 1842 года.

Подписи нет.

Секретно.

Господину Генерал-Губернатору Восточной Сибири.

Упр. П. железным заводом
Капитана Таскина.

РАПОРТ.

В 23-е число текущего месяца Государственный преступник, находящийся здесь в каторжной работе, Ипол. Завалишин встретился на улице с помощником моим, поручиком Дейхманом, не снял ему шапки, смотря между тем прямо в лицо. Г. Дейхман замечавший и прежде такое неуважение к себе Завалишина, тут же приказал сказать ему, через полицейского служителя, чтоб он или не встречался с ним или как состоящий в числе заводских работников, отдавал ему должное уважение, снимая шапку. Но Завалишин был столько дерзок, что отвечал полицейскому ругательствами, относящимися к Г. Дейхману, и потом догнав самого Г. Дейхмана против здания кричной фабрики, наговорил ему лично, в виду стоящих мастеровых тут бывших, много дерзостей и даже сказал: „ты сумашедший". Г. Дейхман приказал полицейским служителям взять Завалишина в полицию, но он кричал Г. Дейхману: „увидим кто будет прав ты или я", отбивался от полицейских палкой, и не дав взять себя, пришел ко мне и в дерзких выражениях объяснил случившееся с ним, скрывая дерзость, нанесенную им Г. Дейхману. Узнавши вскоре от Г. Дейхмана это обстоятельство, я приказал тотчас взять Завалишина на Гаубвахту и, убедившись из слов его, что он был действительно так дерзок против Г. Дейхмана, и услышав дерзкия его слова и на мои вопросы, решился заковать его, почитая себя обязанным поступить так, чтобы пример Завалишина: его необоснованная дерзость против Г. Дейхмана, оказанная в виду мастеровых, его отбивательство от полицейских,—не могли произвести вредного влияния на прочую команду, состоящую почти на половину из ссыльных каторжных.

Донося о сем В. В. Пр., имею честь представить дерзкий поступок Завалишина на благоусмотрение Ваше и притом присовокупить, что до получения резолюции о сем от В. В. П. Завалишин будет содер-

жаться, по неимению особого помещения ни при тюрьме, ни при полиции, на Гаубвахте и в оковах.

27 июля 1842 года

№ 76.

Подписи нет.

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА
Восточной Сибири и
КОМАНДУЮЩЕГО
там войсками.

Стол по секретной части.
5 августа 1842 года.
№ 170.

Иркутск.

Секретно.

Управляющему Петровским заводом Господину Капитану Таскину.

Вследствие рапорта Вашего Благородия от 27-го минувшего июля № 76, об оказанных Государственным преступником Ипполитом Завалишиным, находящимся в работе в управляемом Вами заводе, дерзостях против Поручика Дейхмана, я предписываю Вам, Милостивый Государь, в наказание за то употреблять его, Завалишина, в тяжкую работу скованным в течение одного месяца, считая со дня получения Вами настоящего предписания.

Генерал-Губернатор, Генерал-Лейтенант Р у п о р т.

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА
Восточной Сибири и
КОМАНДУЮЩЕГО
там войсками.

Стол по секретной части.
18 февраля 1843 года.
№ 25

Иркутск.

Секретно.

Господину Управляющему Петровским заводом.

Предписываю Вашему Высокоблагородию доносить мне каждомесячно о поведении Государственного преступника Ипполита завалишина, находящегося в каторжной работе в Управляемом Вами заводе,

Генерал-Губернатор, Генерал-Лейтенант Р у п о р т.

Секретно.

Господину Генерал-Губернатору Восточной Сибири.

Управляющего Петровским заводом.
Инженер-Поручика Дейхмана.

РАПОРТ.

Находящийся в работе в вверенном моему Управлению заводе, Государственный преступник Ипполит Завалишин в течении февраля месяца в поведении вел себя хорошо. О чем Вашему Высокопревосходительству, в исполнение предписания Вашего от 18 февраля настоящего года под № 25, имею честь донести.

№ 19.
1 марта 1843 г.
Завод Петровский.

Подписи нет.

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА
Восточной Сибири и
КОМАНДУЮЩЕГО
там войсками.

Отделение I. Стол III.
1 мая 1843 г.
№ 64.
Иркутск.

Секретно.

Управляющему Петровским заводом
Господину Поручику Дейхману.

По рапорту Вашего Благородия от 18 минувшего апреля № 31, я разрешаю находящемуся в управляемом Вами заводе Государственному преступнику Ипполиту Завалишину вступить в законный брак с дочерью отставного служителя Луки Сутурина девицей Авдотьей.

О чем даю знать Вам, Милостивый Государь.

Генерал-Губернатор, Генерал-Лейтенант Рупорт.

НЕРЧИНСКОЕ
ГОРНОЕ ПРАВЛЕНИЕ.

Отделение I.
Стол V.
3 марта 1844 года.
№ 60.

Об отсылке в Верхнеудинск государственного преступника Завалишина.

Секретное.

Петровско-заводской конторе.

Иркутская Экспедиция о ссыльных отношением от 17 минувшего февраля за № 23, Горное Правление уведомляет, что Государь Император по Всеподданейшему докладу Г. Шефом Корпуса Жандармов тайству Г. Генерал-Губернатора Восточной Сибири о Государ-

ственном преступнике Ипполите Завалишине Всемилостивейше повелеть соизволил, освободить его Завалишина из каторжной работы и поселить в Окружном городе Верхнеудинске Иркутской губернии.—В исполнение Всемилостивейшего прощения, Горное Правление предписывает оной конторе находящемуся при Петровском заводе в работах Государственному преступнику Ипполиту Завалишину объявить в присутствии конторы Монаршую Милость, освободив от работ и выключив из списков, отослать от себя в Верхнеудинскую Городовую Управу за воинским караулом, выдав на таковое доставление Завалишина бланковой билет для взимания одноконной подводы без платежа прогонов, по исполнении Горному правлению донесть.

Помощник Горного Начальника Маиор (Подпись).
Секретарь Машуков

Состоящего в должности
ИРКУТСКОГО
Гражданского
ГУБЕРНАТОРА

По секретной части.
14 апреля 1844 г.
№ 329.
Иркутск.

Секретно.

Господину Управляющему Петровским заводом.

В следствие просьбы жены Государственного преступника Ипполита Завалишина Авдотьи, объясняемой Вашим Высокоблагородием в представлении к Генерал-Губернатору Восточной Сибири от 24 февраля о дозволении ей писать к родственникам мужа ее в Россию, покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, объявить Г. Завалишиной, что она может писать к родственникам мужа ее в Россию и вообще к тем лицам, до коих по делам своим может иметь надобность, но не иначе как посредством Начальства, т. е. чтобы письма ее были представляемы ко мне для отсылки по принадлежности через III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

Состоящий в должности Гражданского Губернатора (подпись).

ИРКУТСКОЕ
ОБЩЕЕ
ГУБЕРНСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

28 ноября 1842 г.
№ 873.
Г. Иркутск.

Секретно.

Господину Управляющему Петровским заводом.

В следствие просьбы Государственного преступника Александра Мозалевского, находящегося на поселении в Петровском заводе. о

дозволении ему занять место поверенного в здешнем заводе, я входил по этому обстоятельству с представлением к Г. Генерал-Губернатору Восточной Сибири, на что Его Высокопревосходительство в предложении ко мне от 14 ноября № 252 отозвался: хотя как не уважительны причины, по которым Государственный преступник Александр Мозалевский просит дозволения занять место поверенного в Петровском заводе, но он не может от себя дать ему на это разрешения потому, что Государю Императору не угодно, чтобы Государственные преступники поступали в услугу к частным лицам и тем более по откупам.

Давая знать о сем Вашему Благородию, я покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, объявить помянутому Мозалевскому на его просьбу отзыв Его Высокопревосходительства.

Генерал-Губернатор, Генерал-Лейтенант Р у п о р т.

СПИСОК

с предложения Господина Генерал-Губернатора Восточной Сибири Г. Состоящему в должности Иркутского Гражданского Губернатора от 3 Сентября за № 118.

Дошло до сведения здешнего Архиепископа Нила, что находящиеся в Петровском заводе преступники Александр Мозалевский и Иван Горбачевский не бывали у исповеди и даже в церкви со времени водворения своего в заводе, то есть с 1839 г. и что из уст Горбачевского не раз слышались слова богохульные, обличающие безбожие его.

Сообщая об этом мне, Его Преосвященство просит меня поставить в обязанность местному заводскому начальству, дабы Мозалевский и Горбачевский были обузданы, вразумлены и при содействии тамошних священников расположены к хождению в церковь и к исполнению Христианского долга покояния.

В следствие чего, я с своей стороны, долгом считаю покорнейше просить Ваше Превосходительство: а) строжайше предписать Верхнеудинскому Земскому Начальству, дабы Государственные преступники Александр Мозалевский и Иван Горбачевский были обузданы, вразумлены и, при содействии местных священников, расположены к хождению в церковь и к исполнению христианского долга покояния; б) если по исследованию окажется, что последний из них Горбачевский действительно произносил богохульные слова, обличающие безбожие его, то как самого его, так и тех, которые слышали его богохульство, но не донесли о том своевременно Начальству, предать суду по силе 130

и 131 ст. Устав. о предупрежд. и пресеч. преступлений. Том XIV свод. закон. изд. 1842 год.

О последующем же по сему я ожидаю от Вас, Милостивый Государь, уведомления.

Верно. Начальник Отделения Волков.

Верхнеудинского
ЗЕМСКОГО ИСПРАВНИКА

№ 32.

Октября 10 дня 1846 г

Петровский завод.

Нужное. Секретное.

Господину Управляющему Петровским Горным Округом и Кавалеру.

По распоряжению Господина Генерал-Губернатора Восточной Сибири, Господином Состоящим в должности Иркутского Гражданского Губернатора возложено на меня производство следствия над преступниками находящимися в Петровском заводе, Александром Мозалевском и Иваном Горбачевском,—о богохульных словах последнего, об личающих безбожие его,—и о небытии обоих у исповеди и святого причастия и даже в церкви—со времени водворения их в заводе.

Прибыв в Петровский завод, для исполнения означенного поручения, я имею честь уведомить о том Ваше Высокоблагородие и покорнейше прошу приказать кому следует, прислать ко мне в квартиру, занимаемую в доме унтер-шихмейстера Янышева, завтрашнего числа по полуночи в 9 часов преступников Александра Мозалевского и Ивана Горбачевского, с надлежащим за ними присмотром, для спроса по прописанному выше обстоятельству при депутате со стороны заводского ведомства, и сверх того не оставить доставлением ко мне, сколько возможно поспешнее, о преступлениях Мозалевского и Горбачевского, статейный список, с присовокуплением к тому, с которого времени они поступили в завод, сколько имеют ныне от роду лет, и какого они поведения,—а также не доходили ли от кого либо до сведения Заводского Начальства жалобы на богохульные слова, произносимые преступником Горбачевским,—и не были ли они во время нахождения в заводе за что судимы и наказаны.

Земский Исправник Ф. Лохов.

УПРАВЛ. П. Г. О.

№ 21.

11 октября 1846 г.

Секретно.

Господину Верхнеудинскому Земскому Исправнику.

При сем имею честь препроводить к В. Высок., при депутате Унтер-шихмейстере Прибавкине, Государственных преступников Але-

ксандра Мозалевского и Ивана Горбачевского для спроса их по обстоятельству, изложенному в отношении Вашем ко мне от 10 октября сего года за № 32.—Сверх того имею честь уведомить, что Иван Горбачевский водворен здесь в заводе на поселение с 1839 г. 16 июня, а Александр Мозалевский с 26 мая 1841 года, что первому 43 года, а последнему 47 лет от роду, что оба они ведут себя очень хорошо, что ни когда и никаких слухов или жалоб на богохульные слова, произносимые Горбачевским, до меня не доходили и что оба они со времени водворения их в заводе на поселение ни судимы, ни наказаны не были. Что же касается до статейных списков обоих означенных Государственных преступников, то я их здесь не присылаю, потому что их ни при делах Управляющего Петровским заводом и Округом, ни при делах здешней конторы нет, и куда поступили дела о Государственных преступниках, бывших у Коменданта при Нерчинских рудниках, здесь живших,—мне совершенно не известно.

Подписи нет.

ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Отделение 1.
Стол 3.
3 декабря 1846 г.
№ 154.
Иркутск.

Секретно.

Управляющему Петровским Горным Округом, Г. Капитану Таскину.

Государственный преступник Иван Горбачевский просит меня о прибавке ему пособия от казны.—Предписываю Вам, Милостивый Государь, объявить Государственному преступнику Горбачевскому, что он нетак себя ведет, чтобы можно было что-либо сделать в пользу его, а потому и настоящая просьба его оставлена мною без уважения. Причем не оставьте взыскать с него Горбачевского 90 к. серебр. за негербовую бумагу.

Генерал-Губернатор, Генерал-Лейтенант Р у п о р т.

ВЕРХНЕУДИНСКОЕ
ОБЩЕЕ ОКРУЖНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ.

По секретной части.
О Государственных политических преступниках.
Июля 6 дня 1847 г.
№ 152.

Г. Верхнеудинск.

Секретно.

В Петровскую Горную Контору.

Господин Шеф Корпуса Жандармов Граф Алексей Федорович уведомил Господина Генерала-Губернатора Восточной Сибири, что от Государственных и политических преступников, находящихся в Сибири, часто получаются письма к их родственникам чрезвычайно слитно и бледными чернилами писанные, так что невозможно разбирать оные, а потому просил Его Высокопревосходительство объявить всем означенным преступникам в Восточной Сибири находящимся, дабы они писали письма свои самым разборчивым почерком и что, в противном случае, письма их не будут отправляться по адресам. Распоряжение это передано от Господина Генерал-Губернатора Восточной Сибири Господину Управляющему Иркутской губернией, а Его Высокородие предписанием 22 мая № 271 поручил мне сделать по сему должное исполнение.

Имея честь уведомить об этом Горную Контору, покорно прошу объявить об означенном распоряжении Его Сиятельства Графа Орлова всем Государственным преступникам, находящимся в Петровском заводе, в чем взять с них подписки и немедленно прислать ко мне для представления Его Высокородию.

Окружной Начальник (подпись).

Подписка.

1847 года, июля 14 дня. Мы нижеподписавшиеся Государственные преступники Иван Горбачевский и Александр Мозалевский, дали сию подписку Петровской Горной Конторе в том, что полученное ею из Верхнеудинского Общего Окружного Управления от 6-го июля № 152 отношение о том, чтобы отправляемые письма к родственникам, согласно воли Его Сиятельства Господина Шефа Корпуса Жандармов Графа Алексея Федоровича Орлова, были писаны разборчивым почерком и черными чернилами, нам в присутствии конторы объявлено, в чем к непременному исполнению и подписуемся.

Иван Горбачевский.
Александр Мозалевский.

С фот. А. В. Харчевникова. Сентябрь, 1925 г.

Петровский завод. Место тюрьмы декабристов.

ВЕРХНЕУДИНСКОЕ
ОБЩЕЕ ОКРУЖНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ.

По секретной части.
С деньгами 56 р. 57¼ к.
12 января 1849 года.
№ 9.

Верхнеудинск.

Секретно.

В Петровскую Горную Контору.

В проезд Господина Исправляющего должность Генерал-Губернатора Восточной Сибири по Забайкальскому краю, проживающий в Петровском заводе Государственный преступник Горбачевский обращался к нему с словесной просьбою, о выдаче Горбачевскому пособия за минувший год и об исходатайствовании ему, по бедному состоянию и слабому здоровию, увеличенного на будущее время пособия от казны, по примеру других преступников, получающих таковое.

Его Высокопревосходительство, снисходя к просьбе Горбачевского поручил Г. Начальнику губернии сделать распоряжение о выдаче ему обыкновенного казенного пособия за 1848 год, а за тем собрав сведение о состоянии и здоровии Горбачевского представить к двойному пособию в свое время, в числе прочих преступников, получающих от правительства содержание.

Получив об этом предписание Г. Начальника Губернии от 8 декабря 1848 года № 750, я вытребовал ныне, согласно Указу Казенной Палаты, из Верхнеудинского Окружного Казначейства, следующие Горбачевскому в пособие за 1848 год пятьдесят семь руб. и четырнадцать с четвертью копеек серебр., из коих пятьдесят шесть руб. пятьдесят семь с четвертью коп. имею честь препроводить при сем в Горную Контору, и покорнейше прошу выдать их Горбачевскому с распиской, которую прислать ко мне, остальные пятьдесят семь копеек употреблены в пользу почт за пересылку этих денег. При этом также покорнейше прошу Горную Контору доставить мне сведение, точно ли Горбачевский состояния бедного и здоровия слабого, а потому заслуживает увеличенного на будущее время от казны пособия.

Окружной Начальник (подпись).

Далее рукою Горбачевского: Пятьдесят шесть рублей пятьдесят семь с четвертью серебром получил Иван Горбачевский.
1849 года Генваря 18 дня.

ПЕТРОВСКОЙ ГОРНОЙ КОНТОРЫ.

18 Генваря 1849 г.
№ 7.

Секретно.

Господину Верхнеудинскому Окружному Начальнику.

Следующие при отношении Вашего Высокоблагородия, от 12 ч. сего месяца настоящего года за № 9 в пособие за 1848 г. Государственному преступнику Ивану Горбачевскому деньги всего 56 р 57¼ коп. серебром здешнею Конторой получены и с распиской Горбачевскому переданы, которую при сем Контора Вашему Высокоблагородию имеет честь препроводить.—В следствие вышепрописанного же отношения Вашего Контора имеет честь Вас уведомить, что Горбачевский действительно имеет состояние бедное потому, что кроме казенного содержания ни откуда пособия не имеет, состояние его здоровия весьма слабое и страдает Геммороидальными припадками и ревматизмом, для убеждения же в справедливости состояния здоровия Горбачевского, если сочтете необходимо нужным, то неугодно ли будет Вам поручить Верхнеудинскому Окружн. Врачу сделать медицинское свидетельство, а что Горбачевский действительно вполне заслуживает удвоенного от казны пособия даже по его скромной нравственности и отличному поведению, подлинное подписали: Штабс-Капитан Дейхман, Горный чиновник Яковлев, скрепил за секретаря Машуков.

СПИСОК

с предложения Г. Председательствующего в Совете Главного Управления Восточной Сибири Г. Управляющему Иркутской губерниею от 19 Апреля 1850 года № 46.

Государственные преступники Кюхельбекер и Горбачевский обращались к Генерал-Губернатору Восточной Сибири с просьбами: первый о дозволении ему заниматься по Байкалу рыбными промыслами и судоходством или вступить в должность штурмана компании пароходства на Байкале наследников купца Мясникова и других, а Горбачевский о дозволении ему заниматься на одном из золотых приисков Верхнеудинского округа, находящихся вблизи места поселения Горбачевского.

Просьбы эти Кюхельбекера и Горбачевского Его Высокопревосходительство Николай Николаевич передавал на благоусмотрение и разрешение Г. Шефа Корпуса Жандармов.

Ныне Его Сиятельство Граф Орлов уведомил Г. Генерал-Губернатора, что имея в виду Высочайшие Повеления 1831 и 1845 г. коими воспрещается поселенцам из Государственных преступников вступать

в услужение к частным людям и допускать их к оборотам, которые превышают положение обыкновенного крестьянина и требуют продолжительных отлучек, Его Сиятельство не находит себя в праве ходатайствовать об удовлетворении вышеозначенных просьб Государственных преступников Кюхельбекера и Горбачевского.

Об этом честь имею уведомить Ваше Высокородие для объявления Кюхельбекеру и Горбачевскому.

Верно. Начальник Отделения. *Подписи нет.*

ЗАБАЙКАЛЬСКОЕ ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

25 октября 1856 г.
№ 430.

Чита.

Господину Управляющему Петровским Горным Округом.

Всемилостивейшим Его Императорского Величества Манифестом, изданным в 26 день августа н. г. по случаю коронования их Величеств и особо Высочайшим Указом, данным в этот же день Правительствующему Сенату дозволено находящемуся в Петровском заводе Государственному преступнику Ив. Горбачевскому возвратиться на родину с воспрещением впрочем въезда в С.-Петербург и Москву, причем возвращено ему и дворянское достоинство.

Уведомляя об этом, честь имею покорнейше просить объявить об этом Г. Горбачевскому и истребовать от него лист гербовой бумаги 90 коп серебреного достоинства на написание ему свидетельства о возвращении ему дворянского достоинства.

Исправляющий должность
Военного Коменданта Полковник К о р с а к о в.

А. Харчевников.

Высылка декабриста Д. И. Завалишина из г. Читы в 1863-ем году по архивным материалам Читинского музея.

В Государственном Областном Музее имени Кузнецова в г. Чите среди материалов, относящихся ко времени пребывания декабристов в Забайкалье, хранится дело: „О высылке из Г. Читы в Г. Казань Государственного Преступника Дворянина Дмитрия З а в а л и ш и н а".

„Дело" относится к 1863-му году, ко времени непосредственно следовавшему за присоединением Амура, когда главного „творца" и виновника этого события графа Н. Н. Муравьева-Амурского уже не было в Восточной Сибири.

Интересное в целом, как освещающее, правда, с внешней стороны последнее время пребывания Д. И. Завалишина в г. Чите, названное дело содержит ряд документов чрезвычайно характерных в отношении самого Д. И. Завалишина, администрации того времени и с бытовой стороны.

Не считая возможным в виду обилия материала опубликовать в настоящем сборнике целиком это дело, мы приведем лишь главные места его, но прежде остановимся несколько на личности Д. И. Завалишина и его деятельности в Чите.

Дмитрий Иринархович Завалишин был единственный декабрист, избравший Читу местом своего поселения, по окончании срока заключения декабристов в тюрьме Петровского завода в 1839-ом году.

Причиной этого было его давнишнее желание вступить в брак с дочерью жившего там начальника горного округа С. И. Смольянинова.

Декабрист А. Ф. Фролов в своих „Воспоминаниях"[1]) рассказывает о знакомстве Д. И. Завалишина с семейством Смольяниновых еще во время пребывания декабристов в Читинском остроге.

Перевод декабристов в 1830-ом году в Петровский завод не помешал начавшемуся сближению Д. И. Завалишина с одной из сестер Смольяниновых-Аполлинарией.

Через 12-ть лет после начала знакомства, когда Д. И. Завалишин возвратился из Петровского завода в Читу, состоялся их брак.

Старина. 1882, июнь, стр. 703, 708.

Обосновавшись в Чите, Д. И. Завалишин занялся сельским хозяйством и принял близкое участие в общественной и административной деятельности.

Как человек весьма образованный, Д. И. Завалишин быстро вошел в курс вопросов местной жизни и стал одним из лучших знатоков края, что и сыграло для него впоследствии решающую роль в отношениях с генерал-губернатором Н. Н. Муравьевым.

Время поселения Завалишина в Чите совпало с особенно горячей порой строительства местной высшей администрации: в 1851-ом году была образована Забайкальская Область, а Чита была сделана областным городом.

Проведение этого в жизнь требовало от администрации усиленной работы.

Разумеется при этом нельзя было обойтись без привлечения к содействию таких, крайне немногих, знающих местные условия, лиц, как Д. И. Завалишин.

В своих „Записках", написанных в Москве в самом начале 80-х годов [1]). Д. И. Завалишин, говоря о своей деятельности в Чите, называет себя „действительным правителем области", считает, что хотя он и не называется графом Читинским, но что если Чита будет когда либо известна, то именно потому, что он в ней жил и действовал, что он будет всегда жить в памяти этого края, как твердый защитник его и лучший устроитель [2]).

Самое преобразование Забайкальского края в отдельную область и назначение Читы губернским городом Д. И. Завалишин приписывает своим беседам с генерал-губернатором Броневским во время посещения последним Петровского завода [3]).

Более конкретное участие Завалишина в устройстве Читы по обращении ее в город, по его словам, выразилось в следующем: он „долгое время до назначения и прибытия весьма медленно назначаемых служащих, безвозмездно исправлял должность офицеров генерального штаба, по съемкам и составлению карт, путей сообщения, по составлению плана города, землемера, по распланировке города и отводу земель, архитектора по постройке казенных зданий, медика по надзору за тифозными госпиталями, по пособию жителям собственными лекарствами, советника, мирового посредника, учителя и пр." [4]).

---

[1]) Первоначальную редакцию „Записок" Д. И. авалишин сжег в Чите в конце 50-х или в начале 60-х годов в момент наиболее обостренных своих отношений с высшей администрацией края. См. об этом „Записки декабриста Д. И. Завалишина". Мюнхен. 1904. Том I, предисловие автора.

[2]) Записки Д. И. Завалишина, приведенные в примеч. 1-ом. Том II. Стр. 254—256.

[3]) Там же. Стр. 173.

[4]) Д. И. Завалишин—„Амурское дело и влияние его на Восточную Сибирь и Государство". Русская Старина. 1881, октябрь, стр. 391.

Приведенных выдержек вполне достаточно, чтобы составить себе представление, как смотрел на свою деятельность в Чите сам Д. И. Завалишин.

Взгляд его на свою роль и значение в местной жизни, конечно, слишком преувеличен.

Вообще чрезмерное выставление себя на первый план красной нитью проходит через все „Записки".

Эта черта Завалишина, также как и постоянные дидактические наклонности на основе наивной философии, резко выделяли его из среды всех декабристов.

Когда в 1881-ом году в „Русской Старине", появилась первая глава „Записок" Завалишина, декабрист А. Ф Фролов высказался по поводу нее, что он (*т. е. Завалишин*) вымысел выдает за действительный факт, что необузданное пылкое воображение, тревожившее автора, одарено способностью превращать невидимое в видимое, фантазию в действительность и вывести человека из нормального психического состояния[1]).

Значительно ранее декабрист П. И. Свистунов писал о Завалишине еще более резко[2]).

Считая преувеличенной ту оценку, которую делает себе в „Записках„ сам Д. И. Завалишин, мы не можем все же всецело присоединиться к тому, что говорят о нем А. Ф. Фролов и П. И. Свистунов.

Письма семейства Бестужевых[3]), бр. Кюхельбекеров[4]), И. И. Пущина[5]) к Завалишину, упоминания о нем, встречающиеся хотя бы у И. И. Горбачевского[6]), дают нам возможность представлять себе как самого Завалишина, так и его отношения с другими декабристами значительно лучше.

Не касаясь более вопроса о личности Завалишина, мы в целях наилучшего понимания дальнейшего должны признать, что, будучи человеком глубоко образованным, с массой знаний не только теоретического, но и прикладного характера, ознакомившись в течение многих лет с краем, Д. И. Завалишин был несомненно очень авторитетен, как среди местного населения, так и у представителей власти.

Такие же черты его характера, как необычайное самолюбие и крайняя самонадеянность заставляли его еще резче выделять себя, когда представлялась к тому возможность.

---

[1]) А. Ф. Фролов. „Воспоминания". Русская Старина. 1882. июнь, стр. 710.
[2]) Русский Архив. 1870, стр. 1648—1650. 1871, стр. 355—358.
[3]) Русская Старина. 1881, октябрь, стр. 390, 394, 401.
[4]) Русская Старина. 1881, октябрь, стр 388, 395.
[5]) Декабрист И. И. Пущин. Записки о Пушкине и письма из Сибири. Москва, 1925. Стр. 212—216, 224—5, 284—6.
[6]) Записки декабриста И. И. Горбачевского. Москва. Изд. „Задруга". 1916. Стр. 250, 251, 262, 265, 268, 274—277.

Вот это исключительное положение Завалишина и объясняет почему Н. Н. Муравьев после столкновения с ним по амурскому вопросу всеми мерами добивался его удаления из Забайкалья

В подтверждение сказанного нами о положении и роли Завалишина можно привести свидетельства других лиц.

Так, Ахиллес—Заборинский, бывший начальником штаба войск Восточной Сибири, в своей статье: „Гр. Н. Н. Муравьев в 1848-56 г. г." между прочим пишет, что, „уезжая из Читы, Запольский (*первый военный губернатор Заб Обл.*) без всякого стеснения открыто поручал Д. И. Завалишину, лицу частному, надзор и распоряжения по управлению" и далее „Завалишин при блестящем образовании, обладая обширным и светлым умом, изучил до тонкости край. Чиновники пользовались его указаниями"[1]).

А. М. Линден в своих „Записках" говорит, что декабрист Д. И. Завалишин, живший в Чите, пользовался всеобщим уважением и даже некоторым просвещенным влиянием на дела по управлению Забайкальской областью[2]).

П. А. Крапоткин в своем „Дневнике" в воскресенье 28-го октября 1862-го года отмечает: „Сегодня утром я был у Завалишина — личность не из обыкновенных—есть много хороших начинаний, не глуп. Он страшный враг Муравьева, деспотизма в его управлении, как сам говорит, самой личности, как говорят другие.

Спор, который он вел по поводу Амура, напропалую ругая все управление Муравьева, очень замечателен. Не мало писал он правды, не мало было и лжи, говорят"[3]).

Перейдем к дальнейшему и бегло рассмотрим в чем заключалось и каковы были последствия уже упомянутого нами столкновения государственного преступника Д. И. Завалишина с генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым.

О графе Н Н. Муравьеве-Амурском имеется достаточная литература[4]), так что говорить здесь подробно о его личности мы не будем.

Несомненно, что человек очень решительный и предприимчивый, обладая непреклонной волей в выполнении намеченных целей, Н. Н.

---

[1]) Русская Старина. 1883, июнь, стр. 633, 634.

[2]) Русская Старина. 1905, апрель стр. 123.

[3]) Центрархив. Дневник П. А. Крапоткина. Госиздат. Москва. 1923. Стр. 61.

[4]) См. И. Барсуков. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский (материалы для биографии). II тома. Москва. 1891.

„Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский" сочин. Ивана Барсукова. Рецензия профессора Харьковского университета Петра Бутинского (Отчет о пятом присуждении премий Макария митрополита московского. Спб. 1895 г.).

И. В. Ефимов. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский пред судом профессора П. Н. Буцинского. Спб. 1896.

Цитируемые статьи Ахиллеса-Заборинского, А. М. Линдена и др.

Муравьев в то же время отличался крайним самолюбием, не терпел противоречий и не знал преград своему произволу. Короче говоря, он и Завалишин во многом „стоили друг друга".

Сделавшись генерал-губернатором, Н. Н. Муравьев не мог ограничиться выполнением обычных генерал-губернаторских обязанностей, а поставил себе задачей присоединить к России, соприкасавшийся с Восточной Сибирью, Амурский край.

Прибыв в Сибирь в 1848-ом году, он вскоре же с необычайной энергией принялся за осуществление этой своей цели.

Амурское дело в управлении Н. Н. Муравьева заняло такое центральное место, что все не только служившие, но и просто жившие в крае были затронуты этим делом.

Забайкалье представляло собой главную базу для выполнения намеченного Н. Н. Муравьевым плана и потому здесь везде и всюду началась особенно напряженная деятельность. Тогда горные крестьяне-хлебопашцы были обращены в пеших казаков, началось насильственное переселение на Амур, была произведена ломка горнозаводского дела и т. д.

Д. И. Завалишин, бывший, как уже говорилось, вполне в курсе жизни местного края, не разделял общего увлечения амурским делом и был настроен крайне враждебно к этому предприятию Н. Н. Муравьева.

Д. И. Завалишин великолепно учитывал то раззорение Забайкалья те бедствия для населения, которые не замедлили обнаружиться в результате всех действий Н. Н. Муравьева и его ближайших сотрудников.

Точно также Д. И. Завалишин не мог относиться равнодушно к тем злоупотреблениям, которые позволяла себе администрация пользуясь отдаленностью края.

Рамки настоящей статьи не дают нам возможности остановиться подробно на деятельности Н. Н. Муравьева, злоупотреблениях администрации и разобрать все те возражения, которые делал против них Д. И. Завалишин.

Убедившись в невозможности здесь, в Чите, тем или иным путем лично повлиять на ход дел, Д. И. Завалишин решил прибегнуть к помощи печати. С 1858 года он начал помещать статьи об Амуре в издававшемся в Петербурге журнале „Морской Сборник"[1]) и в московском журнале „Вестник Промышленности"[2]).

Впечатление от его статей было необычайное. Они читались чуть не нарасхват и в Петербурге и в Европейской России, но в особенности в Иркутске.

[1]) 1858 г., кн. 11, 1859 г., кн. 5, 6, 7.
[2]) 1859 г., кн. 10, 12.

Написанные очень дельно и с большим задором статьи Завалишина вселили во многих разочарование в новой окрайне и представили в самом невыгодном свете управление Муравьева и деятельность наиболее близких к нему лиц.

Необходимо заметить, что еще раньше чем Д. И. Завалишин начал печатать свои статьи в столичных журналах, Н. Н. Муравьев в 1855-ом году провел в Петербурге постановление о переводе Завалишина в Минусинский край в интересах якобы его здоровья, которое требует пребывания в более мягком климате[1]).

Этим Н. Н. Муравьев хотел избавиться от наиболее опасного свидетеля и обеспечить себе полную свободу действий.

Д. И. Завалишин тогда запротестовал и добился того, что был оставлен попрежнему в Чите.

Теперь же, после того как были напечатаны статьи об Амуре, отношения между Муравьевым и Завалишиным обострились до крайности.

Н. Н. Муравьев добился запрещения редакциям печатать что либо даваемое Завалишиным; этим он надеялся приостановить дальнейшие разоблачения. Но было поздно: то, что уже напечатали, сыграло свою роль и положение Муравьева сильно пошатнулось.

К этой неудаче Муравьева вскоре присоединились другие и в Петербурге поставили вопрос о предоставлении ему другого высокого поста.

Участь Завалишина также была решена: Н. Н Муравьев вторично настоял в Петербурге на необходимости выселения Завалишина из Забайкалья, чтобы тем самым освободить от него своего преемника на посту генерал-губернатора и ближайшего помощника в Амурском деле М. С. Корсакова.

Состоявшееся постановление об удалении Завалишина из г. Читы на этот раз было приведено в исполнение, несмотря уже ни на какие его доводы и протесты.

К этому последнему времени пребывания Завалишина в Чите и высылке его и относятся приводимые нами далее архивные материалы, хранящиеся в Читинском Государственном Областном Музее имени Кузнецова.

Цитированный ранее А. М. Линден в таких выражениях говорит о только что изложенном столкновении Муравьева с Завалишиным: „Муравьев был либералом лишь до поры до времени и, не вынося критики своих административных распоряжений, быстро переменял

[1]) См. находящееся в Читинском музее дело „О переселении Государственного Преступника Завалишина из Читы в г. Минусинск Енисейской губернии. Началось 12 июля 1855 г. Кончено 10 декабря 1855 г. На 26 листах".

милость на гнев, как только кто либо позволял себе осуждать те или другие принимаемые им меры, в особенности касавшиеся Амурского Края. К числу лиц, на которых обрушилось со всею силою негодование Муравьева, принадлежал декабрист Д. И. Завалишин.. В конце пятидесятых годов Завалишин написал несколько статей в „Морском Сборнике", в которых указывал на существенные оплошности, допущенные при заселении левого берега Амура и Уссури забайкальскими казаками и штрафованными солдатами..... Кто в те времена был на Амуре, как например я, и видел воочию неприглядную картину переселения,—тот, разумеется, скажет, что Завалишин писал правду, но Муравьев до такой степени против него озлился, что начал настаивать на выселении Завалишина из пределов Восточной Сибири, что в конце концов ему и удалось.

И вот этот выдающийся по уму и образованию старик, сроднившийся со своею Читою, под конец жизни должен был волею неволею переехать на жительство в Москву"[1]).

Замечания А. М. Линдена тем более ценны, что в своих суждениях, как можно заметить, он отличается большой осторожностью и сдержанностью, а кроме того был современником описываемых событий.

Содержание дела о высылке Д. И. Завалишина станет известным из печатаемых далее материалов.

При этом для большего удобства ознакомления все дело можно разделить на шесть частей, в порядке которых мы и будем приводить избранные документы:

I. Предписания об отправке Д. И. Завалишина в г. Казань и его отношение к этому.

II. Медицинское освидетельствование его здоровья в целях выяснения вопроса о препятствиях к выезду.

III. Приведение в исполнение „высочайшей воли": сношения о приобретении экипажа, отпуске прогонных, наставление сопровождающему и т. п.

IV. Д. И. Завалишин в пути до Иркутска.

V. Запрос о положении семейства Завалишина, розыске украденных у них вещей.

VI. Заключительная переписка высшей администрации.

В первой части находится в подлиннике весьма характерный „Протест" Завалишина по поводу предстоящего насильственного удаления его в Россию, поданный исправляющему должность военного губернатора Забайкальской области Шелашникову.

Здесь Д. И. Завалишин со свойственными ему мелочностью и преувеличением выдвигает одно за другим ряд препятствий к выезду:

[1]) А. М. Линден. „Записки". Русская Старина. 1905, апрель, стр. 123.

краткость срока, болезнь семейства, собственное нездоровье, отсутствие безопасности, неимение теплой одежды, вопрос о выдаче данной на усадьбу под домом.

Все перечисленное ставит Завалишина в физическую и нравственную невозможность скоро приготовиться в путь.

В конце Д. И. Завалишин угрожает жалобой за позднее объявление ему решения правительства и возлагает на виновных всю ответственность за „конечное раззорение и неминуемую гибель", как самого его, так и его семейства.

Написан „Протест" на двух больших страницах очень мелким и убористым, но вполне разборчивым, почерком.

Из дела не видно, чтобы К. Н. Шелашников обратил какое либо внимание на „Протест" Завалишина Вероятно, власти, хорошо знакомые с „беспокойным стариком" просто „подшили" лишний документ к делу.

Тогда Д. И. Завалишин прибег к другому средству, чтобы как нибудь оттянуть свой отъезд.

При отобрании от него подписки о „безотлагательном" отправлении в путь он представил „Отзыв", в котором, ссылаясь на свое болезненное состояние, потребовал медицинского освидетельствования в подтверждение того, что он не в состоянии вынести такую продолжительную дорогу.

„Отзыв" Завалишина также находится в деле и будет приведен.

В ответ на это исправляющий должность военного губернатора Забайкальской области К. Н. Шелашников сразу же предписал образовать медицинскую комиссию, которой и произвести освидетельствование здоровья Завалишина.

Все что касается назначения и действий этой комиссии составляет вторую часть дела.

Здесь следует обратить внимание на „Особое дополнение", приложенное лекарем П. Толмачевым к свидетельству о состоянии здоровья Завалишина

По рассказам старожилов, лекарь П. Толмачев был на редкость гуманный и отзывчивый человек.

У него никогда не было отказа, раз его звали к какому нибудь больному. В ночь-полночь приедут из деревни на одноколке—Толмачев тотчас же едет, приедут на быках—тоже едет.

Платы за лечение он никогда и ни с кого не брал.

Когда П. Толмачев умер, вся читинская беднота вышла проводить его гроб.

Причиной, заставившей Толмачева подать „Особое дополнение", можно думать, было его стремление чем-нибудь помочь Завалишину хотя бы в дороге, раз она все равно неизбежна.

Медицинский инспектор Н. Ворожцов не поддержал Толмачева, возможно, боясь навлечь на себя подозрения в излишней мягкости, но зато губернатор К. Н. Шелашников принял „Особое дополнение" во внимание в своих дальнейших действиях.

Во что вылились на самом деле заботы администрации о предоставлении Завалишину более лучших условий в пути—мы увидим дальше.

Третья часть самая большая содержит в себе различную административную переписку относительно самого отправления Завалишина.

Значительная часть этой переписки, как имеющая второстепенный интерес, нами приведена не будет.

В этой части мы снова встречаем, правда, уже мелкие попытки со стороны Завалишина задержать ход событий.

Так, когда Читинский полициймейстер Смирнитский предъявил Завалишину заранее составленную подписку о том, чтобы он немедленно готовился в путь, Д. И. Завалишин, прежде чем расписаться сделал своей рукой приписку относительно „ухуждения" своего здоровья и об ускорении дела о выдаче данной на усадьбу под домом.

Далее, когда тот же Смирнитский уведомил его о покупке экипажа и вторично предложил ему готовиться в дорогу к месту назначения, Д. И. Завалишин заявил, что он не может ехать до тех пор, пока не получит следуемого ему ежегодного вспомоществования, необходимого на покупку теплого платья и других вещей.

Это заявление Завалишина было тотчас же удовлетворено.

Необходимо еще отметить в этой части „Наставление", назначенному для присмотра за Завалишиным до Иркутска, зауряд-хорунжему Забайкальского казачьего войска И. Мостовскому.

В пункте первом этого „Наставления" Мостовскому предписывается принять от Читинского полициймейстера Завалишина и отправиться с ним в Иркутск не позднее 14-го августа того года, что и было им исполнено.

Далее дается ряд инструкций как поступать и обращаться с Завалишиным в пути.

Итак, Д. И. Завалишин был отправлен.

Рапорт Мостовского губернатору Забайкальской области Шелашникову, находящийся в четвертой части, знакомит нас с теми злоключениями, какие пришлось перенести Завалишину в пути до Верхнеудинска.

Здесь невольно придет на память и „Особое дополнение“ лекаря Толмачева и последующие заботы администрации о покупке для Завалишина „крытого неперекладного“ экипажа.

Интересно сравнить как рассказывает о событиях, изложенных в рапорте Мостовского, сам Д. И. Завалишин. Соответствующее место из его „Записок“ будет нами приведено в примечании.

Пятая и шестая части являются как бы дополнением.

В пятой части мы встречаемся с запоздалым покровительством Министра Внутренних Дел „дворянину Завалишину, проживающему в Чите, по обстоятельствам его просьбы к управляющему Министерством Юстиции“.

В шестой части характерна самая тема переписки: тарантас, который был приобретен администрацией для Завалишина и столь „блестяще“ оправдал свое назначение.

Вот вкратце обзор всего дела.

В заключение, перед тем как перейти к самым архивным материалам, нужно еще сказать, что даже при беглом ознакомлении с „делом“ бросается в глаза какая то напряженная поспешность и торопливость, с какой администрация стремится возможно быстрее удалить Завалишина из Читы.

Власти как бы боятся повторения того, что было, когда намеревались выслать Завалишина в Минусинск.

Только что Д. И. Завалишин представил „Отзыв“ о своем болезненном состоянии, а уже на завтра летят от губернатора предписания о его медицинском освидетельствовании.

Когда врачи признали необходимым произвести в течение трех дней наблюдение за ходом болезни Завалишина, губернатор, не дождавшись от них окончательного свидетельства, уже шлет свое напоминание с просьбой поспешить доставлением этих сведений.

Еще мы не один раз наталкиваемся на предписания поспешить отправкой Завалишина, исходящие от генерал-губернатора Восточной Сибири.

Видимо, Иркутск и Чита одинаково были заинтересованы в скорейшем исполнении этого.

В чем же причина подобной поспешности администрации?

Нам кажется, что она лежит в факте большого авторитета Завалишина, такого авторитета, который администрации, наделавшей ошибок в управлении и к тому же весьма склонной к произволу, не давал покоя и связывал ее по рукам и ногам.

А отсюда и значение дела о высылке Завалишина из г. Читы заключается в том, что оно является лишним памятником исключительной роли участников декабрьского восстания 1825-го года в культурной жизни и строительстве Сибири.

19 сдача.

По описи № 494.
№ 320.

ОТДЕЛЕНИЕ 1 е.
СТОЛ 1-й.
Связ. 285.

Д Е Л О

О высылке из Г. Читы в Г. Казань Государственного Преступника Дворянина Дмитрия Завалишина

Началось 4 Мая 1863 года.
Кончено 12 Января 1864 г.

На 104 листах.

Главное Управление
Восточной Сибири.
Отделение 1.
Стол 2.
20 Апреля 1863 г.
№ 841.
г. Иркутск.

Господину Исправляющему должность Военного Губернатора Забайкальской области.

Государь Император, признавая вредным пребывание в Сибири, проживающего ныне в г Чите Забайкальской области, прощенного государственного преступника дворянина Дмитрия Завалишина в 9-й день минувш. февраля Высочайше соизволил повелеть: Завалишина выслать из Сибири назначив ему место жительства, по распоряжению Министра Внутренних Дел в одной из внутренних губерний, где и учредить за действиями его бдительной полицейский надзор.

В последствие сего Министр Внутренних Дел от 6 Марта за № 1036 просит распорядиться об отправлении дворянина Дмитрия Завалишина в г. Казань, с учреждением там за действиями его бдительного полицейского надзора, о чем им Статс-Секретарем Валуевым сообщено и Начальнику Казанской губернии.

Уведомляя о такой Высочайшей воле и распоряжении Министра Внутренних Дел, изложенных в предложении ко мне г. Исправляющего должность Генерал-Губернатора Восточной Сибири от 7 марта с. г. за № 974, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать надлежащее распоряжение к отправлению Завалишина в г. Казань по первому летнему пути, на основании Высочайше утвержденных 10 Января 1854 г. правил о порядке пересылки политических преступников из одного места в другое (:циркулярное предписание бывшего Министра Внутренних Дел к начальникам губерний от 28 Января 1854 г. за № 16:) и о последующем неоставить сообщить г. Начальнику Казанской губернии и меня уведомить.
Председательствующий в Совете Генерал-Лейтенант Жуковский.

Член Совета,

Управляющий Отделением П. Сукачев.

218

Отделение 1-е.
Стол 1-й.

10. Мая 1863 года.
№ 1412.

Копия.

Господину Исправляющему
Должность Читинского Полициймейстера.

Государь Император, признавая вредным пребывание в Сибири, проживающего ныне в г. Чите Забайкальской Области, прощенного государственного преступника дворянина Дмитрия Завалишина в 9-й день февраля настоящего года Высочайше соизволил повелеть: Завалишина выслать из Сибири, назначив ему место жительства по распоряжению Министра Внутренних Дел в одной из внутренних губерний, где и учредить за действиями его бдительный полицейский надзор.

В последствии сего Министр Внутренних Дел от 6 марта за № 1036, просит распоряжения об отправлении Дворянина Завалишина в г. Казань, с учреждением там за действиями его бдительного полицейского надзора, о чем им Статс-Секретарем Валуевым сообщено и начальнику Казанской губернии.

Давая знать Вашему Высокоблагородию о такой Высочайшей воле и распоряжении Министра Внутренних Дел, изложенных в предложении ко мне Г. Председательствующим в Совете Главного Управления Восточной Сибири от 20 м: Апреля за № 841, покорнейше прошу Вас, объявить проживающему в городе Чите Дворянину Дмитрию Завалишину как об этом, так равно и о том что Г. Председательствующим предписано отправить его по первому летнему пути.

Подписал Испр. дол: Военного Губернатора Генерал-Маиор Шелашников, скрепил управляющий Отделением В. Ивашевский.

Переписать
В Мак.

Верно за Столоначальника. *Подписи нет.*

Отд. 1.
Ст. 1.

30 Мая 1863 г.
№ 1557.

Копия.

Г. Председательствующему
в Совете Главного Управ. Вост. Сиб.

Вследствие предписания Вашего Превосходительства от 20 апреля за № 841, я объявил прощенному Государственному преступнику дворянину Дмитрию Завалишину что он по Высочайшему повелению переводится на жительство в Казань и что его велено отправить туда с

первым летним путем. Ныне Завалишин поясняя что он в настоящее время болен сам и сестра его находится в самом опасном положении просит не отправлять его теперь из Читы, но не пояснил когда может отправится в путь.

Убедясь вполне в справедливости болезни как самого Завалишина так и сестры его я нахожу действительно невозможным по крайней мере в настоящее время отправить его в Казань и притом еще встречаю затруднение каким именно образом отправить его, так как Ваше Превосходительство предписываете сделать это согласно Высочайше утвержденных 10 Января 1854 года правил о порядке пересылки политических преступников, в которых изложены между прочим два способа отправления один за строгим конвоем (пункт 2) и другой без оного (пункт 9)—то к которому из них должен быть отнесен Завалишин прощенный уже как государственный преступник и получивший звание дворянина, а также может ли следовать с ним и семейство его, а потому имею честь покорнейше просить разрешения на это Вашего Превосходительства.

Подписей нет.

Отд. 1.
Ст. 1.
30 Мая 1863 г.
№ 1558.

Копия.

Г. И. д. Читинского Полицмейстера.

Покорнейше прошу Ваше Высок. объявить проживающему в Чите дворянину Дмитрию Завалишину что Г. Председательствующим в Совете Глав. Упр. В. С. предписано мне отправить его в Казань по первому летнему пути на основании Высочайше утвержденных 10 января 1854 г. правил о пересылке политических преступников, по которым на проезд его отпущены будут прогоны, дан для сопровождения казак и указан маршрут; какой же он именно должен быть, а также может ли Г. Завалишин взять с собою свое семейство я вместе с сим вошел с представлением к Г. Председательствующему в Совете Глав. Упр. В. С. При этом покорнейше прошу Вас спросить на законном основании Г. Завалишина когда он в состоянии будет отправится в Казань.

№ 3689
2148.

15 июня 1863 года.

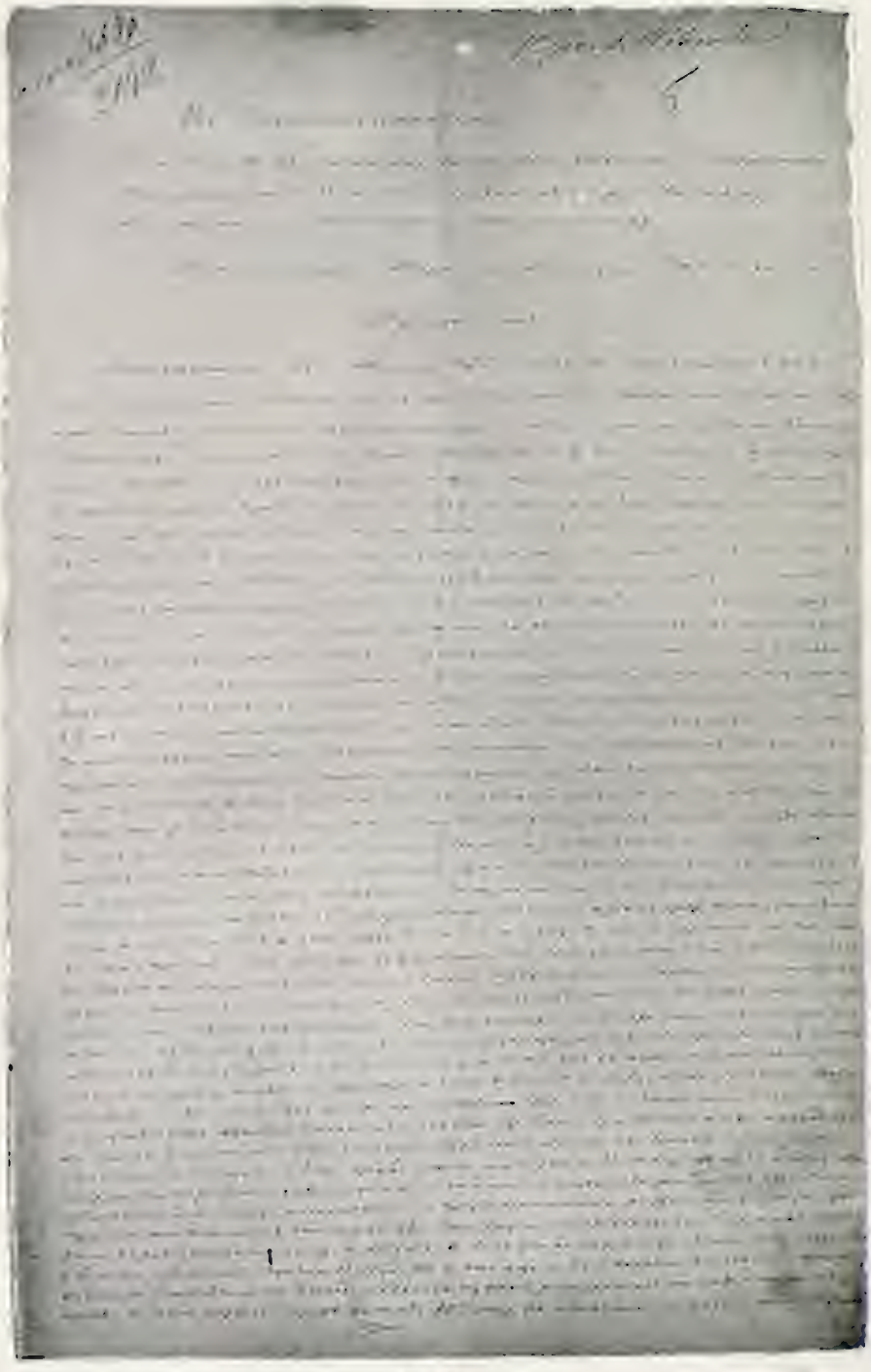
Его Превосходительству
Господину Исправляющему должность Военного Губернатора
Забайкальской Области, Генерал-Маиору и Кавалеру,
Константину Николаевичу Шелашникову
Потомственного Дворянина Дмитрия Завалишина

П Р О Т Е С Т.

Манифестом 26-го Августа 1856-го года, возвращены мне права потомственного Дворянина, с предоставлением свободного прожития во всей Империи исключая столиц; на что и выдано мне от местного Военного Губернатора законное свидетельство. Сверх того, в последствии, а именно прошлого 1862-го года, предоставлено мне право проживать и в столице, в Москве, с производством притом еще и пособия. А как я с тех пор не только не подвергался суду, ниже следствию какого либо рода, и по какому бы то ни было поводу; но даже мне никогда не было объявляемо, чтоб против меня существовало или возникало какое-либо обвинение; точно так же, как никогда не требовалось от меня никакого объяснения по какому бы то ни было поводу и предмету; то я и имею полное право предполагать что состоявшееся против меня без суда и исследования решение Правительства о насильственном удалении меня отсюда в россию, основано либо на какой нибудь, неизвестной еще мне, тайной клевете, или на каком либо громадном недоразумении. Не здесь конечно место входить в какие либо на счет этого догадки и объяснения; но то несомненно верно, что если повеление состоявшееся еще 9-го февраля, велено было привести в исполнение не прежде как летом, то это показывает неоспоримо что имелось в виду с одной стороны состояние моего здоровья; а с другой—очевидно что расчитано было так, что все же я буду иметь сколько нибудь времени для приготовления себя к такому дальнему и трудному по моему здоровью, положению и недостаточности средств пути. И действительно! если бы приняты были меры, чтоб мне было объявлено о том немедленно, то это могло бы быть сделано никак не позже 1 8-г о м а р т а, даже обычным путем чре почту, при зимнем тогда еще ходе почты чрез Байкал по льду. Тогда я еще мог бы кое как к лету привести хоть отчасти в устройство для этой цели свои дела и приготовиться к дороге к лету—но вместо того, решение Правительства, объявлено было мне официально, как и вам известно, т о л ь к о 1 8 м а я, когда не было бы даже и при иных совершенно обстоятельствах нежели мои; при самых выгодных

даже, никакой уже возможности не только устроить дела по дому и хозяйству, но и просто приготовиться к неимевшейся в виду дороге; даже мне одному а не то уж с таким семейством, какое состоит на моем попечении, перевезти которое в россию с требуемым удобством, всегда и составляло при недостатке средств препятствие для добровольного моего возвращения;—обстоятельство, вероятно совершенно скрытое от Государя, как я имею полное право думать. Конечно! и до официального объявления ходили уже темные о том слухи—(т: е: другим сообщали о том прежде нежели мне!) но и это во первых не за долго; а во вторых, на них тем менее можно было что либо основывать, растроивая еще более остановкою домашних распоряжений и преждевременными расходами и без того уже трудное мое положение, что слухи эти один другим противоречили; да и прежде возникали не раз (особенно на пр. в 1860 г. в виде уже положительно отданного приказания) и однако оставались без последствий.

Но и это еще не все! Невозможность эта приготовиться с семейством к дороге, и сделать нужные распоряжения на счет нашего имущества в такой короткий срок, как от 18-го мая до официального начала лета (10: июня) усилилась особенно еще двумя непредвиденными обстоятельствами. На другой день по сделании мне объявления, старшая моя свояченица, на руках которой все хозяйство, впала в тяжкую, отчаянно-опасную болезнь, от которой и при благополучном исходе, не в состоянии будет долго на столько оправиться и укрепиться в силах, чтобы не подвергнуться возврату такой опасной и легко (как и предостерегал лечивший ее медик) возвращающейся болезни, и чтобы вынести такую дальнюю и непривычную дорогу, тяжелую и в здоровом положении для людей несколько десятков лет сидевших на месте, и не совершавших никогда и двух сотень верст переезда—следствием этой болезни было еще и то, что и другая свояченица моя, на которую легла вся тяжесть нераздельных трудов, и кроме того лишние хлопоты относительно больной сестры; истомилась до крайности; и тем более, что едва миновал кризис смертельной опасности у сестры, как заболела тяжко мать, и теперь находящаяся еще в таком тяжком болезненном положении, что оставляет нас в совершенной еще неизвестности какой будет исход, при ее престарелых летах (83 года) и более дватцати уже лет, постоянной болезненности. Таким образом, не говоря уже о собственной своей, издавна всем известной хронической болезни, не выносящей крайностей ни холода, ни жара, ни сырости; и о непрерывно с января месяца продолжающемся болезненном состоянии в следствие бывшего сильного воспаления печени,—очевидно что в таком положении семейства взять его в скорости в дорогу невозможно; когда подобная дорога и мне в это время года совершен-



„Протест" Г. И. Завалишина.

но не по силам была бы и при удобной езде в лучших условиях; не только как теперь при необходимости ехать на перекладных; и однако еще невозможнее оставить мое семейство здесь одних в такой беспомощности; совершенно невозможно ни физически, ни нравственно; когда это оказывается решительно невозможным, даже если бы они и были все здоровы, уже в следствие одного совершенного отсутствия безопасности; так как и в присутствии хозяина мущины в доме,--независимо от беспрерывного мелкого воровства, мы два раза уже были жертвою самого дерзского грабежа целыми шайками, как и вам это известно. Вот почему, семейство мое, для которого и вещественная моя помощь была так безусловно необходима (все что они имеют, заключается в ничтожной, пожизненной пенсии в 143 три сер. получаемой их престарелою 83: летнею матерью) всегда еще более нуждалось в нравственной моей подержке и защите; и оставить его одного здесь без вещественного пособия и без защиты, значило бы предать на явную гибель от одной уже душевной тревоги беспрерывных опасений и невозможности управлять домом и прислугою беспомощным женщинам, чуждым всю жизнь распоряжениям и неогражденным ни от каких незаконных притязаний. Второе неожиданное обстоятельство, усилившее затруднение положения нашего, это то, что при последнем грабеже, украли у нас всю меховую одежду, т: е: вещи более всего необходимые нам для дороги; и которые для этой цели, мы особенно берегли; потому что при наших летах и здоровье, как бы мы ни усиливались ехать поспешно; но при неизбежных, необходимых остановках, доехать до места моего назначения, нам никак не будет возможно, не захвативши уже холодного времени года—Наконец и самое дело мое о земле, т: е: об выдаче мне данной на усадьбу под моим домом, от решения которого зависит и продажа дома; а следовательно и выручка единственного средства для дороги и для обеспечения хоть на первое время на всякий случай семейству, дело это не решено и до сих пор, не смотря на то, что приказание рассмотреть его, отдано в Петербурге, как говорят, еще то же в феврале, а без окончательного решения об усадьбе, я не могу и делать никаких распоряжений относительно дома своего, составляющего однако, не только все мое главное имущество и средство, но и единственное обеспечение в будущем семейства моего.

Вот почему я и прошу покорнейше Ваше Превосходительство, довести до сведения Правительства о таком положении моем и моего семейства, поставляющем меня в физическую и нравственную невозможность скоро приготовиться к дороге—Если же эта просьба моя не будет исполнена, и я силою буду отправлен в дорогу, вынужденный покинуть здесь беспомощное семейство одно; то я при первой воз-

можности, не премину принести куда будет следовать форменную жалобу, на позднее объявление мне решения Правительства, лишившее меня и возможности обратиться во время с просьбою и с объяснением к самому Правительству;—и времени сколько нибудь достаточного для устройства дел своих и приготовления в дорогу с семейством; возлагая на виновных в том, всю ответственность за конечное раззорение и неминуемую гибель мою и семейства моего.

Потомственный Дворянин Дмитрий Завалишин.

1863: года
Июня 9-го дня
г. Чита, Забайкальской Области.

3691
№ 379.

Главное Управление
Восточной Сибири.

Отделение 1.
Стол 2.

10-го Июня 1863 г.
№ 1459-й.
г. Иркутск.

16 Июня 1863 года.

Господину Исправляющему должность Военного Губернатора Забайкальской Области.

На представление Вашего Превосходительства от 30 мая с. г. за № 1557. имею честь уведомить: во 1-х Высочайшее повеление о высылке из Сибири в г. Казань под бдительный полицейский надзор, прощенного Государственного преступника Дмитрия Завалишина должно быть исполнено безотлагательно, во 2-х, в случае болезни Завалишина, могущей служить препятствием к высылке его из Сиоири следует подвергнуть его медицинскому освидетельствованию в установленном порядке и за сим поступить согласно последствиям освидетельствования, в 3-х сестра г. Завалишина *(в подлиннике „Савалишина“)*, проживающая в Чите, может следовать или не следовать за ним по собственному ее усмотрению и в 4-х так как Завалишин высылается из Сибири по непосредственному усмотрению и распоряжению Правительства, то на основании 10 п. Высочайше утвержденных правил 10 января 1854 г. о порядке пересылки политических преступников из одного места в другое должен быть подчинен не 9 пункту этих правил а 2-му, а потому и следует отправить его в Ка-

зань с одним или двумя конвойными казаками, по усмотрению Вашего Превосходительства.

Исправляющий должность Генерал-Губернатора
Свиты Его Величества Генерал-Маиор Корсаков.
Член Совета,
Управляющий Отделением П. Сукачев.

Отд. 1.
Ст. 1.
17 Июня 1863 года.
№ 1738.

Копия.

Г. И. д. Читинского Полицмейстера.

Препровождая при сем предписание Г. И. д. Генерал-Губернатора Восточной Сибири, от 10 Июня за № 1459, об отправлении прощенного государственного преступника Дворянина Дмитрия Завалишина в Казань предлагаю Вашему Высокоблагородию немедленно объявить это предписание Г. Завалишину с должною роспискою на нем же и взять с него подписку когда именно он может отправится в путь, которую вместе с препровождаемым при сем предписанием представить тотчас же ко мне.

Расписка Д. Завалишина:

„Предъявленное мне сего июня 18 числа, это предписание Г-ом исправляющим должность Читинского Полицмейстера Войсковым старшиною Смирницким, читал и представил ему при этом отзыв о болезненном состоянии своем, с просьбою о медицинском свидетельстве" потомственный Дворянин Дмитрий Завалишин".

Г-ну Исправляющему должность Читинского Полицмейстера
Войсковому Старшине Смирницкому.
Потомственного Дворянина Дмитрия Завалишина.

ОТЗЫВ.

На сделанное мне сообщение на счет возможности выезда в г. Казань, имею честь известить, что: во первых, хронические мои не без известные и главному начальству и самому Правительству болезни, летучий ревматизм, выказавшийся ныне с особенною силою в правой ноге, и постоянный мигрень застарелый более уже двадцати лет и не уступивший даже самым сильным средствам лечения, по консультации деланной в Москве, и от крайнего ожесточения которого, я только и могу предохранить себя уклонением от влияния сильного холода, жара и сырости; во вторых, возобновившиеся кроме

того, особенно в последние жаркие и удушливые дни припадки последствий сильного воспаления печени, бывшего у меня в январе сего года, в следствие троекратной простуды (при грабеже ночью в доме; при пожаре в соседнем доме при 35: мороза, и в зале заседания комиссии об улучшении городского устройства, которой я был членом); и наконец крайнее истомление в следствие напряженного ухода за бывшими в последние дни в семействе опасно больными; все это в совокупности произвело то, что в настоящее время я решительно не в силах отправиться в какую либо дорогу. А потому и прошу покорнейше предписать медицинское свидетельство, для законного засвидетельствования что я не в состоянии буду вынести такую продолжительную дорогу, особенно при наступившей такой неблагоприятной для моих болезней погоде: жаре и сырости, более всего убийственно действующих на меня.

Потомственный Дворянин Дмитрий Завалишин.

1863: года
Июня 18-го дня
г. Чита.

Отзыв этот отбирал Исправляющий должность Читинского Полицмейстера Войсковой Старшина Смирнитский.

№ 3736 19 Июня 1863 года.
№ 2204. Отз.

Исправляющему должность Военного Губернатора Забайкальской Области Господину Генерал-Маиору и кавалеру Шелашникову.

Исправляющего должность Читинского Полицмейстера Войскового Старшины Смирнитского.

РАПОРТ.

Вследствие предписания Вашего Превосходительства, от 17-го Июня за № 1738, я объявил прощенному Государственному преступнику дворянину Завалишину, предписание Господина Исправляющего должность Генерал-Губернатора Восточной Сибири от 10-го Июня за № 1459, на котором он Завалишин сделал надпись, и отдельно от сего по моему предложению, на мое имя дал от себя отзыв мною засвидетельствованный от 18 Июня сего года, в котором описывая состояние одержимой его болезни, просит медицынского свидетельства, так как он чувствует, что не в силах отправиться в какую либо дорогу.

Донося о сем Вашему Превосходительству, честь имею представить помянутый отзыв и предписание Господина Губернатора Восточной Сибири с надписью дворянина Дмитрия Завалишина.

И. д. Полицмейстера Войсковой Старшина Смирнитский

№ 118.
18 Июня 1863 года
В Г. Чите.

II.

М. В. Д.

Копия.

ЗАБАЙКАЛЬСКОЕ
Областное Управление
Отделение 1-е.
Стол 1-й.

19 Июня 1863 года.
№ 1764.
г. Чита.

Господину Исправляющему должность Инспектора Медицинской части по Забайкальской области.

Его Превосходительство Исправляющий должность Генерал-Губернатора Восточной Сибири, на основании последовавшего Высочайшего повеления в 9-й день февраля с. г., предписал мне отправить нажительство в Казань, проживающего в Чите, прощенного Государственного преступника дворянина Дмитрия Завалишина, который по предъявлению ему И. д. Читинского Полицмейстера настоящего распоряжения, дал отзыв, что, по болезненному состоянию, он в настоящее время никак не может отправиться в путь.

В следствие сего имею честь покорнейше просить Ваше Высокоблагородие произвесть через одного из числа наличных медиков в Чите, т. е. г. Дубинского или же г. Толмачева с личным участием Вашим и в присутствии И. д. Забайкальского Областного Прокурора и Читинского полицмейстера, которым мною вместе с сим предписано об этом, на законном основании освидетельствование состояния здоровья Г. Завалишина—и о том, что именно найдено будет составить установленный за общим подписом акт, который и представить ко мне

Испр. д. Военного Губернатора
Генерал-Маиор *Подписей нет.*
Управляющий Отделением

3953
2354

И. д. Читинского Полицмейстера Войскового Старшины Смирнитского.

22 Июня 1863 года.

Исправляющему должность Военного Губернатора Забайкальской Области Господину Генерал-Маиору и Кавалеру Шелашникову.

ДОНЕСЕНИЕ
№ 123.

21-го Июня 1863 года.

В г. Чите.

Во исполнение предписания Вашего Превосходительства от 19 Июня за № 1763, честь имею донести, что сего числа в 12 часов полудня, был освидетельствован Дворянин Дмитрий Завалишин Окружным Врачем Господином Толмачевым с участием в оном свидетельстве Инспектора Медицынской части Господина Ворожцева в присутствии Областного Прокурора и моем; о чем и постановлен акт прилагаемый при сем, которым не вполне определена степень Завалишина болезни, ибо на вопрос: может ли Дворянин Дмитрий Завалишин отправиться в назначенный ему путь без опасности для жизни? Свидетельствующие вышепоименованные медики, признали не обходимым, сделать в течении трех дней наблюдение за ходом его болезни.

Резолюция.
По получении окончательного свидетельства представить по Начальству.
В 1-й стол.
К делу.

Войсковой Старшина Смирнитский.

1863 года Июня 21 дня согласно распоряжения Военного Губернатора был нами свидетельствован Дворянин Дмитрий Завалишин в его болезненном состоянии в присутствии Областного Прокурора и Читинского Полицемейстера, при чем оказалось, что Г. Завалишин 59 лет отроду телосложения посредственного страдал с давнего времени ревматизмом правой половины головы и ног имеет сверх того в настоящее время раздражительное состояние печени, в следствие бывшего недавнего воспаления этого органа (16 января с. г.) проявляющееся расстройством пищеварительных органов и усилением геморроидальных припадков. Для точного же определения: может ли Дво-

рянин Дмитрий Завалишин отправиться в назначенный ему путь без опасности для жизни—признали необходимым сделать в течение трех дней наблюдение за ходом болезни.

Читинский Окружный Врач Лекарь П. Толмачев.

Исправляющий должность Медицинского Инспектора Н. Ворожцов.

При сем находился Испр. должн. Областного Прокурора Д. Макаров.

При этом свидетельстве присудствовал И. д. Читинского Полицмейстера Войсковой Старшина Смирнитский.

1354. Копия.

Отдел. 1.
Стол 1.
28 Июня 1863 года.
№ 2005.
Переписать
28 Июня.

Г-ну Исправляющему должность Инспектора Медицинской части Забайкальской Области.

Из представленного Г-м Испр. долж. Читинского Полицмейстера при донесении от 21 Июня за № 123 медицинского свидетельства произведенного Вашим Высокоб. с участием Г. Читинского Окружного Врача Толмачева в 21 ч. Июня дворянину Завалишину видно, что для точного определения: может ли он отправиться в г. Казань без опасности для жизни—необходимо нужно сделать в течении трех дней наблюдение за ходом болезни.

Так как в настоящее время три дня уже прошли а окончательного медицинского свидетельства о болезни дворянина Завалишина не представлено, то я имею честь покорнейше просить Ваше Высокоб. поспешить доставлением мне окончательного медицинского свидетельства о здоровье или болезни Завалишина, присовокупляя что за сим лишь остается неисполненным Высочайшее повеление о высылке Завалишина на жительство в г. Казань.

Под. И. д. Воен. Губ. Ген. Маиор Шелашников.

Скр. Упр. Отд. Бутаков.

Верно: Помощ. Стол. Кропачев.

№ 4013
2358

28-го Июня 1863 года.

Резолюция.

О содержании чрез Полицию объявить Г-ну Завалишину спрося его когда он может быть готов к отправлению вместе с этим сделать представление Г-ну Генерал Губернатору о вспомоществ. Г. Завалишину на покупку экипажа.

Исправляющему должность Военного Губернатора Забайкальской Области Господину Генерал - Майору и кавалеру Шелашникову.

Исправляющего должность Читинского Полицмейстера Войскового Старшины Смирнитского.

РАПОРТ.

В дополнение донесения моего от 21. Июня за № 123, честь имею представить Вашему Превосходительству, полученное мною сего числа от Исправляющего должность Медицынского Инспектора Забайкальской Области Н Ворожцова, окончательное свидетельство и вместе с сим дополнительное мнение Читинского Окружного Врача Лекаря П Тодмачева: о состоянии в настоящее время здоровья дворянина Дмитрия Завалишина.

Войсковой Старшина Смирнитский.

№ 134.
27-го Июня 1863 г.
В городе Чите.

Свидетельство.

По предписанию Господина Исправляющего должность Военного Губернатора Забайкальской Области от 19-го Июня за № 1764-м, мы при господах: Читинском Полицимейстере и Забайкальском Областном Прокуроре освидетельствовали в состоянии здоровья Дворянина Дмитрия Завалишина, может ли он отправиться на место жительства в Казань. По свидетельству оказалось:

Дмитрий Завалишин 59 лет от роду, посредственного телосложения, страдает с давнего времени ревматизмом правой половины головы и обоих ног, по временам усиливающимся и хроническим раздражением печени, вследствие бывшего в Январе месяце настоящего года острого воспаления ее, поддерживаемым застарелым геморроидальным страданием, выражающимся постоянным ненормальным состоянием и отправлением пищеварительных путей.

Настоящее болезненное состояние Дворянина Дмитрия Завалишина, непрепятствует выезду его из Читы, но как трудная и даль-

няя дорога и атмосферические влияния могут оказать значительный вред и неизбежную остановку в пути, то признается необходимым: переезд совершать в крытой повозке и предоставить ему Дмитрию Завалишину право останавливаться на пути в случае усиления болезни. Г. Чита 1863-го года Июня 24-го дня.

Читинский Окружный Врач Лекарь П. Толмачев
(при особом дополнении к мнению).

Исправляющий должность Медицинского
Инспектора Н. Ворожцов.

При свидетельстве присутствовали:
И. д. Читинского Полицмейстера
Войсковой Старшина Смирнитский.
Испр. должность Областного Прокурора Макаров.

Особое дополнение к мнению о состоянии здоровья дворянина Завалишина.

В дополнение к общему высказанному нами мнению о возможности поездки дворянина Завалишина в Казань я считаю необходимым добавить, чтобы для большего предотвращения вреда на здоровье Завалишина от переменных атмосферических явлений, могущих значительно расстроить здоровье, поездка совершалась в крытой неперекладной, возможно удобной повозке. Июня 24 дня 186 г. Г. Чита.

Читинский Окружный Врач Лекарь П. Толмачев.

При свидетельстве присутствовали:
И. д. Читинского Полицмейстера
Войсковой Старшина Смирнитский.
Исправл. должн. Областного Прокурора Макаров.

III.

Копия.

к № 2358
Отделение 1.
Стол 1.
30 Июня 1863 года.
№ 2059.

Г. Испр. должность Генер. Губер. В. С.

Переписать
30 Июня.

Вследствие предписания Вашего Высокопревосходительства от 10 Июня с. г. за № 1459 предписано было мною исправ. должность Ин-

спектора медицинской части Заб области подвергнуть дворянина Дмитрия Завалишина чрез одного из находящихся в Чите медиков с личным участием его Коллеж. Советника Ворожцова и в присутствии исправляющих должности: Забайкаль. Об. Прокурора и Читинского Полициймейстера, медицинскому освидетельствованию.

Из доставленного мне медицинского свидетельства о состоянии здоровья Завалишина видно 1-е) что он телосложения посредственного с давнего времени страдает ревматизмом правой половины головы и обеих ног по временам усиливающимся и хроническим раздражением печени, вследствие бывшего в январе м-це настоящего года острого воспаления ее, поддерживаемым застарелым геморроидальным страданием, выражающимся постоянным ненормальным состоянием и отправлением пищеварительных путей.

2) Настоящее болезненное состояние дворянина Дмитрия Завалишина не препятствует выезду его из Читы, но как трудная и дальняя дорога и атмосферические влияния могут оказать значительный вред и неизбежную остановку в пути, то признано необходимым: переезд совершать в крытой повозке и предоставить ему Дмитрию Завалишину право останавливаться на пути в случае усиления болезни.

Кроме сего – 3-е) Читинский Окружный врач Толмачев; исправляющие должности Об. Прокурора Макаров и Читинского Полициймейстера Смирницкий в особом дополнении к выше изложенному мнению о состоянии здоровья Завалишина заключили, чтобы для большего предъотвращения вреда на здоровье его, отпеременных атмосферических явлений, могущих значительно расстроить здоровье, поездка совершилась в крытой неперекладной возможно удобной повозке.

Имея честь донести об этом Вашему Высокопревосходительству долгом считаю предать благоусмотрению Вашему обстоятельство, относительно пособия Завалишину на покупку или заготовление крытого неперекладного экипажа, в котором только по мнению Врача Толмачева может Завалишин отправится в путь.

С сим вместе долгом считаю доложить, что я сего же числа предписал Читинскому Полициймейстеру объявить Завалишину, чтоб он готовился в назначенный ему путь и когда будет готов, мне донести.

Подписал Генер. Маиор Шелашников,

скрепил Упр. Отд. Бутаков.

Верно Столонач. *Подпись неразборчива.*

2358
Отдел. 1.
Стол 1.
30 Июня 1863 года.
№ 2060.
Переписать
30 Июня

Копия.

Г. Исправляющему должность Читинского Полициймейстера.

Из представленного Вами при донесении, от 27-го Июня за № 134 медицинского свидетельства о состоянии здоровья дворянина Завалишина видно 1. что он телосложения посредственного, страдает с давнего времени ревматизмом правой половины головы и обеих ног по временам усиливающимся и хроническим раздражением печени, вследствие бывшего в январе месяце острого воспаления ее, поддерживаемым застарелым гемороидальным страданием, выражающимся постоянным ненормальным состоянием и отправлением пищеварительных путей. 2″ Настоящее болезненное состояние дворянина Дмитрия Завалишина не препятствует выезду его из Читы, но как трудная и дальняя дорога и атмосферические влияния могут оказать значительный вред и не избежную остановку в пути, то признано не обходимым: переезд совершать в крытой повозке и предоставить ему, Дмитрию Завалишину, право останавливаться на пути в случае усиления болезни и 3. Кроме того Читинский Окружный Врач Толмачев, Вы и Ис правляющий долж. Областного Прокурора в особом дополнении к вышеизложенному мнению о состоянии здоровья Завалишина заключили, чтобы для большего предотвращения вреда на здоровье Завалишина от переменных атмосферических явлений, могущих значительно расстроить его здоровье, поездка совершилась в крытой не перекладной возможно удобной повозке.

Вследствие сего покорнейше прошу Ваше Высокоб. объявить о содержании вышеизложенных актов Г-ну Завалишину, приказав ему немедленно готовиться в назначенный путь, и когда он будет готов мне тотъчас донести.

С сим вместе нужным нахожу присовокупить для объявления Г. Завалишину, что я сегоже числа представил на благоусмотрение Г. Испр. Долж. Генерал-Губернатора В. С. обстоятельство, относительно оказания пособия Г. Завалишину на покупку или заготовление крытого неперекладного экипажа, для путеследования его в г. Казань.

Под. Генерал Маиор Шелашников,
Скр. Упр. Отд. Бутаков
Верно: Помощ. Стол. К р о п а ч е в.

4095
2374

II. 2 Июля 1863.

Исправляющему должность Военного Губернатора Забайкальской Области Господину Генерал Маиору и кавалеру Шелашникову.

И. д. Читинского Полицмейстера
Войскового Старшины Смирнитского.

РАПОРТ.

Вследствие полученного мною вчерашнего числа в 8 часов вечера предписания из Областного Управления от 30 Июня за № 2060, честь имею донести Вашему Превосходительству, что я сего числа это предписание предъявлял Дворянину Дмитрию Завалишину и отобрал от него подписку в том, что предписание ему Дмитрию Завалишину, мною предъявлено и на основании оного приказано, немедленно ему готовиться в путь; к которому он обязался быть готовым по получении пособия на покупку или заготовление крытого экипажа для пути следования его в город Казань чрез две недели к чему он присовокупил оговорку: „если ухуждение здоровья вновь не воспрепятствует" и вместе с тем просит ускорить ход дела, о выдаче ему данной на усадьбу под его домом в городе Чите, чтоб он мог сделать еще при себе законные распоряжении.

Донося о сем Вашему Превосходительству, честь имею присем представить в подлиннике подписку Дворянина Дмитрия Завалишина.

Войсковой Старшина Смирнитский.

№ 140.
2 Июля 1863 года.
В г. Чите.

1863 года Июля 2-го дня, я нижеподписавшийся даю сию подписку в том, что Исправляющий должность Читинского Полицмейстера Войсковой Старшина Смирнитский, предъявил мне препровожденное ему предписание из Областного Управления Забайкальской Области от 30-го Июня за № 2060 и вместе с сим, на основании этого предписания приказал немедленно готовиться в назначенный мне путь к которому, я обязуюсь быть готовым по получении пособия на покупку или заготовление крытого не перекладного экипажа для пути следования моего в город Казань (*Далее рукой Завалишина*) „через две недели, если ухуждение здоровья тому вновь не воспрепятствует; и вместе с тем прошу покорнейше ускорить ход дела о выдаче мне дан-

ной на усадьбу под моим домом в г. Чите, чтобы я мог зделать еще при себе законные распоряжения на счет своего дома".

Потомственный Дворянин Дмитрий Завалишин.

Подписку отбирал И. д. Читинского Полицмейстера
Войсковой Старшина Смирнитский.

4531 / 465 — 19 Июля

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
Восточной Сибири
Отделение 1-е.
Стол 2-й.
11-го Июля 1863 г.
№ 1839.
Г. Иркутск.

Сто пятьдесят рублей получил Казначей Бураев

Господину Исправляющему должность Военного Губернатора Забайкальской Области.

Вследствие представления Вашего Превосходительства от 30 Июня с. г. за № 2059 и по уважению изложенных в оном причин, имею честь препроводить при сем сто пятдесят руб. сер. на приобретение крытого дорожного экипажа, по случаю препровождения в г. Казань проживающего в г. Чите дворянина Завалишина и покорнейше прошу озаботиться скорейшим исполнением Высочайшего повеления, с тем чтобы поручено было найти или заготовить экипаж, не выдавая денег на руки Завалишину.

Исправляющий должность
Генерал-Губернатора Свиты
Его Величества Генерал-Маиор Корсаков.

Член Совета,
Управляющий Отделением П. Сукачев.

№ 2365 *Копия.*

Г. И. Д. Читинского Полициймейстера.

Препровождая при сем сто пятьдесят руб. присланные при предложении Г-м Исправ. должность Генерал Губернатора В. С. от 11 с июля за № 1839, покорнейше прошу Ваше Высокоб. принять на себя труд найти или заготовить на них крытый дорожный экипаж для поездки проживающего в г. Чите дворянина Завалишина в г. Казань не выдавая денег на руки Завалишину и озаботиться скорейшим испол-

нением предложений Г. И. Д. Военного Губ. З. обл. от 10 Майя и 30 Июня за № 1412 и 2060 и изложенного в них Высочайшего Повеления к отправлению Завалишина в Казань.

Под. За Губ. И. д. Вице Губ. Мордвинов
Скр. Упр. Отд. Бутаков

Отделение 1.
Стол 1.

31 Июля 1863 года.

№ 2584.

Копия.

Г-ну И. д. Читинского Полициймейстера.

Покорнейше прошу Ваше Высокоб. поспешить скорейшим исполнением предписания от 19 июля за № 2365 о заготовлении дорожного экипажа для поездки проживающего в г. Чите дворянина Завалишина.

Под. И. д. Воен. Губ. Генерал Маиор Шелашников.

Скр. Упр. Отд. Бутаков.
Верно: Пом. Стол. К р о п а ч е в.

4900
2843

Исправляющего должность Читинского Полициймейстера.

Донесение.
№ 171.
3-го Августа 1863 г.
В г. Чите.

3 Августа 1863 года.

Исправляющему должность Военного Губернатора Забайкальской Области Господину Генерал Маиору и кавалеру Шелашникову.

О покупке тарантаса для Дворянина Дмитрия Завалишина с представлением остаточных от покупке денег двенадцати рублей на смазку и ремонт экипажа.

Во исполнение предписания Вашего Превосходительства от 31-го Июля за № 2584, мною куплен тарантас для отъезда Дворянина Дмитрия Завалишина в город Казань вполне удовлетворительный тем условиям, какие означены в Медицынском свидетельстве представленном при моем рапорте от 27-го Июня за № 134-м Вашему Превосходительству.

Этот экипаж в покупке обошелся вместе с исправлением оного сто тридцать восемь рублей, за тем остальные деньги двенадцать рублей должны поступить на ремонт и смазку во время пути.

О таковой покупке тарантаса, сего числа я предъявил Дмитрию Завалишину и вместе с сим предложил ему готовиться в дорогу к ме-

сту назначения его жительства; но он отозвался, что до тех пор не может ехать, покуда не получит определенного ему Правительством ежегодного вспомоществования: двести тридцать рублей в год, чтоб купить теплую одежду, обувь и чемоданы для вещей белья и платья в замен украденных у него в Апреле месяце сего года, что не без известно и городской полиции. В настоящее время он как человек больной и чувствует состояние своего здоровья гораздо хуже по причине ненастной погоды, то и не может без опасения лишиться жизни пуститься в дальнею дорогу не имея теплой одежды для себя, равно и для своей семьи, которую не решается оставить в Чите без призрения по преклонности их лет и болезненного состояния.

Донося о сем Вашему Превосходительству и представляя остальные деньги двенадцать рублей, оставшиеся от покупке тарантаса на ремонт и смазку экипажа во время дороги, честь имею покорнейше просить о получении денег и о последующем распоряжении почтить меня Вашим предписанием.

Резолюция. Пособие за вторую половину выдать о чем уведомить Г-на Нач. Губ. Казанской.

Двенадцать рублей получил Казначей Кураев.

Войсковой Старшина С м и р н и т с к и й.

2843 и 2771
Отделение 1-ое.
Стол 1.

10 Августа 1863 года.

№ 2725.

Копия.

Забайкальскому
Областному Правлению.

Государь Император признавая вредным пребывание в Сибири, проживающего в Чите, прощенного государственного преступника дворянина Дмитрия Завалишина в 9-й день минувшего февраля Высочайше соизволил повелеть: Завалишина выслать из Сибири, назначив ему место жительства, по распоряжению Министра Внутренних Дел в одной из внутренних губерний, где и учредить за действиями его бдительный полицейский надзор.

Г. Председательствовавший в Совете Главного Управления В. С. предписанием от 20 Апреля за № 841 уведомляя меня о такой Высочайшей воле, просил сделать распоряжение об отправлении Завалишина согласно распоряжению Г. Министра Внутренних Дел в г. Казань на основании Высочайше утвержденных 10 Января 1854 г. правил о порядке пересылки политических преступников из одного места в другое.

Испр. Долж. Генерал-Губернатора В. С. при проезде ныне чрез г. Читу изволил приказать отправить Завалишина за присмотром до г. Иркутска, отъкуда он должен быть отправлен в дальнейший путь до Казани по распоряжению Г. Начальника Иркутской Губернии.

Вследствие этого имею честь покорнейше просить Областное Правление, сделать распоряжение, об отпуске из Читинского Окружного Казначейства на основании 10 ст. вышеприведенных правил на счет экстраординарных сумм прогонных денег для препровождения Завалишина в крытом тарантасе, по случаю его болезни медиками засвидетельствованной, от г. Читы до г. Казани по числу верст на три лошади и наобратний путь зауряд хорунжему Заб. Каз. Войска Мостовскому, превождать назначенному Завалишина до г. Иркутска, от Иркутска до г. Читы на две лошади, порционов Г. Мостовскому примерно на дватцать дней, наосновании ст. 3-го том. свод. зак. Уст. поопред. от прав. и маршрута по которому он должен следовать для доставления Завалишина от г. Читы до г. Иркутска и о последующем меня уведомить.

Подписей нет.

5106
3022

Пол. 12 августа

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.

Забайкальское
ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

Отделение IV.
Стол
Бухгалтерский.
10 Августа 1863 года.
№ 4651.

Г. Чита.

Господину Исправляющему должность Военного Губернатора Забайкальской Области.

Областное Правление слушав записку IV Отделения оного об отпуске прогонных денег на провоз Дворянина Завалишина, о п р е д е л и л о: во исполнение предложения Вашего Превосходительства от 10 сего Августа за № 2725, Читинскому Окружному Казначейству предписать: отпустить назначенному для препровождения прощенного Государственного Преступника Дворянина Дмитрия Завалишина, Зауряд Хорунжему Мостовскому прогонные деньги от г. Читы до г. Казани 280 р. 32¾ к. и науплату за перевоз чрез Байкал тарантаса 15 р. и за два места на параходе по 6 р.—12 р. и кроме того на обратний проезд Мостовского от г. Иркутска до Читы по числу 1019½ верст на

две лошади 30 р. 58 1/2 и в порционы ему же Мостовскому примерно на 20 дней по 45 к. в каждый 9 р. всего вообще триста сорок шесть рублей девяносто одну с четвертью копейки. О настоящем распоряжении Вашему Превосходительству донести.

494
В I стол
К делу.

Испр. долж. Вице-Губернатора
Советник } *Подписи неразборчивы.*

В должности бухгалтера К у р а е в.

№ 2729. *Копия.*

Г. Начальнику Казанской Губернии.

Государь Император .....

полицейский надзор.

В следствие сего Г. Министр Внутренних Дел от 6-го Марта за № 1036 просит распорядиться об отправлении дворянина Дмитрия Завалишина в г. Казань, с учреждением там за действиями его бдительного полицейского надзора, о чем им Статс-Секретарем Валуевым сообщено и Вашему Превосходительству.

Вследствие такой Высочайшей воли изложенной в предписании ко мне Г. Председательствовавшего в Совете Главного Управления Восточной Сибири от 20 Апреля за № 841, согласно распоряжения Г. Испр. Долж. Генерал-Губернатора Восточьной Сибири, ныне последовавшему я выслал Завалишина „ “ ч. сего м-ца в г. Иркутск к тамошнему Военному Губернатору, прося Его Превосходит. в отправлении в дальнейший путь до г. Казани Завалишина, поступить на основании Высочайше утвержденных 10 января 1854 года правил, о порядке пересылки политических преступников из одного места в другое.

О чем и имею честь уведомить Ваше Превосходительство и покорнейше прошу о времени доставление Завалишина в г. Казань, почтить меня уведомлением.

Не излишним считаю также присовокупить, что положенное Завалишину от Правительства пособ. 230 руб. выдано здесь в Чите за весь 1863 год.

Подписей нет.

З. О. У.

Отдел. I-е.
Стол I.
10 августа 1863 г.
№ 2730.

Копия.

Господину Военному Губернатору г. Иркутска и Иркутскому Гражданскому Губернатору.

Государь Император признавая вредным пребывание в Сибири проживающего в Чите прощеного Государственного преступника Дворянина Дмитрия Завалишина, в 9 день февраля сего года Высочайше соизволил повелеть: Завалишина выслать из Сибири, назначив ему место жительства, по распоряжению Министра Внутренних дел, в одной из внутренних губерний, где и учредить за действиями его бдительный надзор.

Г. Председательствовавший в Совете Главного Управления Вост. Сиб. от 20 Апреля за № 841 уведомляя меня о такой Высочайшей Воле просил зделать распоряжение, об отправлении Завалишина, согласно распоряжению Г. Министра Внутренних Дел в Г. Казань, на основании Высочайше утвержденных 10 января 1854 года правил, о порядке пересылки политических преступников из одного места в другое. А Господин Исп. Долж. Генерал-Губернатора Восточной Сибири припроезде ныне чрез Г. Читу изволил приказать отправить Завалишина за присмотром к Вашему Превосходительству с тем, чтобы Ваше Превосходительство отправили Завалишина в дальнейший путь до г. Казани наосновании вышеизложенных правил по усмотрению Вашему, с жендармским Унтер офицером или одним из Зауряд Хорунжих Иркутского Городового Казацкого Конного Полка, по сношению о командировании его с Штабом Войск в Восточной Сибири расположенным.

Вследствие чего имея честь препроводить присем с Зауряд Хорунжим Забайкальского Казачьего Войска Мостовским Дворянина Дмитрия Завалишина следующего в купленном для него крытом проходном до Казани тарантасе, по совету здешних врачей, для большего предъотвращения вреда на здоровье Завалишина от переменных атмосферических явлений, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство вопервых: согласно воле Его Высокопревосходительства Г. И. Д. Генерал-Губернатора Восточьной Сибири, отправить Завалишина в дальнейший путь до Г Казани, наосновании вышеупоминаемых правил. поусмотрению Вашему, или с жендармским Унтер Офицером или с Зауряд хорунжим Иркутского Конного Казачьего Полка, по сношению о командировании его с Штабом Войск в Восточьной Сибири расположенных, снабдив лице назначенное для препровождения Завалишина подорожною натри лошади, Маршрутом от Иркутска до Казани инадлежащим наставлением и вовторых: о доставления Завалишина в Ир-

кутск, а равно и об отправке его в дальнейший путь до Казани, покорнейше прошу Ваше Превосходительство почтить меня уведомлением и уведомить Г. Начальника Казанской Губернии.

С сим вместе не излишним считаю присовокупить, 1) что Зауряд Хорунжему Мостовскому выданы прогонные деньги для препровождения Завалишина на все расстояние от Читы до г. Казани и потому он должен здать оставшиеся у него прогонные деньги следующие на доставление Завалишина от Иркутска до Казани в Канцелярию Вашего Превосходительства или тому лицу, которое будет назначено для препровождения Завалишина в Казань; кроме того Мостовской должен здать кому приказано будет деньги сколько будет у него налицо, из числа отпущенных ему двенадцати руб. наслучай починки и поправки тарантаса в путеследовании и на смаску салом колес, для употребления их на теже предметы в дальнейшем путеследовании от Иркутска до Казани. 2) Для обратного следования Мостовского от Иркутска до г. Читы, выданы ему здесь подорожна ипрогоны на две лошади ипорционы примерно на двадцать дней.

Подписей нет.

№ 2752. *Копия.*

НАСТАВЛЕНИЕ

Г. Зауряд Хорунжему Забайкальского казачьего войска Мостовскому.

Проживающий в г. Чите Дворянин Дмитрий Завалишин. по Высочайшему повелению назначен в г. Казань.

Господин Исправляющий должность Генерал Губернатора Восточной Сибири, поручив мне отправить Г. Завалишина за присмотром к Г. Начальнику Иркутской Губернии с тем, чтобы Его Превосходительство отправил Завалишина в дальнейший путь до г. Казани, на основании известных правил по усмотрению его, назначил для присмотра за Завалишиным до Иркутска, Ваше благородие.

Вследствие чего и предписываю Вам:

1, Принять от Г. Читинского Полициймейстера, Завалишина, отправится с ним в Иркутск не позже 14 ч. сего м-ца, а если возможно, то и ранее.

2, Если Г. Завалишин отзовется болезнию то тотчас по предъявлении ему, обратиться к Г. Инспектору Медицинской части Ворожцову, для освидетельствования Завалишина и если он окажется здоро-

вым, в тоже время отправиться с ним, не принимая от него ни каких отговорок, ни по семейным, ни по хозяйственным частям.

3. Во время пути иметь за ним бдительный надзор, нигде недозволять проживать напрасно, кроме болезни, но предоставлять ночевать на станциях, если он этого пожелает.

4, В случае, если Завалишин в дороге заболеет и если по засвидетельствованию местного врача окажется, что он совершенно и положительно не в состоянии ехать далее, то Вы обязываетесь поместить его в Гражданскую Больницу, для излечения болезни, требуя в таком случае содействия Вам местной Полиции, на основании Высочайше утвержденных 10 января 1854 г. правил, о порядке пересылки политических преступников, из одного места в другое, но надзор Ваш за Завалишиным и в это время не прекращается.

5, Прогоны имеете получить из Читинского Казначейства от Читы до Казани на три лошади и заупотреблением их от Читы до Иркутска, остальные здать в Иркутске.

6, Подорожну для проезда Вашего с Завалишиным до Иркутска на тоже число лошадей, а равно подорожну на проезд Ваш от Иркутска до Читы обратно на две лошади, получите от казначея Областного Управления, а прогоны и порционы на двадцать дней из того же Читинского Казначейства.

7, На смаску дорогою тарантаса, предписано Казначею Областного Правления выдать Вам двенадцать рублей, которые и употреблять с бережливостию.

8. По прибытии в г. Иркутск, доставить Завалишина, вместе с вручаемым Вам при сем пакетом за № 2730 и другими имеющимися у Вас бумагами, долженствующими остатся прогонными деньгами, от Иркутска до г. Казани, аравно остаточными деньгами от 12 руб. прямо Г. Начальнику Иркутской Губернии и получив квитанцию в принятии от Вас как Завалишина, так и других бумаг, возвратиться в г. Читу и квитанцию представить ко мне.

и 9, Во время пути следования до Иркутска, обязываетесь Вы обходится с Завалишиным вежливо и человеколюбиво и никаких оскорблений ему не делать. г. Чита 10 Августа 1863 года. Подлинное подписал Исправляющий должность Военного Губернатора Генерал-Маиор Шелашников. Скрепил Управляющий Отделением Бутаков.

Верно: Помощ. Стол. К р о п а ч е в.

IV.

5559 / 3348 — 27 августа / 4 сент.

Исправляющему должность Военного Губернатора Забайкальской Области Господину Генерал-Маиору и Кавалеру Шелашникову.

К сведению.

Зауряд Хорунжего Забайкальского казачьего войска Мостовского.

494.

С удостоверен: РАПОРТ.

По 3-му пункту данной мне Вашим Превосходительством инструкции относительно препровождения Дворянина Завалишина, поставлено мне в обязанность не давать нигде проживать ему напрасно, кроме болезни. Между тем на другой же день отправления из Читы, купленный для него экипаж начал подвергаться значительным повреждениям—началось с того, что у правого переднего колеса сломалась шина и дворянин Завалишин вынужден был, не смотря на крайне болезненное состояние (:усилившееся от проведенной ночи в речке Жирекуе[1]), куда ямщик засадил экипаж въяму, так что я вынужден был посылать за пособием в деревню Черную:) идти пешком по дождю[2]). Так как на ближайшей станции оказалось невозможным исправить повреждение, то и вынужден был я брать проходные передки, у которых оси постоянно загарались, что и причиняло беспрерывные остановки чтоб смазывать ось и заливать ее. В станции Укырской должны были пробыть 14-ть часов для исправления повреждения. Но едва отъехали две станции, как это же колесо рассыпалось уже все, при чем оказалось что дыбы в ободе в которое вставляются пальцы, были совершенно размолоты и пальцы обтерты, так

---

[1]) Близ Черновских копей.

[2]) Сам Д. И. Завалишин во II-ом томе своих „Записок" на стр. 417-18 так передает этот факт:

„В полночь 14-го августа, в сопровождении казачьего офицера, я выехал из Читы, и тут еще раз представился случай, засвидетельствовавший глубокую преданность мне народа. Перед этим был страшный разлив рек и наводнение; ямщик в ночной темноте сбился с дороги и заехал в протоке вместо брода в такое место, где повозка попала в яму, из которой лошади никак не были в силах ее вытащить. Поэтому приказано было ему выпречь одну лошадь и ехать в ближайшие деревни и станицы; лишь только оповестил он там о случившемся, как отовсюду наехали крестьяне и казаки, а вслед за ними и буряты со своего стойбища с лошадьми, повозками, веревками и вагами и вынесли, можно сказать на плечах мою повозку из воды, будучи до нельзя обрадованы нежданному случаю еще раз проститься со мною и поблагодарить за все, что я сделал для них. В числе приехавших были даже и женщины с детьми".

что обот весь разлетелся в куски, пальцы высыпались а шину отбросило по косогору в сторону, так что в темноте и немедленно после происшествия и при поисках посланными со станции людьми отыскать ее не могли. При этом случае дворянин Завалишин точно так же опять вынужден был добиваться до станции в дождливую погоду По невозможности найдти ни где мастера для сделания нового колеса вынужден был отложить исправление до Верхнеудинска, куда прибыли в субботу поздно в вечеру. На другой же день не смотря на Воскресенье призван был мною указанный городничим кузнец; при чем видя такую неблагонадежность экипажа, чтобы не подвергнутся еще чему либо худшему в дальнейшем путиследовании, я вынужден был, кроме заказа нового колеса пригласить мастера сделать внимательный осмотр всего экипажа при чем и оказалась необходимость; кроме мелких изправлений (иные винты совершенно стерлись и гайки немогли держатся, петли для закладывания крючков у фартука вылетали и проч.) перетянуть шину и у другого колеса.—Такие капитальные исправления, при случившемся еще к тому празднике и рабочем времени, задержали нас слишком двое суток в Верхнеудинске, очем я и почел необходимым донести немедленно Вашему Превосходительству. для ограждения себя от ответственности, как насчет прожития в Верхнеудинске так и насчет неизбежного по такому капитальному исправлению значительного расхода, который конечно не входил в ращет при выдаче мне 12 только руб. единственно на смазку экипажа; а равно и на случай жалобы состороны Дворянина Завалишина подвергшегося усиленному растройству здоровья от всех сих произшествий и неприятному для него промедлению, тогда как для ускорения пути он соглашался ехать и ночью. При сем имею честь приложить удостоверение со стороны Верхнеудинского Городничего Куркина.

Зауряд Хорунжий И. Мостовский.

20 Августа 1863 г.
№ 1-й.
г. Верхнеудинск.

Удостоверение.

1863 года Августа 20 дня дано это удостоверение Господину Сотнику Мостовскому в том что он действительно прожил в Верхнеудинске двои сутки за исправлением экипажа.

Верхнеудинский Городничий Куркин.

5587
3316

2
5 сентября 1863 г.

ИРКУТСКОЕ
ОБЩЕЕ ГУБЕРНСКОЕ
УПРАВЛЕНИЕ.

Отделение I.
Стол Секретный.
24 августа 1863 г.
№ 227
Г. Иркутск.

Господину Исправляющему должность Военного Губернатора Забайкальской Области.

На отношение от 10 Августа № 2730, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что прощенный государственный преступник Дворянин Дмитрий Завалишин, следующий по Высочайшему повелению и согласно назначению Г. Министра Внутренних Дел, на жительство в г. Казань, прибыл в Иркутск за присмотром Зауряд-хорунжего Мостовского 23 Августа и сего числа мною отправлен по назначению к Г. Начальнику Казанской Губернии за присмотром Унтер Офицера Иркутской Жандармской Команды Ивана Михайлова, которому поручено принять от Г. Мостовского прогонные деньги от г. Иркутска до г. Казани и оставшиеся от выданных ему 12 рублей на случай починки и поправки экипажа, во время путеследования.

К делу
494

Исправляющий должность
Гражданского Губернатора Шелехов.
Начальник Отделения Родионов.

V

6692
№ 699

24 октября.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

Отделение I.
Стол 2.
17 Октября 1863 г.
№ 2702.
г. Иркутск.

Господину Исправляющему должность Военного Губернатора Забайкальской Области.

Министр Внутренних Дел от 31 Августа с. г. просит меня оказать законное покровительство дворянину Завалишину, проживавшему в Чите, по обстоятельствам его просьбы к Управляющему Ми-

нистерством Юстиции. В этой просьбе Завалишин между прочим объясняет, что в Чите он был два раза ограблен, при чем похищены все теплые дорожные вещи его семейства и что его семейство, состоящее из тещи и двух сестер, находится в болезненном состоянии, присовокупляя, что в случае выезда его из Читы он не может распорядиться остающимся там его домом.

Вследствие сего имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство уведомить меня было ли оказано законное содействие к розысканию украденных вещей семейства Завалишина, что по розыску обнаружено и в каком положении осталось его семейство, (и имел ли он теплую одежду при отправлении)[1].

К исполнен. — спросить полицмейстера
494
I ст.

Исправляющий должность Генерал-Губернатора Свиты Его Величества
Генерал-Маиор Корсаков

Член Совета, Управляющий
Отделением П. Сукачев.

4385 М. В. Д. Отпуск.

ЗАБАЙКАЛЬСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

Отделение I.
Стол I.
Донесение.
9 декабря 1863 г.
№ 4592.
Г. Чита.

Господину Исправляющему должность
Генерал-Губернатора Восточной Сибири.

Во исполнение предписания Вашего Высокопревосходительства от 17 ч. Октября за № 2702, имею честь донести: 1-е, что в минувшем 1862 году 28 Ноября Дворянином Дмитрием Завалишиным, подано объявление в Чит. Полицию, о случившейся у него с 27 на 28 чисел Ноября краже: значительного количества яришной муки, вследствие чего, тогдаже поручено по горячим следам произвести следствие бывшему Квартальному Надзирателю Кайдалову. Во время производства Обыска по другому делу Кайдалов случайно нашел у Поселенца Татауровской волости Ивана Бродяги муку, которая в присутствии Зауряд-Хорунжего Ловцова и Экспертов была сличаема с остатками украденной муки у Г. Завалишина и оказалось чрезвычайно схожею, а потому на Ивана Бродягу пало сильное подозрение в участии в краже из амбара

[1]) В скобках приписка рукой Корсакова.

у Завалишина муки; но как ясных доказательств в сем небыло, то по поводу спрошенных по этому делу людей не согласно подтвердивших показание Бродяги, кроме казака Иванова, на основании 313 ст. XV т. к. II, оставила Ивана Бродягу в подозрении и освободив его из под ареста, дальнейшее производство к раскрытию помянутого воровства 2-го Июля 1863 года окончено и мука неразыскана; 2-ое, что вследствие поданного в полицию объявления дворянином Дмитрием Завалишиным от 3-го Мая текущего года о случившейся ночью у него в амбаре краже вещей, Читинским Полициймейстером было поручено Квартальному Надзирателю произвести, по горячим следам, расследование, в присутствии городского депутата купца К а р я к и н а, что немедленно и было им исполнено: осмотром амбара, где хранились украденные вещи, обысками в домах: у Канцелярского служителя Глазунова подозреваемого Завалишиным, так-как он прежде у него находился в услужении, и у других лиц состоящих на замечании Полиции; но так как последствия розыска были не удовлетворительны к открытию вещей и воров, то дело это оставлено без дальнейшего производства до первого случая—могущего обнаружить похищенные вещи и самых воров. 3, Оставленное семейство дворянином Дмитрием Завалишиным состоящее из его тещи Филанцеты Смоляниновой и двух сестер покойной его жены: здоровы, нужды не имеют, ибо Г. Завалишин оставил им в полное распоряжение прочно-построенный довольно обширный и вполне удобный для хозяйства деревянный дом со службами, огородом и местом годным для посева хлеба, – все это стоит до двух тысяч рублей; на продажу сего имения по их усмотрению он выдал им доверенность и сверх того Г-жа Смолянинова получает за службу мужа пенсию из оклада 500 руб. ассигнациями в год и 4-е, На заведение теплой одежды по просьбе Завалишина выдана ему вторая половина пособия на этот год в количестве 115 рублей, на которые он купил все необходимое для предстоящей ему дороги, имея в виду быть застигнутым в пути зимнем временем года.

494
пер. 26 по

Под. Г. М. Шелашников.
Скр. Управ. Отдел. Веденский.
Верно – За Стол К р о п а ч е в.

Копия.

В Читинскую Городскую Полицию.

Потомственного Дворянина
Дмитрия Завалишина.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

В сию ночь, из находящегося возле кухни амбара разобрав из городу наулицу прямо против караула у Горных Магазинов, и ото-

драв наружную ивнутреннюю ставню выкрадены ворами, поколичеству украденных вещей целою шайкою, моя шуба волчая, три теплых меховых солопа, драдедамом крытых, один мех белий хребтовый, другой песцовый, третий песцовый пестрый лапчатый, пальто — песцовый белый мех, крыша терновая темная икакие другие вещи, вдруг сообразить неможно вдруг.—Все обстоятельства показывают, что если не в числе воров, то указателем был человек которому хорошо было известно, что где лежит; таким указателем мог быть по моему подозрению только кто нибудь из недавно живших работников, как например Архип Глазунов, заподозренный и в первой краже при взломе уменя амбара.

Потомственный дворянин Дмитрий Завалишин. 1863 г. Мая 3 дня г. Чита.

Верно: Квартальный Надзиратель Л о н ш а к о в.

Копия.

Список выкраденным вещам, из амбара при доме потомственного Дворянина Дмитрия Завалишина.

1-е Шуба Американского волка серо из желта, крытая серою нанкою с большим круглым воротником.

2, 3, 4. Дамские салопы крытые драдедамом из красно-коричневого цвета с капишонами или большими воротниками привязными (:были отвязаны:) на одном застежки бронзовые с перламутом, у этого салопа мех песцовый бельий с темным лапчатый, воротник соболий, другой мех песцовый темный, у третьего мех белий хребтовый воротник соболий.

5) Меховое дамское пальто, мех песцовый на криши люстрин темно-корышневый.

6) Шуба дамская мех лисий, крыша малиновая конфо.

7-е) Холодный салоп черный люстриновый подкладка холстинковая, серая с красными полосками.

8) Два чемодана кожаных красноватых длинных.

Банка со свежими нарезанными лимонами; в банке из под лимонного варения с подписью на ерлыке печатною.

Несколько штук птицы в том числе три отеребленных приготовленных к расходу теперь.

Мяса более пуда, в кусках и заготовленного к расходу, в деревянной сельнице длинной и не широкой унесено с сельницею—в сельнице на краю сучок.

Масло белое.

Лук в мешке длиною $^{3}/_{4}$ арш. холщевый.

Верно: Квартальный Надзиратель Л о н ш а к о в.

VI.

14
4651

10/16 Декабря 1863 г.

Секретно.

ИРКУТСКОЕ
ОБЩЕЕ
ГУБЕРНСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

Отделение I.
Стол Секретный.
28 Ноября 1863 г.
№ 348.

г. Иркутск.

Господину Исправляющему должность Военного Губернатора Забайкальской Области.

Г. Начальник Казанской губернии, отношением от 25-го Октяб-м. ря № 8185, уведомляя меня, что по случаю разрешения дворянину Дмитрию З а в а л и ш и н у перейти на жительство в г. Москву, он отправлен туда в том же тарантасе, в котором прибыл в Казань, и который, как объявил сопровождавший его жандарм, принадлежит казне, просит о сообщении Московскому Обер-Полициймейстеру распоряжения, какое будет сделано в отношении этого экипажа.

Вследствие сего, и усматривая из отношения Вашего Превосходительства, от 10 Августа сего года № 2730, что дворянин Завалишин был отправлен в означенном экипаже из Читы по Вашему распоряжению, я долгом считаю о просимом сведении Свиты Его Величества Генерал Маиором Нарышкиным, передать на усмотрение Вашего Превосходительства.

494

Резолюция:

„продать и вырученные деньги передать Г. Завалишину так как деньги из коих был куплен ему тарантас даны были ему на вспомоществование".

Исправляющий должность
Гражданского Губернатора Ш е л е х о в.

Начальник Отделения Р о д и о н о в.

4651 Отпуск.

М. В. Д.

Забайкальское
Областное Управление.

Отделение 1.
Стол 1.

20 Декабря 1863 года.
№ 4786.

г. Чита.

Господину Московскому Обер Полициймейстеру.

494.

Г-н Начальник Казанской губернии от 25-го минувшего Октября за № 8185, уведомляя Г. Исправляющего должность Иркутского Гражданского Губернатора, что по случаю разрешения бывшему Государственному преступнику дворянину Дмитрию Завалишину перейти на жительство в г. Москву, он отправлен туда в том же тарантасе, в котором прибыл из Читы в Казань, и который, как объявил сопровождавший его жандарм принадлежит казне, просит сообщить Вашему Превосходительству распоряжение, какое будет сделано в отношении этого экипажа.

Вследствие этого имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что так как тарантас при отправлении Г. Завалишина из Читы был куплен на деньги, присланные Г-м Исправляющим должность Генерал-Губернатора Восточной Сибири в пособие Г. Завалишину, то поэтому он должен быть по приезде Завалишина в Москву отдан в полное его распоряжение.

Подписал
Исправляющий должность
Военного Губернатора
Генерал-Маиор Шелашников.

Скрепил Управляющий Отд. Веденский.

Верно И. д. П. С. А. Гантимуров.

540 / № 10 — 18 Января / 21 — Секретно / 21

ИРКУТСКОЕ
Общее Губернское
Управление.

ОТДЕЛЕНИЕ 1.
Стол
Секретный.

7-го января 1864 года.
№ 16.
г. Иркутск.

Господину Исправляющему должность Военного Губернатора Забайкальской Области.

491

В дополнение отношения моего от 28-го Ноября минувшего года № 348, имею честь препроводить при сем к Вашему Превосходительству на распоряжение копию с отношения Г. Начальника Казанской губернии от 27-го того же Ноября за № 9299, относительно тарантаса, в котором пересылался из г. Читы в Москву дворянин Дмитрий Завалишин.

Резолюция. Хотя и сообщено уже об этом Москов. Обер Полицмейстеру, но полагаю уведомить также согласно сего отзыва и Нижегородского Губернатора.

К делу

Исправляющий должность
Гражданского Губернатора Шелехов.

Начальник Отделения Родионов.

Министерство
Внутренних Дел.

Начальника
Казанской губернии.

По Канцелярии.
27-го Ноября 1863 года.
№ 9299.

Копия.

Господину Начальнику Иркутской Губернии.

494

От 25-го Октября сего года за № 8185, я просил Ваше Превосходительство о сообщении Г. Московскому Обер-Полициймейстеру распоряжения, относительно тарантаса, данного в г. Иркутске пересылавшемуся из г. Читы в Москву дворянину Дмитрию Завалишину

Усматривая ныне из уведомления Московского Обер-Полиций-мейстера, что по отзыву дворянина Завалишина, упомянутый тарантас оставлен сопровождавшим его жандармом Бандурою в Нижнем-Новгороде на станции вольных почт, я вместе с сим сообщил о сохранении этого тарантаса до получения о нем распоряжения Вашего Превосходительства, Г. Начальнику Нижегородской губернии.

Уведомляя о сем Ваше Превосходительство, я имею честь покорнейше просить о распоряжении Вашем, какое будет угодно сделать осказанном тарантасе, сообщить Г. Нижегородскому Военному Губернатору.

Верно: Начальник Отделения П. Родионов.

Марк Азадовский.

Автографы А. и М. Бестужевых в Читинском музее.

Среди различных рукописных материалов в Читинском музее хранятся и два автографа братьев Бестужевых: Александра (Марлинского) и Михаила. Письмо последнего является сопроводительной запиской к посылаемому им М. Д. Позняку письму Александра[1]), и, поэтому не имеет никакого биографического или исторического значения, представляя ценность только, как автограф. Гораздо больший интерес и значение имеет письмо Александра Бестужева, датированное 12 мая 1825 года.

Его биографическая ценность уже потому значительна, что до сих пор не опубликована переписка его с родными до 14 декабря 1825 года[2]). Из семейных писем Марлинского опубликованы только поздние его письма из Якутска и с Кавказа, а из писем до 14 декабря—только литературные (в том числе не мало писем к Пушкину). Таким образом, хранящееся в Читинском музее письмо его до некоторой степени восполняет существенный пробел в его биографии.

Это письмо характерно и для настроений А. Бестужева всего за полгода до трагической вспышки на Сенатской площади. Ничто в нем не говорит, что настроение молодого блестящего офицера и адъютанта омрачается какими нибудь тяжелыми предчувствиями, какими нибудь мыслями о неизвестном быть может темном будущем. Перед нами Марлинский, захлебывающийся в вихре блестящей жизни, которому так удается настоящее и у которого впереди еще более блестящее будущее: удачная карьера, планы какого то, б.-может выгодного сватовства и т. д... Трудно почувствовать за этим письмом человека, которому пришлось несколько месяцев спустя сыграть такую выдающуюся роль в первом революционном выступлении русской интеллигенции. Но не делается ли зато отчасти более понятным его последующее поведение—и в следственной комиссии и позже на Кавказе,

---

[1]) Оба автографа переданы в Читинский музей преподавателем Читинского педтехникума Ал—дром Дмитр. Позняком, внуком упомянутого М. Д. Позняка.

[2]) Только одно письмо опубликовано в „Сборнике автографов русских деятелей 1801—1825 г. г.". Письмо это писано за три дня до восстания. В Иркутске я не смог достать этого издания и настоящая справка сделана по исследованию Н. А. Котляревского: „Декабристы. Кн. А. Одоевский и А. Бестужев". СПБ. 1907; стр. 131 и 425. В книге Н. А. Котляревского приведен отрывок из этого письма.

когда в борьбе за жизнь и за карьеру стирались черты и настроения революционера...

Уже после составления настоящей вступительной заметки нам стало известно, что в Пушкинском Доме (при Академии Наук) хранится около двух десятков неопубликованных писем А-ра Бестужева (Марлинского). В числе этих писем имеется и копия публикуемого здесь письма.

Очевидно, Мих. Бестужев, желая сделать приятное М. Д. Позняку, решился разрознить хранившееся в семье собрание писем брата Александра,—но, чтобы не лишать собрания цельности, сохранил изъятое письмо в копии.

Многоуважаемый
Михаил Дмитриевич.

Два раза заезжал я в канцелярию, чтоб вручить Вам фак-симиле Марлинского—и оба раза не заставал Вас. В том предположении что это может случиться и теперь, я прилагаю при этой записке полное автографическое письмо брата.—

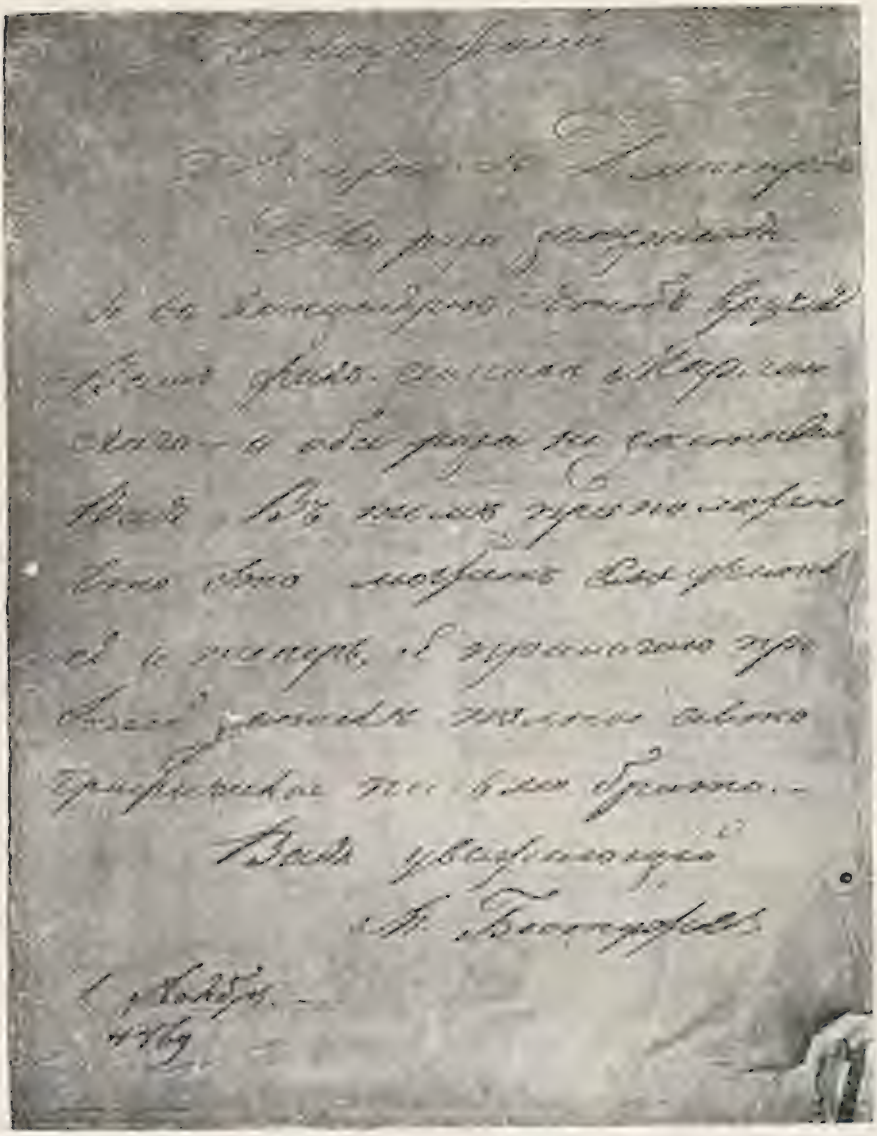
Вас уважающий
М. Бестужев.

1 Ноября
1869.

---

12. Мая. 1825
Москва.

Вот уже я почти 3 недели в Москве Любезная Матушка, и день летит за днем невидимо, хоть не всегда весело. Первые две недели я был в вихре: праздники и балы и театры ежедневно; Москва взбесилась. Теперь все стихает и я брожу по оградам монастырей. Спросите за чем я не еду назад?..... право и сам хорошенько не знаю. Сначала грех было не поглядеть на Москву в парадной лихорадке..... Такого случая не всегда дождешься особенно в таких обстоятельствах —и я был везде где было видеть или взглянуть на что нибудь достопримечательное. Хоть я и не пристал к свите принца что бы не сделаться невольником, но он был ко мне ласков как нельзя более, при встречах на гуляньях всегда говорил, жал руку, в котильонах интриговал меня и подводил дам которые по его мнению мне нравились. Я не жалею что остался.... Я видел всю знать московскую—да и ме-



Автограф М. А. Бестужева.

ня видели все—а это для будущего не лишнее—теперь (между нами будь сказано) хочу войти в один дом, что бы запустить брандер для зимы—ничего еще нет, но я бы желал чтоб сбылось—ибо все по моральной и политической части меня арранжирует. Герцогу я репортовался больным—и здесь думаю останусь с неделю. Никаких положительных планов нет, но житье здесь необходимо что бы свести знакомства.

Сестрицам по поцелую; из Торжка в придачу к ним привезу по башмачкам. Что братья, особенно что брат Миша? Я очень о нем беспокоюсь—а из них ни из сестер никто не писнет ко мне ни строчки.

Жизнь здесь мне не дорога. Почти только театр да дрожки, которые я плачу парой 8 р. на день, и уже разбил было раза три. Езжу как курьер—на дороге перед Москвой слетел ночью в реку с тройкой—но Бог спас. Опять поскакал также. Благословите вы и я в жизни также скоро поеду как по дороге.

Любящий вас Александр.

А. Харчевников.

Книжное наследие декабристов в коллекциях Читинского музея.

В коллекции, относящейся к пребыванию декабристов в Забайкалье, собранной Читинским музеем, среди архивных документов, фотографий, разного рода других предметов находится 65 книг. Две из них рукописные, 26 печатных на русском, остальные на иностранных языках.

Часть книг имеет надписи, которые с несомненностью указывают на то, что книги эти принадлежали декабристам. Таких книг очень немного.

Что же касается остального большинства книг, то на них подобных надписей нет, и вопрос о том, принадлежали ли они декабристам, приходится решать путем осторожного критического подхода.

Книги по традиции считаются принадлежавшими декабристам. Нам это кажется в высшей степени вероятным, если мы примем во внимание как содержание этих книг, так и историю этого книжного собрания. Но окончательно решить этот вопрос, повторяем, возможно лишь путем тщательного изучения всего материала, относящегося к этому вопросу.

Имея в виду предложить вниманию исследователей указываемую часть тех фондов, которыми располагает в отношении декабристов Читинский музей, мы и сочли возможным дать место в настоящем сборнике хотя бы простому списку, сопроводив его нашими примечаниями.

Прошлое книг, находящихся в названной коллекции и считающихся принадлежавшими декабристам по собранным нами сведениям представляется так.

В начале 80-х годов прошлого столетия в Читу прибыли с Кары на поселение, отбывшие каторгу по народовольческим процессам государственные преступники: С. П. Богданов, Л. Э. Шишко и И. О. Союзов. Приехавшие открыли столярную мастерскую. Вскоре к ним присоединился также сосланный в Читу И. В. Турович.

Прожив „коммуной" (так они обычно называли свое совместное житье) около 2-х лет в доме Качинской, бывшем декабриста Волконского, Богданов, Шишко, Союзов и Турович переехали сами и перевe-

ли свою столярную мастерскую в дом Ф. О. Смольяниновой—тещи декабриста Д. И. Завалишина, незадолго перед тем умершей.

В этом доме Ф. О. Смольяниновой прожил Д. И. Завалишин все время своего пребывания в Чите.

Живя в доме Смольяниновой, участники „коммуны" находили в кладовых и амбарах много разного имущества, оставшегося без хозяев после отъезда Д. И. Завалишина в Москву и смерти Ф. О. Смольяниновой.

Особенно интересовался „беспризорным" имуществом С. П. Богданов.

Через некоторое время участники „коммуны" перебрались в другую часть города, вблизи строившегося здания мужской гимназии, в котором все столярные работы были взяты ими.

Ив. Ос. Союзов, женившийся на Качинской, перевез на новое место, теперешнюю улицу Профсоюзов, дом бывш. декабриста Волконского.

Для столярной же мастерской „коммуной" построили рядом новый дом, неподалеку от которого выстроил себе избушку, получившую название „зимовье" С. П. Богданов.

В эту столярную мастерскую (а может быть в „зимовье" Богданова) и были перевезены вместе с прочим имуществом книги и письма, найденные в вещах Д. И. Завалишина в доме Ф. О. Смольяниновой.

А отсюда в середине 90-х годов эти книги вместе со всей библиотекой „коммуны" были переданы в зарождающийся в то время Забайкальский Отдел Русского Географического Общества.

Библиотека „коммуны" послужила основанием публичной библиотеки Географического Общества, теперешнего Губернского Коллектора, а книги, взятые в доме Ф. О. Смольяниновой в вещах Д. И. Завалишина, поступили в декабристскую коллекцию Читинского музея.

На чердаке столярной мастерской, переданной позже сосланному по Стрельниковскому процессу Г. Е. Батагову, много лет спустя сын политического ссыльного Б. А. Медведев находил несколько раз письма и различного рода переписку Д. И. Завалишина, которая также находится теперь в Читинском музее.

Вот в кратких словах история книг, находящихся в коллекции декабристов в Читинском музее.

Относительно одной книги—рукописной поваренной—традиция говорит, что книга эта, приобретенная для музея в Петровском заводе у Я. М. Рубинштейна, не только принадлежала декабристам, но ими была и переписана с печатного оригинала. Несомненно, что для окончательного решения этих вопросов нужно собрать о ней дополнитель-

ные сведения и кроме того сличить почерки, которыми она написана с известными нам факсимиле декабристов.

Что касается содержания находящихся в коллекции книг, то оно очень различно и вполне соответствует тому разнообразию в области умственных запросов, которым отличались декабристы.

Встречаются книги по математике, астрономии, физике, химии, минералогии, технологии, словесности, истории и др., как теоретического характера, так и практические руководства.

Многие из имеющихся книг вполне соответствуют, как пособие, курсам той т. н, „каторжной академии", основанной декабристами в стенах Читинского каземата, где Бобрищев-Пушкин и Басаргин читали лекции по высшей и прикладной математике, Вольф—физику, химию и анатомию, Вадковский—астрономию, Оболенский—философию, Корнилович и Муханов—русскую историю, Спиридов—историю средних веков, Одоевский—историю русской литературы, Никита Муравьев—военную историю и стратегию и т. д.

Разбирая книги в отдельности можно с некоторою вероятностью предполагать у кого из декабристов та или иная книга была в пользовании. Напр. о Лунине нам известно, что будучи ревностным католиком, он имел большое количество сочинений латинских отцов церкви. Основываясь на этом мы вряд ли ошибемся, если будем думать, что приводимая далее в списке книга: „Феофил Мариан"—несомненно находилась в числе его книг. Попав из Иркутской семинарии к Лунину, в то время когда он был на поселении в селе Урике, близ Иркутска, книга вместе с ним приехала в Забайкалье, где в конце концов нашла себе место среди книг Завалишина.

Таким же путем можно предположить кому именно из декабристов принадлежали некоторые другие книги.

Относительно того, что у декабристов во время пребывания их в заключении была большая библиотека, мы находим ряд сведений в их „Записках".

Так И. Д. Якушкин пишет: „В книгах недостатка не было, журналов получалось также довольно и всякий имел возможность читать лучшие сочинения по всем отраслям человеческих знаний"[1]).

Н. В. Басаргин говорит, что „из книг, привезенных каждым из нас, составилась порядочная библиотека, которою все могли пользоваться и это было одним из самых приятных наших занятий, самых полезных и действительных развлечений"[2]).

Рассказывая о жизни в Петровско-заводском каземате, тот же Н. В. Басаргин между прочим упоминает: „Мы выписывали также мно-

[1]) Записки И. Д. Якушкина. М. 1908. Стр. 125.
[2]) Записки Н. В. Басаргина. Петроград. Изд. „Огни", 1917. Стр. 107.

го иностранных и русских журналов, тоже чрез посредство и с помощью дам. Из французских: Journal des Debats, Constitutionel, Journal de Francfort, Revue Encyclopedique, Revue Britanique, Revue des deux mondes, Revue de Paris; немецкие: Preussische Staatszeitung, Гамбургского Корреспондента, Аугсбургскую Газету; русские почти все журналы и газеты. Все это мы читали с жадностью, тем более, что тогдашние события в Европе и самой России, когда сделалось Польское восстание, не могли не интересовать нас. При чтении журналов и газет введен был порядок по которому каждый ими пользовался в свою очередь и это наблюдалось с большою строгостью и правильностью. На прочтение газеты определялось два часа, а для журнала два и три дня. Сторожа наши беспрестанно разносили их из номера в номер с листом где отмечалось каждым из нас время получения и отправки.

Библиотека наша также неимоверно увеличилась, так что не могла уже быть общею, и потому каждый держал свои собственные книги у себя и брал у других то, что было ему нужно. В особенности женатые, и между ними Муравьев Никита Михайлович, имели огромное количество книг, в которых никому не отказывали, хотя нередко их богатые издания подвергались от неосторожности чтецов не только повреждению, но и совершенному истреблению"[1]).

Д. И. Завалишин в свою очередь говорит, что „число всех книг, находившихся в каземате и в домах у дам, перешло в последнее время за полмиллиона томов, так как многим стали наконец высылать целые их прежние библиотеки, состоящие у некоторых из нескольких десятков тысяч томов. Образовались даже отличные специальные библиотеки. Так например, одна медицинская библиотека состояла более, нежели из 4-х тысяч книг и самых дорогих атласов... У меня также библиотека, языках на пятнадцати, состояла более, нежели из тысячи томов"[2]).

Несомненно, что цифры, даваемые Д. И. Завалишиным, вряд ли вполне соответствуют действительности, но это нисколько не колеблет того факта, что книжные богатства декабристов во время пребывания их в Чите и особенно в Петровском заводе были весьма значительны.

А отсюда легко придти к мысли, что книги, прошлое которых мы до некоторой степени раскрыли, действительно, за единичными исключениями, являются, правда, ничтожной, но все же частью этой духовной сокровищницы декабристов.

Ограничившись этими предварительными замечаниями, дадим далее место самому списку книг.

---

[1]) Записки Н. Е. Басаргина Стр. 159.
[2]) Записки декабриста Д. И. Завалишина. Мюнхен. 1904. Том II, стр. 94-95.

РУКОПИСНЫЕ КНИГИ.

1. „Новые пошлинным зборам статьи каковы по указу Великого Г-дря ц-ря и Великого князя Петра Алексеевича Всея Великия и Малыя и белыя России Самодержца в Сибирском приказе в нынешнем в 207-м году в ноябре м-це сучинены и во все сибирские города посланы, в Енисейск".

„Копия с подлинных статей списана 1740-года марта 19"[1]).

2. „Новейшая и подробнейшая со всякою точностию обработанная поваренная книга, или опытные: кухмистер, приспешник, кандинтор и дистиллатор.

Состоящая в шести частях, содержащая в себе: как приготовлять самые в кусные скоромные и постные кушанья по вкусу для всякого состояния особ; как готовить всяких родов новейшие рагу и соусы; делать ныне употребительнейшие пирожные, Масло—исыр.—Кандитерские наставления, как срывать всякие летние плоды и сберегать их, варить разные варенья, компоты, ягодники, мармелады, сыропы, цветы и консервы; делать бисквиты, десертные кремы, мороженое, желе, постилы, французские конфекты, пирошки Миндальные разного рода, ковришки и пряники.— правила: как варить меды, гнать разные благовонные воды составлять водки, наливки, ликеры, ратафии, разные домашние напитки, вина и прот, как солить огурцы и грибы; с присовокуплением наставления, как содержать и произращать всех родов огородные овощи, коренья итравы, как оные сушить и в прок заготовлять и прочая.

Печатать дозволяется с тем. чтобы по напечатании, до выпуску в пуплику, представлены были в цепсурный комитет: один экзепляр сей книги для цепсурного комитета, другой для департамента Министерства Народного просвещения, два екзепляра для императорской публичной библиотеки и один для императорской академии наук марта 9 дня 1817 ГОДА сию книгу рассматривал ординарный профессор и доктор мидицины василей котельницкий.
Москва в типографии решетникова 1818 года"[2]).

ПЕЧАТНЫЕ.

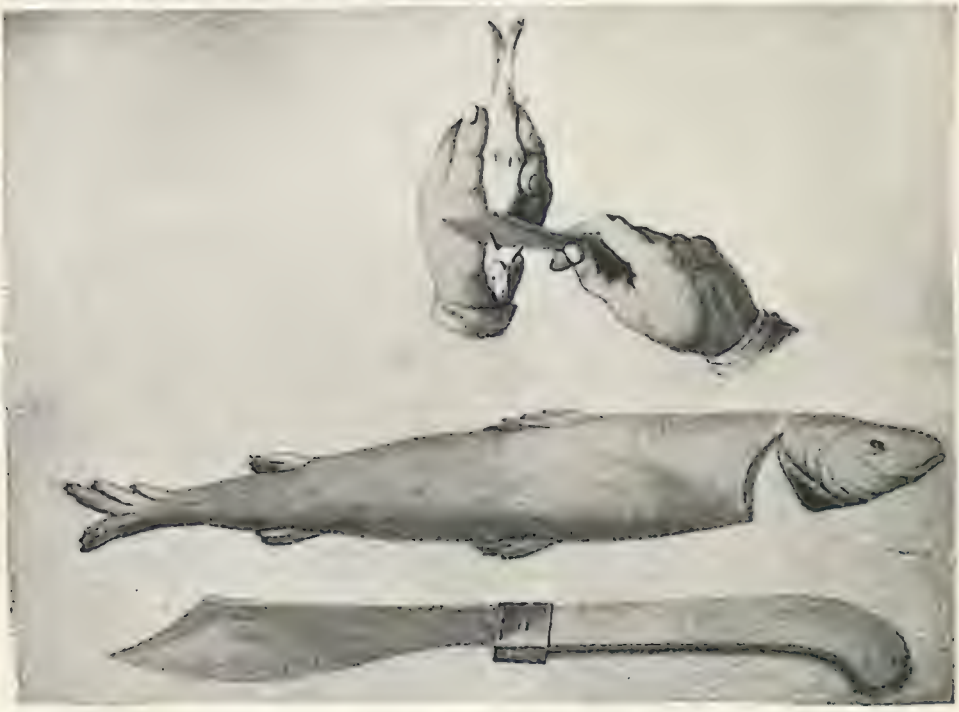
1. „Сочинение о турфе, изданное Зереном Абилдгардом, переведенное с Немецкого на Российский язык Горного Училища студентом

[1]) На переднем листе скорописью XVIII в. надпись: «Сие статьи суздальца Ивана Васильева сына Слезина в Енисейске Граде 752-го Месяца Августа. День. Подарил я Иван Васильев Енисейского купца Ивана Яковлева сына Галичина».
Дальше надпись по польски: „Иван Слезин".
На незаполненных листах книги большое число записей и расчетов, при чем все оне касаются доставки дров.

[2]) Книга переписана разными почерками.

1

2



Рисунки декабристов: 1 Образец для вышивания. 2. Как потрошить рыбу?

НИКИТОЮ РОЖЕШНИКОВЫМ Рассматривано учрежденнымпри оном Училище Собранием.

Печатано в Санктпетербурге при том же Училище 1776 года".

2. Иван Борн. „Краткое руководство к российской словесности. С позволения Санктпетербургской Ценсуры.

Санктпетербург, печатано в Типографии Ф. Дрехслера. 1808 года".

3. „Опыт кронштетова рудословия с прибавлениями Г. Бринниха, переведенный с Немецкого на Российский язык Горного Училища Студентом Матвеем Курдыманом.

Печатан в Санктпетербурге при том же Училище 1776 года".

4. „Всеобщее землеописание, изданное для народных училищ Российской Империи.

Часть II. содержащая Азию, Африку, Америку и Южную Индию.

В Санктпетербурге. Печатано у содержателя Типографии Комиссии об учреждении Училищ Ѳ. Брункова. 1795 года"[1]).

5. „История царствования Лудовика XIV и Лудовика XV, королей французских, с присовокуплением словаря всех знаменитых Французских мужей: министров, полководцов, писателей и художников, прославивших царствование сих государей.

Сочинение Г. Волтера.

Перевел с французского Александр Воейков. Часть третия.

Москва в Университетской Типографии 1809"[2]).

6. „Новая манера, укрепленню городов учиненная чрез господина блонделя, генерала порутчика воиск короля французского, преж сего учителя в математике Господина Князя Делфина; сына его величества.

Напечатана в Париже по указу Королевскому лета, 1683 от рождества христова.

Преведена же на Российский язык; повелением царского величества и напечатана в Москве лета 1711 в марте месяце".

7) „Древнего летописца часть вторая, содержащая в себе повесть происшествий, бывших в России с $\frac{6887}{1379}$ по $\frac{6932}{1424}$ год: то есть последние лета княжения великого князя Дмитрия Ивановича Донского и владение великого князя василья Дмит. . . . . "[3]).

8) „Журнал общеполезных сведений или Библиотека земледелия, промышленности, сельского и домашнего хозяйства. Наук, Искусств, ремесл и всякого рода полезных знаний.

---

[1]) На заглавном листе книги надпись о принадлежности книги Гавриилу Чернышеву и Иосафу Смольянинову.

[2]) На страницах книги ряд надписей самого различного содержания.

[3]) Дальнейшая часть заглавного листа оторвана. В книге большое количество пометок на полях и надписи на корках.

Между прочим, надпись о принадлежности книги: «книга Сурина».

Издается под покровительством Императорского Экономического Общества. 1835.

За 1-е Января. № 1. Третий год.

Санктпетербург, в типографии н. Греча. 1834".

9. Записки для хозяев. Листы 18—34. Стр. 137—272. С. П. Б. 1844. В типографии Э. Праца.

10. „История Польская. Том II. Книга пятая от 1102 по 1139 год"[1]).

11. „Новейший и совершенный парижский повар для городских и сельских жителей, Содержащий в себе 736 правил, или Верные наставления, как приготовлять самые лучшие, деликатные, простые, скоромные и постные Русские кушанья, с прибавлением о пирожных, конфектах и вареньях; также с показанием, как разрезывать мяса, сберегать съестные припасы, поправлять вины и делать разные ратафии.

Полезнейшее Сочинение Корделли, первого Королевского Кухмистера и Кондитера.

Перевод с Французского.

С картинами.

Москва. В Типографии Императорского Московского Театра, 1826 года. У Содержателя А. Похорского".

12. Краткая всеобщая история. Издание времени царствования Екатерины Второй[2]).

13. „Краткое землеописание Российской Империи, царства польского и Великого Княжества Финляндского, для употребления в Уездных училищах Российской Империи, изданное от Департамента Народного Просвещения.

Санктпетербург.

В типографии департамента народного просвещения 1822 "[3]).

14. „Краткое руководство к теоретической геометрии в пользу учащегося в гимназии при Императорской Академии Наук Российского Юношества, сочинено той же Академии Наук членом Георвом Волфгангом Крафтом, и переведена с немецкого языка Иваном Голубцовым. Издание второе.

В санктпетербурге при Императорской Академии Наук"[4]).

---

[1]) На первом листе книги инициалы «О. В.». На полях встречаются кое-где пометки тем же почерком, что и в книге № 7.

[2]) Заглавного листа нет. В книге незначительное количество надписей.

[3]) На заглавном листе надпись: „Из книг Осипа Смольянинова".

[4]) Год издания стерт. Чернилами написано: „18—16".
В книге большое количество надписей математического и иного содержания. Есть и на латинском языке.
Книга принадлежала Гавриилу Чернышеву.

15. „ИОГАННА ГОТЛОБА ЛЕМАНА, Королевского Прусского Горного Советника, императорской академии наук Химии Профессора и члена Минералогия.

Переведена андреем нартовым, Статским Советником, членом Берг-коллегии Монетного департамента, вольного Экономического общества, и Лейпцигского ученого собрания свободных наук.

В Санктпетербурге. 1772 года".

16. „Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири, 1831 года составленные Статским Советником И. Пестовым"[1]).

17. „Козьма Минич Сухорукой, избранный от всея земли русския человек. Чтение на торжественном акте Московской практической, коммерческой академии, Июля 10-го дня, 1833 года.

Сочинение Николая Полевого. Совета Академии и находящегося при оной Общества Любителей Коммерческих знаний, С.-Петербургской Академии Наук и разных Ученых Обществ Члена, Московского купца и Кавалера.

Москва. В Университетской Типографии. 1833.

18. „Политический журнал, с показанием ученых и других вещей, издаваемый в Гамбурге Обществом ученых мужей. Перевод с немецкого.

1793 год. Часть первая.

Москва, в университетской типографии у В. Окорокова, 1793.

19. „Политический журнал, с показанием ученых и других вещей. 1793 года, месяц Март. Часть третия"[2]).

20. „Полный месяцослов"[3]).

21. „Приключения Маркиза Г."[4]).

Перевод Ивана Елагина.

22. „Новая Элоиза, или письма двух любовников, жителей одного небольшого города у подошвы Альпийских гор, собранные и изданные Ж. Ж. Руссо.

Перевел с французского Александр Палицин. Издание второе. Часть девятая.

Москва, в типографии Августа Семена. 1821"[5]).

В том же переплете и часть десятая.

---

[1]) Дальнейшей части заглавного листа нет.

[2]) На книге надпись „Анна Анатольевна". Относительно обоих выпусков „Политического журнала" имеются сведения, что они поступили в музей от А. А. Тумановой в 1836-ом году.

[3]) Заглавного листа нет. Можно с большой вероятностью установить год издания: „1817". На полях незначительное число пометок карандашем.

[4]) Заглавного листа нет. Отсутствуют также последние страницы. На первом листе печать „Е. С". На обороте надпись: «Осипа Власова».

[5]) В книге много цифровых пометок карандашем.
Надписи указывают на принадлежность книги разным лицам.

23. „Историческое описание Глинской Богородской пустыни, состоящей курской епархии и губернии в путивльском уезде, составленное Николаем Самойловым, состоящего под Высочайшим покровительством Общества Истории и древностей Российских Соревнователем. Часть I.

Санктпетербург. В типографии Конрада Вингебера. 1835".

Там же часть 2.

24. „Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни, состоящей Курской епархии и губернии в путивльском уезде, составленное Николаем Самойловым, состоящего под Высочайшим покровительством Общества истории и древностей Российских Соревнователем. Часть 1.

С.Петербург, в типографии Леонтия Снегирева и К⁰. 1836"[1]).

25. „Киев в начале своего существования, блеске, славе, величии, разрушении и возобновлении; с историческим описанием двух первых церквей, сооруженных равноапостольным князем Владимиром, по восприятии святого крещения в 989 году, и существующих поныне в Киеве, с планом и видами оных церквей.

Соч. Николая Самойлова.

Москва. 1834, в типографии Лазаревых Института Восточных языков"[2]).

26. Фон-визин. Недоросль. Комедия[3]).

НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ.

Перевод.

1. И. И. БЕРЦЕЛИУС. Трактат по химии. Новое издание, совершенно переработанное по 4-му немецкому изданию, опубликованному в 1838 г. Б. Валериусом, доктором наук. Том первый. *С фр.*

Брюссель, типографское бельгийское общество, Адольф Вален и К-о. Медицина и смежные науки. Х. Дюмонт, издатель, 1838 г.

2. То же. Том второй.

3. Первоначальные сведения из физики, работа, одобренная королевским советом общественного воспитания для преподавания в учреждениях французского университета; составлено К. ДЕСПРЕЦЕМ, профессором физики в политехнической школе и в королевском колледже Генриха IV. Третье *С фр.*

---

[1]) В книге надпись: "Дражайшей сестрице Филинцете Осиповне Смольяниновой В знак истинного почитания. От автора 12 декабря 1837. С. Петербург.

[2]) В книге надпись: "Ее Высокоблагородию Милостивой Государыне Филинцете Осиповне Смольяниновой. В знак родственной любви и преданности. От сочинителя. 14 Июнь 1835. С. Петербург.

[3]) Книга без начала и конца: стр. 15—142.

издание, совершенно переработанное и снабженное шестнадцатью гравюрами.

Париж. Меквиньон-марви, книгоиздатель, улица Дюжардине, № 13. Брюссель, у Тирхера. Льеж, Десер. 1832.

4. Французская грамматика...[1]). *С фр.*

5. Трактат о небесной механике П. С. ЛАПЛАСА, члена Национального института Франции и бюро долгот. Том первый. *С фр.*

Типография Крапеле. В Париже, у Г. Дюпра, издателя сочинений по математике, Августинская набережная. Год VII [2]).

6. То же. Том второй [3]).

7. Трактат о небесной механике П. С. ЛАПЛАСА, члена сената блюстителя, французского национального института и бюро долгот, королевских обществ в Лондоне и в Геттингене, академий наук в России, Дании, Италии и пр. Том третий. *С фр.*

Типография Крапеле. В Париже, у И. Б. Дюпра, издателя сочинений по математике, Августинская набережная. Год XI-1802 [4]).

8. Трактат о небесной механике г. ЛАПЛАСА, канцлера сената-блюстителя, кавалера ордена почетного легиона, члена французского института и бюро долгот, члена королевских обществ в Лондоне и в Геттингене; академий наук в России, Дании, Италии и пр. Том четвертый. *С фр.*

В Париже, у Курсье, издателя сочинений по математике. Августинская набережная, № 71. Год XIII-1805 [5]).

9. Трактат о небесной механике маркиза ЛАПЛАСА, пера Франции, кавалера большого ордена Почетного Легиона; одного из сорока членов французской академии; члена академии наук, члена французского бюро долгот; королевских обществ в Лондоне и в Геттингене; академий наук в России, Дании, Швеции, Пруссии, Нидерланд, Италии, Бостона и пр. Том пятый. *С фр.*

Париж, Башелье (наследник м-м Курсье), издатель. Августинская набережная № 55. 1825 г.[6]).

---

[1]) Дальнейшая часть заглавного листа оторвана.
В книге значительное количество надписей.
Надпись о принадлежности книги на задней корке: «Сия тетрадь лейб-гвардии Семеновского полка 9 роты капрала Николая ...епирина»

[2]) В книге надписи: „Вадковского"—зачеркнуто; „Трубецкого"; „видал Лепарский".

[3]) Надписи: „Wadkovsky"—зачеркнуто; „Трубецкого"; „видал Лепарский".

[4]) Зачеркнутая надпись: „Вадковского". Под ней написано: „Трубецкого". Надпись: „видал Лепарский".

[5]) Надписи: „Wadkovsky"—зачеркнуто; „Трубецкого"; „видал Лепарский".

[6]) Надписи: „Вадковского" —зачеркнуто; „Трубецкого"; „видал Лепарский".

10. Феофил МАРИАН или науки, и при этом упражнения XXXI. Приведены в одну систему для воспламенения любви к Богу любовью Богородицы и любви к Богородице любовью Бога. *С лат.*

Дано в подарок братьям благого братства благодатной девы Марии, со славою на небеса вознесенной.

Составлено в Оломюцком университете общества иезуитов.

Посвящено, как новогодний подарок 1694 года.

С надлежащего разрешения.

Оломюц.

Типография Иоанна Иосифа Килиана [1]).

11. Теоретическое и практическое руководство садоводства, содержащее первоначальные сведения о разведении растений; строение растений, их оплодотворение и размножение; периоды питания, рост деревьев; описание и разведение растений огородных, ароматических, хозяйственных; фруктовых деревьев, декоративных деревьев и кустарников; декоративных растений, оранжерейных и тепличных растений; книга снабжена словарем садоводческих и ботанических терминов и аналитической таблицей материалов. Составлена ПИРОЛЛЕМ. *С фр.*

Новое издание просмотренное и дополненное г. г. Буатардом и Нуазеттом, иллюстрировано г. Тибольтом.

Париж, Альфонс Пигаро—издатель, Августинская набережная, 9, 1848 г.[2]).

12. Технологическая энциклопедия, или Руководство технологии, технической химии и механических частей в алфавитном порядке. Для пользования камералистов, сельских хозяев, художников, фабрикантов и промышленников всякого рода. Издано Иох. Иос. Прехтэ, действительным советником губернского правления и директором политехнического института в Вене, членом сельскохозяйственного общества в Вене, Граце и Лайбахе, общества земледелия, естествознания и землеведения в Брюнне, общества природоведения и медицины в Гейдельберге; почетным членом академии земледелия, торговли и искусств в Вероне; членом корреспондентом королевско-баварской академии, общества покровительства полезным искусствам и вспомогательным к ним наукам во Франкфурте на Майне; иногородним членом по- *С нем.*

[1]) В книге несколько надписей. Одна из них: «Ex Bibliotheca Seminarii Ircutscien
[2]) В книге несколько пометок карандашем.

литехнического общества в Баварии; действительным членом общества покровительства всем естественным наукам в Марбурге и сельскохозяйственного общества великого герцогства Бадена; почетным членом общества покровительства промышленности в Пруссии, Экономического общества в королевстве Саксонии, областного экономического общества в Потсдаме; общенародного швейцарского общества естественных наук и аптекарского общества в великом герцогстве Бадене. Первый том. С чертежами от 1 до 19.

Штутгарт, 1830. В издании книготорговли И. Г. Котта. Вена, у Карла Герольда.

13. То же. Второй том. С чертежами от 20 до 38.

14. То же. Четвертый том. С чертежами от 58 до 85. Штутгарт. 1833.

15. То же. Пятый том [1]).

16. То же. Шестой том. С чертежами от 102 до 125. Штутгарт, 1835.

17. То же. Седьмой том. С чертежами от 126 до 150. Штутгарт, 1836.

18. То же. Восьмой том. С чертежами от 151 до 177. Штутгарт, 1837.

19. То же. Девятый том. С чертежами от 178 до 202. Штутгарт, 1838.

20. То же. Десятый том. С чертежами от 203 до 230. Штутгарт, 1840.

21. То же. Одиннадцатый том. С чертежами от 231 до 257. Штутгарт, 1841.

22. То же. Двенадцатый том. С чертежами от 258 до 284. Штутгарт, 1842.

23. То же. Тринадцатый том. С чертежами от 285 до 324. Штутгарт, 1843.

24. То же. Четырнадцатый том. С чертежами от 322 до 352.

Штутгарт, 1846.

25. То же. Пятнадцатый том. С чертежами от 353 до 375. Штутгарт, 1847.

26. То же. Шестнадцатый том. С чертежами от 376 до 411.

Штутгарт, 1850 [2]).

---

[1]) Заглавного листа и первых шести страниц нет. Нет также 593 и 594 стр. На задней корке книги надпись: „This book belung to mee M. Roobinshtain".

[2]) Нет страниц с 353 по 368.

27. То же. Семнадцатый том. С чертежами от 412 до 436. Штутгарт, 1851.

28. Практическое руководство к химическому анализу, снабженное таблицами, служащими при анализах, для вычислений количества вещества по найденному количеству другого вещества. Составлено Генрихом РОЗЕ. Перевод с немецкого второго издания Л. ЖУРДАНА, члена королевской академии медицины. *С фр.*

Просмотрено и исправлено по третьему немецкому изданию, и дополнено синоптическими таблицами и сочинением о химическом анализе Б. ВАЛЕРИУСА, доктора физических и математических наук.

Брюссель, Г. Дюмонт, издатель, улица Фоссе-о-люпс. Лондон, Дюло и К°, книжная торговля. 1836 [1]).

29. Руководство аналитической химии Генриха РОЗЕ. Второй том. Учение о количественном химическом анализе. Четвертое издание. *С нем.*

Берлин, 1838. У Эрнста Зигфрида Митлера.

30. Руководство теоретической химии. Для преподавания и для самообучения. Составлено Эрнстом Людвигом ШУБАРТОМ, доктором медицины и хирургии, экстраординарным профессором медицины в Королевском университете в Берлине, членом королевской промышленной депутации в Министерстве внутренних дел и полиции, преподавателем физики и химии в королевском ремесленном институте, почетным членом русского императорского фармацевтического общества в Петербурге, королевского Саксонского экономического общества в Дрездене и северонемецкого аптекарского общества. Третье вполне переработанное и исправленное издание. *С нем.*

Берлин, у Августа Рюккера. 1827.

31. Технологическая Энциклопедия, или Руководство технологии, технической химии и механических частей. Издано Иос. Иох. Риттером фон-Прехте. Чертежи. Первый отдел, содержащий чертежи 1—101 к томам I—V. *С нем.*

Штутгарт. Издание книжной торговли И. Г. Котты. Вена, у Карла Герольда [2]).

32. То же. Чертежи 161—321 [3]).

[1]) На заглавном листе надпись: „Z Biblioteki Nerzynskiej".

[2]) Выпуск разбит. Нет таблиц с 1-ой по 38, 55, 56, с 67 по 101.

[3]) Нет таблиц с 165 по 171, 203, 258, 269, 318, 320, 321. На корках рисунки чернилами детской рукой.

33. То же. Чертежи 322—352. Чертежи 353 – 375 [1]).
Шестнадцатый выпуск. Чертежи 376—411 [2]).
Семнадцатый выпуск. Чертежи 412—436.
34. Семнадцатый выпуск. Чертежи 412—436[3]).
35. То же. Восемнадцатый выпуск. Чертежи 437—459 [4]).
36. То же. Девятнадцатый выпуск. Чертежи 460—485.
37. То же. Двадцатый выпуск. Чертежи 486—534 [5]).

---

[1]) Нет таблицы 368.
[2]) Нет таблицы 384.
[3]) Нет таблицы 412.
[4]) Нет таблиц 447, 454.
[5]) Нет таблиц 522, 523, с 525 по 534.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН.

Аврамов П. В., декабр.—19, 23.
Азадовский Марк—95.
Александр III—29.
Андреев А. Н., декабр.—19, 23.
Анненкова П. Е., жена декабр.—14.
Анненкова А., дочь декабр.—23.
Ахиллес-Заборинский—51.

Бандура, жандарм—94.
Барсуков И.—51.
Барятинский А. И , декабр.—10.
Басаргин Н. В., декабр.—27, 100, 101.
Батагов Г. Е., госуд. прест.—99.
Безруких П. Р.—6.
Беляев А. П., декабр.—28.
Бенкендорф, шеф жандармов—30.
Бестужев А. А. (Марлинский), декабр. — 16, 95-97.
Бестужев М. А., декабр.—10, 12, 13, 15, 16, 18-20, 50, 95-97.
Бестужев Н. А., декабр —10, 13, 14, 17-20, 23, 50.
Бестужева М. Н., жена М. А. Бестужева—23.
Бестужев Ник., сын М. А. Бестужева—23,
Бобрищев-Пушкин 2-ой П. С., декабр.— 13, 18, 100.
Богданов С. П., госуд. прест.—98, 99.
Борисов А. И., декабр.—10, 12, 18, 19, 22.
Борисов П. И., декабр.—10, 12, 18, 19, 22.
Бродяга Ив.—88, 89.
Броневский, ген.-губ. В. С. —49.
Бурнашев, нач. Нерчин. зав. — 10.
Бутаков—71, 74, 75, 78, 84.
Буцинский П.—51.

Вадковский Ф. Ф., декабр.—100, 107.
Валуев, статс-секр.—60, 61, 81.
Веденский—89, 92
Фон-Визина Н. Д , жена декабр.—14.
Фон-Визин, младенец—23.
Власов О.—105.
Волков—42.
Волконский С. Г., декабр.—10 27, 29, 30 98, 99.
Волконская М. Н., жена декабр —11, 14, 25, 27, 29, 30.
Волконская Софья, дочь декабр.—23.
Ворожцов Н.—56, 70-74, 83.
Вольф Ф. Б., декабр —13 17, 29, 100.

Гантимуров—92.
Герцен А И.—21.
Гирченко Вл.—19, 22, 25.
Глазунов—89
Глебов М. Н., декабр —10, 19, 22, 23. 26, 28, 29.
Головачев П. М.—23, 28
Головинский М.—11.
Горбачевский И. И., декабр.— 10, 19-21, 23, 33-35, 41-47, 50.
Грешенин Г. С.—8.
Грюнберг Ю. Г.—6.

Давыдов В. Л., декабр.—10, 12.
Давыдова А. И., жена декабр.—14.
Дейхман О. А.—34, 37-39, 46.
Дубинский—69.

Ентальцева А. В., жена декабр.—14.
Ефимов И. В.—51.

Жуковский, ген.-лейт.—60.

Завалишин Дм. Ир., декабр —13, 19, 22, 48-94, 99, 101.
Завалишина Ап. С., урожд. Смольянинова, жена декабр.—23, 48.
Завалишина, сестра декабр.—66.

Завалишин Ип. Ир., госуд. прест. — 33, 34, 36-40.
Завалишина Авдотья, урожд. Сутурина—40.
Запольский, воен. губ. Заб. обл.—51.
Зензинов М. М.—23.

Иванов, казак—89.
Иванов, капитан—12.
Ивашов В. П., декабр.—18.
Ивашевский В.—61.
Ишерский В. И.,—6

Кайдалов—88.
Карякин—89.
Качинская А. С.—98, 99.
Киреев И. В., декабр.—26, 29.
Корнилович А. О., декабр.—13, 100.
Корсаков М. С., полк., впоследствии ген.-губ. —. С.—47, 53, 67, 77, 88.
Котляревский Н. А.—95.
Крапоткин П. А—51.
Кропачев—71, 75, 78, 84, 89.
Крюков Н. А., декабр.—16.
Кузнецов А. К.—25, 48, 53.
Куломзин, плац-адъютант—12.
Кураев—79, 81.
Куркин—86.
Кюхельбекер В. К., декабр.— 19, 22, 50.
Кюхельбекер М. К., декабр.— 19, 22, 23, 46, 47, 50.

Лавинский М. В., ген.-губ. В. С.—11, 12,
Левензон Г. Е.—6.
Ленин В. И.—28.
Лепарский С. Р., ген.-майор, комендант декабристов — 14, 31, 32, 35, 36, 107.
Лепарский, плац-маиор, подполковник—14.
Линден А М.—51, 53, 54.
Ловцов—88.
Лоншаков—90.
Лохов— 42.
Лунин М. С., декабр.—19, 22, 23, 100.

Макарий, митр. моск.—51.
Макаров Д.—71, 73, 74.
Манганари Н. А., урожд. Фролова—25.
Машуков—40 46.
Медведев Б. А.—99.
Мелехин—35, 36.
Миша, сын Волконских—27, 29.
Михайлов Ив.—87.
Мозалевский А. И., декабр.— 29, 33-35, 40-44.
Мордвинов—78.
Мостовский И.—56, 57, 80-83, 85-87.
Муравьев Арт. З., декабр,—10, 17.
Муравьев Ал-др. Н., декабр. 16, 19, 22.
Муравьев Н. М., декабр.— 13, 100, 101.
Муравьева А. Г., жена декабр.—14, 17, 23, 35.
Муравьев-Амурский Н. Н., ген.-губ. В. С.— 22, 48, 49, 51-54.
Муханов П. А., декабр —13, 100.
Мясников, купец—46.

Нарышкина Е. П., жена декабр.—14.
Нарышкин, ген.-маиор—91.
Николай I-й—11.
Нил, архиепископ—41.

Оболенский Е. П., декабр.— 10, 11, 19, 22, 100.
Одоевский А. И., декабр.—13. 18, 95, 100.
гр. Орлов А. Ф., шеф корпуса жандармов—44, 46.

Пестов А. С., декабр.—23.
Поджио А. В., декабр. —13, 25, 27 28, 30.
Позняк М. Д.—95, 96.
Позняк А. Д.—95.
Прибавкин—42.
Пушкин А. С.—19, 50.
Пущин И. И. декабр.—50.

Радищев А. Н.—9.
Ребиндер, полковник—32.
Рик—11, 35.
Рогачев Г. П.—6.
Родионов—87, 91, 93, 94.
Розен А. Е., декабр.—10, 12-16, 18.
Рубинштейн М.—109.
Рубинштейн Я. М.—99.
Рупорт, ген.-губ.—38, 39, 41,43.

Савинский—19.
Свистунов П. Н., декабр.—16, 50.
Слезин Ив.—102.
Смирнитский—56, 67-74, 76, 77, 79.
Смольянинов С. И., нач. горн. окр.—48.
Смольянинова Ф. О., теща декабр. Завалишина—89, 99, 106.
Смольянинов Иосаф—103, 104.
Соловьев В. Н., декабр.—26, 29.
Союзов И. О., госуд. прест.—98, 99.
Спиридов М. М., декабр.—26, 29, 100.
Сукачев П.—60, 67, 77, 88.
Сурин—103.
Сутурин Лука—34, 39.
Сутурина Авдотья—34, 39.

Таскин—36-38, 43.
Толмачев П.—55-57, 69-75.
Томилин Н. Н.—31.
Торсон К. П., декабр. — 13, 14, 17, 19, 20, 23, 28.
Трубецкой С. П., декабр.—10, 12, 16, 107.
Трубецкая Е. И., жена декабр.—11, 14, 16.
Туманова А. А.—105.
Турович И. В., госуд. прест.—98.

Фаленберг П. И., декабр.—18, 26, 27, 29.
Фролов А. Ф., декабр.—18, 25-30, 48, 50.

Харчевников А. В.—1, 6, 48, 98.

Цейтлин А. Л.—6.

Чернышев Гавр.—103, 104.

Шелашников К. Н., воен. губ. Заб. обл.—54-57, 61, 63, 68, 70-72, 74-76, 78, 84, 85, 89, 92.
Шелехов—87, 91, 93.
Шимков И. Ф., декабр.—19, 22.
Шишко Л. Э., госуд. прест.—98.

Эпов А. Г.—9.

Юшневский А. П., декабр.—12.
Юшневская М. К., жена декабр.—25, 27.

Яковлев—46.
Якубович А. И., декабр.—10, 12, 29.
Якушкин И. Д., декабр.—100.
Янышев—42.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ.

Воспоминания, письма, показания декабристов.

Анненкова П. Е. Записки жены декабриста.

Басаргин Н. В. Записки. П. 1917.

Бороздин А. К. (редакция). Из писем и показаний декабристов. СПБ. 1906.

Беляев А. П. Воспом. о пережитом и перечувствованном с 1805—1850. СПБ. 1882.

Волконская М. Н. Записки. П. 1914.

Волконский С. Г. Записки. СПБ. 1901.

Воспоминания братьев Бестужевых. П. 1917.

Гангеблов А. С. Воспоминания декабриста. М. 1888.

Горбачевский И. И. Записки. М. 1916.

Завалишин Д. И Записки. СПБ. 1906.

Лорер Н. И. Записки. Русск. Бог. 1904, кн. 6 и 7.

Лунин М. С. Сочинения и письма. П. 1923.

Муравьев А. М. Записки. П. 1922.

Муравьев-Апостол М. И. Воспоминания и письма. П. 1922.

Общественные движения в России в первую половину XIX в. состав. В. И. Семевский, В. Богучарский и П. Щеголев. Том I. СПБ 1905.

Рылеев К. Ф. и Одоевский А. И. Собрание сочинений. П. 1913.

Розен А. Е. В ссылку. М. 1900.

Трубецкой С. П. Записки. СПБ. 1907.

Тургенев Н. И. Россия и Русские. М. 1905.

Якушкин И. . Записки. М. 1908.

О декабристах.

Азадовский Марк. Н. Бестужев—этнограф. Иркутск. 1925.

Берсенев С.—С. И. Муравьев-Апостол. М. 1920.

Белоголовый Н. А. Воспоминания. СПБ. 1901.

Богучарский В. Из прошлого русского общества (ст. о бр. Бестужевых). СПБ. 1904.

Ветринский А. Н. Муравьев и др. декабристы во время крестьянской реформы, Сборн. „Великая Реформа", т. V.

Герцен А. И. Былое и Думы. П. 1919.

Его-же. Русский заговор 1825 г. Т. IX. Собр. соч. П. 1919.

Его-же. О развитии революционных идей в России. Т. VI. Собр. соч. П. 1919.

Гершензон М. История молодой России. М. 1908.

Его-же. Декабрист Кривцов и его братья. М. 1914.

Его-же. Образы прошлого. М. 1912.

Гирченко, Бл. Университет декабристов в Читинском и Петровско-заводском казематах. Известия кафедры Прибайкальеведения, № 1. Верхнеудинск. 1921.

Государственные преступления в России. Сборн. под редакцией Б. Базилевского. Т. I. СПБ. 1906.

Декабристы и тайные общества. М. 1906.

Декабристы 86 портретов. М. 1906.

Декабристы. Неизданные материалы и статьи. Под ред. Б. Л. Модзалевского. и Ю. Г. Оксмана. Москва. 1925.

Дмитриев-Мамонов А. Декабристы в Западной Сибири. СПБ. 1895.
Довнар-Запольский М. В. Тайное общество декабристов. М. 1907.
Его-же. Идеалы декабристов. М. 1907.
Его-же. Мемуары де-абристов. К. 1906.
Из записок Николая I. Былое, 1907, № 10.
Корф бар. Восшествие на престол имп. Николая I. СПБ. 1857.
Кубалов Б. Декабристы в Восточной Сибири Иркутск. 1925.
Матвеев З. Н. Декабрист Завалишин об Амурском деле. Известия Приморского Губернского Архивного Бюро, Т. I Вып. II. Владивосток. 1923 г.
Павлов-Сильванский Н. П. Пестель перед Верховным Уголовным Судом. Былое. 1906, № 2, 3, 4 и 5.
Его-же. Материалисты 20 гг Былое, 1907. № 7.
Плеханов Г. В. 14 декабря 1925 г. СПБ. 1906.
Покровский М. Русская история. т. III. М. П. 1923.
Его-же. Очерки русского революционного движения в XIX—XX вв. М. 1924.
Его-же. Легенда о декабристах. Записки Свердловского Университета.
Попов М. М. Конец и последствия бунта 14 декабря 1825 г. в сборнике „О минувшем". СПБ. 1909.
Рожков. Декабристы. Русское прошлое. т. I, II—М. 1923 г.
Русанов Н. С. Влияние европейского социализма на декабристов. Минувшие годы, 1908, № 12.
Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. Т. I. СПБ. 1888.
Его-же. Политические и обществ. идеи декабристов. СПБ 1909.
Сухозанет И. 14 декабря. Русская Старина, 1873, т. 7.
Трунева К. Из жизни и деятельности декабристов в Прибайкалье. Жизнь Бурятии, № 6. Верхнеудинск. 1924.
Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. I. СПБ 1903.
Штрайх С. Декабрист П. И. Пестель. Былое, № 20, 1922.
Его-же. Декабрист И. И. Пущин. М. 1925.
Щеголев, П. Е.—П. Г. Каховский. М. 1919.
Его-же. Николай I и декабристы. П. 1919.
Его-же. Исторические этюды. П. 1913.
Его-же. Мария Волконская. СПБ. 1922.
Его-же. Пестель П. И. Русская Правда.
Якушкин В. Е. Декабристы, кто они были и чего они хотели. СПБ 1906.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.

Стр.

Г. Грешенин. Предисловие 7

А. Эпов. Декабристы в Забайкалье (Краткий очерк) . . 9

В. Гирченко. Из неизданной переписки декабристов . . . 25

Н. Томилин. К характеристике пребывания и поселения декабристов в Петровском заводе 31

А. Харчевников. Высылка декабриста Д. И. Завалишина из г. Читы в 1863-ем году по архивным материалам Читинского музея 48

Проф. М. Азадовский. Автографы А. и М. Бестужевых в Читинском музее 95

А. Харчевников. Книжное наследие декабристов в коллекциях Читинского музея 98

Указатель личных имен 112

Краткая библиография 115

Издание закончено печатанием 3-го декабря 1925 года в типографии Акц. О-ва „Печатное Дело" в г. Чите.

Принимали участие в работе:

Наборщики:	А. В. Вильчковский.
	К. Ф. Данилов.
	И. С. Кайгородов.
	Ф. С. Крыжановский.
	В. Е. Лазарев.
	И. В. Миндель.
	Н. С. Нефедьев.
	А. П. Сурин.
Заведывающий печатным отделением	П. А. Крылов.
Печатники:	К. А. Марушевский.
	П. Н. Устюгов.
	Чи-кай-чин.
Заведывающий переплетно-брошюровальным отделением	Я. А. Заславский.
Корректора:	Н. М. Соколов.
	И. Ф. Ярмоленко.
Пом. Завед. типогр. по технич. части	К. Н. Первуницкий.
Директор-распорядитель типогр.	Д. П. Косых.